

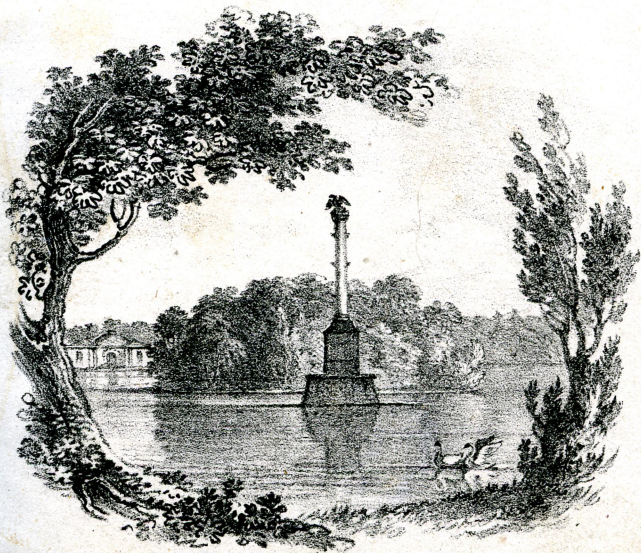
Нелы Александровы

Венны

онъ и да себѣ.

ШАРЦКОЕ СЕЛО.

1830.

ЦАРСКОЕ СЕЛО.

АЛЬМАНАХЪ

НА 1830 ГОДЪ.

ИЗДАНЪ

Н. КОПШИНЪМЪ И Б. РОЗЕНОМЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ПЕЧАТАНО ВЪ ТИПОГРАФІИ ПЛЮШКАРА.

НЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ:

съ шѣмъ, чшобы по напечатаніи представлены были
въ Цензурный Комитетъ три экземпляра.

С.-Петербургъ 2 Декабря 1829 года.

Цензоръ К. Сербиновичъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	Стран.
Зимнее утро	1.
Пѣсня	3.
Загадка. (При посылкѣ бронзоваго Сфинкса)	4.
Нива	5.
Веселка	7.
Осирова на садовомъ озерѣ. (Преданіе)	11.
Къ восходящему солнцу.	127.
Два сонета:	
I. Къ Волгѣ	129.
II. Къ бюсту Державина	150.
Мертвая красавица	151.
Въ Альбомѣ опгѣзжающей	153.
А. Н. Дьяконову	154.
Бѣдное дитя	155.
Прелестной Москвичкѣ	156.
Застольная пѣсня.	158.
Эпиграмма	140.
Бауль	141.
Къ Фиделіи. (Изъ Горация)	142.
М. —	144.
Аделина	145.

Сказка о медвѣдѣ косполомѣ и объ Иванахъ кунце-	
комѣ сынѣ	148.
Не унывай	158.
Будущность. (Мысли изъ Пророковъ)	159.
Рынды. (Изъ 1-й пѣсни поэмы: Рожденіе Іоанна	
Грознаго)	161.
Псаломъ 156	165.
Лѣтній Сѣверный вечеръ	165.
Спальня	167.
Розалія	169.
Адъ и Рай Магомедовъ	200.
Походъ къ малому Ярославцу. (Отрывки изъ	
Исторіи войны 1812 года	215.
(Изъ Гафиза)	253.
Невѣстѣ	254.
Падшій Серафимъ	255.
Борьба	257.
Олонецкая пѣсня	240.
Геній ушѣшншель	243.
Село Ивановское	244.
Отрывокъ изъ Драматической поэмы Іосифа	
Корженёвскаго: Ангелка	262.
П. И. М. (При врученіи стихотвореній Б. Д.)	275.
Процессъ. (Сказка)	279.

	Стран
Все изъ ничего	284.
Исквишяницъ. (Изъ 2-й пѣсни поэмы: Рожденіе Іоанна Грознаго,	290.
Примиреніе	304.
Къ другу	306.
Весна	307.
Желаніе	308.
Весна и осень	309.
Пѣсня	311.

При семь Альманахъ прилагаются: портретъ Барона А. А. Дельвига и заглавная вѣнчикъ, изображающая островъ на Царскосельскомъ садовомъ озерѣ, передъ которымъ возвышается памятникъ Графу А. Г. Орлову. Въ концѣ Альманаха находится листокъ съ пошамп для пѣсни: *Тоска любви волнуетъ грудь и пр.*

ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ.

Напечатано:

Читать:

Стран. Стр. или ст.

5	—	2. зѣринстая	зеринстая
16	—	6. изъ заперныхъ	изъ-за заперныхъ
18	—	19. попянь	попянь
58	—	9. народовую	народѡвую
54	—	10. соглашался бы	согласился бы
60	—	19. возрапнѣ	возраспѣ
72	—	17. оспвленной	оснавленной
76	—	14. въ Вѣнѣ	въ Вѣнѣ,
86	—	15. равную	рѣзкую
92	—	1. повела	подвела
93	—	7. не спесни эшого спрашнаго удара ду- ши,	не спесениъ эшого спрашнаго удара ду- ша,
95	—	1. прѣзжимъ	прѣзжимъ
109	—	1. предоснавила или, вѣриѣ мнѣ сказапъ,	предоснавила мнѣ, или, вѣриѣ сказапъ,
118	—	15. Сенапръ	Сенапоръ.
166	—	6. какъ	какъ
174	—	12. вснушан	вснушали

Напечатано :

Читать :

СТРАН. СТР. ИЛИ СТ.

176 — 15. Перезимовавъ

Перезимовавъ

210 — 8. буриспономъ

бури спономъ

262 — 5. Коржёневского:

Корженёвскаго:

Ошибка

Напечатано :

Читать :

СТРАН. СТР. ИЛИ СТ.

295 — 4- бездушную

безчадную.

ЗИМНЕЕ УТРО.

Морозъ и солнце; день чудесный!
Еще ты дремлешь, другъ прелесный —
Пора, красавица, проснись:
Открой сомкнуты негой взоры
На встрѣчу Сѣверной Авроры,
Звѣздою Сѣверной явись!

*

Вечоръ, ты помнишь, вьюга злилась,
На мутномъ небѣ мгла носилась;
Луна, какъ блѣдное пятно,
Сквозь лучи мрачныя жемчѣла,
И ты печальная, сидѣла —
А нынче погляди въ окно:

*

Подъ голубыми небесами
Великолѣпными коврами

Блестя на солнць, снѣгъ лежишь;
 Прозрачный лѣсъ одинъ черпѣшь
 И слѣ сквозь нисѣ зеленѣешь,
 И рѣчка подо льдомъ блеснишь.

*

Вся компанія лисарнымъ блескомъ
 Озарена. Веселымъ шрескомъ
 Трещишь заплемная пещь —
 Пріятно думать у лежанки.
 Но, знаешь: не вѣдьшь ли въ санки
 Кобылку бурую запречь?

*

Скользя по ушреннему снѣгу,
 Другъ милый, предадимся бѣгу
 Неперпѣливаго коня,
 И навѣспимъ поля пусшыя,
 Лѣса, недавно споль гусныя,
 И берегъ, милый для меня!

А. Пушкинъ.

П Ъ С Н Я.

Что ты, пастушка, приуныла?
Не плянешь, не поешь;
Къ колънамъ руки опустила,
Идешь — и не идешь;
Во взоръ, въ поступи — помленье!
Въ щскахъ пыласиъ кровь;
Ты и въ поскъ, и въ восхищенъ, —
На вѣрно по любовь!

*

Ага! закрылася руками;
Мнѣ отвѣчаешь: нѣтъ!
Не закрывай лица руками,
Не отвѣчай мнѣ: нѣтъ!
Я слышалъ, Хлоя, опъ пастушекъ,
Кто въ насъ волнуеиъ кровь;
Я слышалъ, Хлоя, опъ пастушекъ
Разказы про любовь!

Баронъ Дельвицъ.

ЗАГАДКА.

(При посылкѣ бронзоваго Сфинкса.)

— Кто на снѣгахъ возраспилъ Θεокриповы нежныя
розы,
Въ вѣкъ желѣзномъ, скажи, кто золоной угадалъ?
— Кто, Славянинъ молодой, Грекъ духомъ, а родомъ
Германецъ?
Вонъ загадка моя: хитрый Эдипъ, разрѣши!

А. Пушкинъ.

НИВА.

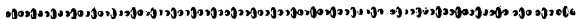

Какъ я люблю картину нивы,
Когда зѣрнисная, питаніемъ полна,
Какъ перси мапери-кормилицы, она
Кольнешся подъ вѣперкомъ игривымъ,
И перекашная волна
По ней, какъ по морю, гуляешь...
Надъ ней свѣшлѣй и ночи мракъ;
Ее природа одѣваетъ,
Какъ дѣву юную на бракъ!
Подъ сводомъ лхонповымъ неба
Какъ хороша для нашихъ глазъ
Сія сокровищница хлѣба!
На ней и бисеръ и алмазь
И жемчуги горятъ въ дождѣ росиспомъ...
И слышно далеко, въ раздоліи полиспомъ,
Какъ рѣзко звонкіе кричатъ перепелà,
И зелень, по мѣстамъ, привѣпливо свѣпла,

И ласково манишь прохожихъ взоры
Огонь холодный свѣплякѣ
И селянинъ, еще издалека
О жаживъ будущей заводишь разговоры.

Ө. Глинка.

ВЕСНАЛКА.

Скромно очи пошупляя,
 Легкой Граціи милѣй,
 Шла Весналка молодая —
 Гордый Ликшоръ передъ ней
 « Дай дорогу! » восклицаетъ,
 « Дѣвъ Весны дай пройши! »
 Эшо имя совращаетъ
 Племя Ромула съ пуши.

*

Рвеньє числовое ко благу
 Сильной родины храпя,
 Уважаюшь за присягу
 Жрицу вѣчнаго огня:
 Жрица дѣвственуешь, и сирого
 Ей любинь возирецено;
 Слава жриць! власни много
 Ей въ возмездіе дано!

*

Сходитьъ дѣва роковая
 Съ Кашипольскаго холма.
 Слышешь дальній шумъ — гусная
 Появилась черни шма:
 Много Ликшоровъ предъ нею —
 Повелительно кричанъ,
 И на лобную Тарпею
 Осужденнаго влачанъ!

*

Приближася шревога...
 Кто жь несчастный? Вошь! на немъ
 Широка, богата нога,
 Свежь и молодъ онъ лицомъ!
 Онъ погибнетъ смершью жалкой,
 Раво къ шьямъ изойдетъ!
 Все ушшло вдругъ... Веспалкой
 Основовлетъ смершнй ходъ.

*

Чернь безмолвно вшренепулась,
 Какъ поржешшвенно рукой
 Дѣва милая коснулась
 Бѣдной жершвы молодой;

« *Незнамай* тебя срѣтаю:
 Да исполнится законъ!
 Я *Веспалка* — я спасаю!
 Скиньте цѣпи — оны прощенъ!»

*

Къ бурнымъ чувствіямъ готовый,
 Воинъ радостный народъ;
 Распадающа оковы,
 Дѣла далѣ идетъ —
 Вѣрнъ играетъ багрянцей,
 Ризу бѣлую клубишь
 И спасенный вслѣдъ за жрицей
 Съ удивленіемъ глядишь.

*

Тибръ бушуетъ; ночь глухая;
 Въ древнемъ храмѣ пишина,
 И *Веспалка* молодая
 Предъ огнемъ святымъ одна —
 Въ легкой муникѣ небрежной,
 Въ вольной прелесни красы,
 И въ повязкѣ бѣлоснѣжной,
 И распуцены власы.

*

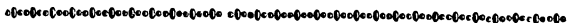
« Скучно жить во храмъ Весны,
И скучиѣ день опъ дня!
Милыхъ юношей невѣсны
Трижды счастливей мѣся!
Сердце бьется, чувствуя поюшь...
Я могла бъ любима быть!
Я... но заживо зарююшъ —
Нѣтъ, не смѣю я любить!

*

« Квирисъ юный, мной счастливый!
Честью, славой Рима будь!
Но форшунной возвышенный,
Ты Веспалки не забудь!
Въ лаврахъ ны знакомой жрицѣ
Пышно въ срѣщеніе мчись —
Съ триумфальной колесницы
Ей привѣшно поклонись!

Баронъ Розенъ.

ОСТРОВЪ НА САДОВОМЪ ОЗЕРЪ.

(Преданіе.)

Блестящій дворъ Екаперины II находился въ Царскомъ Селѣ; Императрица на нѣсколь-ко дней опѣзжала въ Пепербургъ, но на-ко-нецъ ввечеру ее ожидали къ предназначенному придворному балу. Богатое освѣщеніе было пригото-влено въ саду; окна дворца ярко блес-пѣли сквозь густополу деревьявъ и далеко освѣ-щали длинныя аллеи сада, наполненныя людь-ми. Толпы вѣспрѣчались рѣже, по мѣрѣ опда-ленія опгъ дворца, и исчезали въ излуцинахъ дорожекъ. Подъ пышными навѣсами вѣковой пѣни дремали великолѣпныя садовыя зданія. Вечернее благоуханіе разливалось въ воздухъ; по облачному небу пробиралась луна; съ доро-

ги, ведущей опѣ дворца лѣвымъ берегомъ садоваго озера, раздавался пронзительный крикъ павлиновъ, жипелей гопической башни, величественно возвышающейся изъ-за деревъ; глубокое уединеніе господствовало на противоположномъ берегу: тишина была только прерываема дальнимъ гуломъ опѣ дворца и сладостнымъ журчаніемъ водопадовъ; гладкая поверхность дремлющаго въ темнотѣ озера, ярко отражала вдали блестящую огнями галерею колонады, приспроенной ко дворцу между темнымъ лѣсомъ, и цвѣтущими кустарниками, вьющимися у ея основанія. У чугунныхъ ворошъ, вылипыхъ въ Сибири, и воздвигнутыхъ въ густой шѣни при входе на развалину, лежала лягавая собака, въ свѣпломъ ошейникѣ, и въ нѣсколькихъ шагахъ далѣе, на желѣзной скамѣ, сидѣлъ человекъ закупанный въ широкій, зеленый плащъ, въ пуховомъ бѣломъ карпузѣ, съ толстою палкою въ рукѣ: онъ имѣлъ видъ неперпѣливо ожидающаго; ежеминутно оглядывался и прислушивался къ малѣй-

шему шороху. Вдруг звуки опдаденной музыки раздались по саду; — что это! воскликнулъ человекъ, сидѣвшій на скамьѣ: Императрица прѣѣхала, и его еще нѣтъ!.. Но, съ симъ словомъ, послышались шаги человека, идущаго вдоль озера; собака, лежавшая у чугунныхъ воропъ, кинулась на встрѣчу; нѣкто подошелъ къ зеленому плащу.—Казиміръ, сказалъ онъ опрывисто: ударъ нанесенъ уже..... дружеское посредство пвое болѣе не нужно..... ничему не бывашь... желѣзная спѣна, черезъ всю землю, упала между ею и мной... Казиміръ, я уже въ другой половинѣ міра... гдѣ ея нѣтъ... гдѣ она не существуетъ, и существовать не можетъ!.. Здѣсь нѣтъ воздуха, вскричалъ онъ судорожно.. нечѣмъ дышать... душно, другъ мой!.. О, еслибъ я могъ сей часъ умереть, и пвоя благородная рука зарыла бы меня на этомъ мѣстѣ!.. —

Молодой глупецъ! — воскликнулъ человекъ въ зеленомъ плащѣ — если она не умерла, то ты бредишь. Твои желѣзныя спѣны не уни-

раюшь въ небо : вопшь тебѣ рука моя — ты бредишь ! сядемъ ; говори мнѣ : что такое ? — Я тебѣ расскажу все , и ты переспанешь утѣшаясь меня . . . Она жива , но . . . — Слава Богу , сказала другой : я думала что ея уже нѣтъ ; ты испугалъ меня , безразсудный ! кроме смерти , все человѣческое , и слѣдовательно , во власти человека . Будь спокоенъ какъ я ; говори что хочешь : не испугаешь меня ничѣмъ .

Онъ взявъ за руку пришедшаго , и посадилъ его подлѣ себя . Молодой человекъ сбросилъ съ себя богатый голубой плащъ ; на немъ была Венгерская гусарская одежда , роскошно вышитая золотомъ ; на груди крестъ Маріи Терезіи ; у боку золотая сабля , блестящая алмазами . Ему , казалось , было не болѣе 25 лѣтъ отъ роду ; онъ былъ прекрасной наружности , лишь глубокое уныніе омрачало лице его . Человекъ въ зеленомъ плащѣ имѣлъ лицо открытое и важное и былъ годамидесятью старше гусара.

Графъ М—чь, молодой Венгръ, находившійся въ свитѣ Римскаго Императора Иосифа, отправляясь съ экспрессными порученіями изъ Вѣны въ Краковъ, испросилъ себѣ дозволеніе, исполнивъ возложенное, ѣхать въ Пестербургъ, и даже опредѣлился въ Рускую армію, дѣйствовавшую тогда противъ Турковъ. — Въ Краковѣ онъ имѣлъ необходимую нужду увидѣть банкира, черезъ котораго пересылались изъ Венгріи его деньги. Онъ не засталъ его въ городѣ; въ конторѣ его не получилъ никакихъ удовлетворительныхъ свѣдѣній, и попому четвертую уже ночь проводилъ въ прачкпирѣ серебрянаго лебедя, на замковой улицѣ; съ каждымъ упрямъ ожидая успѣха, и съ каждымъ вечеромъ приходя въ опчаяніе отъ неудачи. Онъ занималъ двѣ комнаты: первая, въ при окна на улицу, гдѣ стоялъ письменный столикъ, ширмы, диванъ и кровать; а другая, въ при же окна, на дворъ, перегородженная спѣлкой, отдѣляющей маленькую переднюю, черезъ которую былъ выходъ въ сѣни. Въ

первой комнатѣ было двое запертыхъ дверей на право и на лѣво.

Уже было около двухъ часовъ ночи, но Графъ не могъ уснуть; сколько опъ досады на свою неудачу, сполько опъ громкаго кашля, раздававшася безъ опдыха изъ запертыхъ дверей, прямо пропивъ дивана, на которомъ онъ лежалъ, и опъ безпрестанной шамъ ходьбы взадъ и впередъ. Наконецъ, передъ разсвѣшомъ, часу въ 6-мъ — эшо было въ изходъ Сентября—сонъ взялъ свое: опъ забылся. Въ 9 часовъ, по данному приказанію съ вечера, слуга гостиницы отворилъ дверь, поставилъ передъ диваномъ маленькой столикъ, покрылъ его чистой салфеткой, принесъ кофе, и громко пожелавъ Графу добраго ушра, разбудилъ его. — Какъ провелъ ночь, ясновельможный Панъ, зачѣмъ на диванъ, а не на кровати, и почши въ одѣянн; развѣ камердинеръ, увидѣвъ Пана уснувшимъ, не посмѣлъ превозжити? — Спасибо, спарикъ, сказалъ ласковый Графъ; я безъ шебя проспалъ бы долго; я

привыкъ спать, гдѣ уснешся; очень бы хорошо было и здѣсь, да вѣрно сосѣдь мой боленъ? опъ промучился кашлемъ всю ночь, а меня замучилъ бессонницей. — Не знаю, ясно-вельможный Папъ! при поѣ комнаптъ другой служитель; однако жъ, развѣ кто чужой на сегодняшнюю ночь былъ, а самъ господинъ, здѣсь уже недѣли двѣ живущій, молодой, прекрасный, не много спаршій ясно-вельможнаго Графа, и такъ здоровъ, что вѣрно сроду ни разу не кашлянулъ.

Веселый спарикъ вышелъ позвать камердинера Графова и освѣдомился о здоровьи Пана сосѣда. Возвратившись, принесъ вѣсть, что точно господинъ сей простудился и опасно боленъ, и что въ мнувшую ночь былъ у него докпорскій консиліумъ, опъ чего и слышно было много суевливости. — Я попросилъ бы себѣ другую комнату, сказалъ Графъ: въ этой не уснешь; но ~~я~~ хоту себѣ пророчить еще почлега въ Краковѣ.

Одѣвшись, онъ собрался пошчасъ къ банкиру, съ тѣмъ, что если сей послѣдній еще не прѣхалъ, то рѣшительно пребовать опъ конпоры, хопя на вексель, выдачи себѣ необходимыхъ денегъ. Выходя изъ компаны, онъ далъ человѣку своему всякое упрое по-впоряемое приказаніе — бытъ гошовымъ къ опъѣзду.

Углубленный въ мысли о банкирѣ, деньгахъ и дорогахъ, Графъ, ничего не видя вокругъ себя, спѣшилъ съ лѣспницы, закушавшись въ свой дорожный плащъ, какъ вдругъ чувствуетъ себя окруженнымъ цѣлою семьей женщины и дѣшей. — «Благодѣтель нашъ! кричали они, обнимая его ноги, ясновельможный Графъ, прими нашу благодарность на землѣ, а Богъ на небѣ воздастъ тебѣ!» — Чего вы хопите? сказалъ пронупый и взумленный юноша: я васъ не могу ноняты; я иноспрапецъ и едва разумѣю языкъ вашъ. — «Благодѣтель, спасій насъ!» повторяли его окружающіе, и со слезами бросались передъ нимъ на колѣни. Подите

за мной, сказалъ онъ, и оборотившись назадъ, привелъ ихъ всѣхъ въ свои комнаты; онъ кликнулъ слугу гостиницы, и заставилъ его, вслушавшись хорошенько въ просьбу пришедшихъ, ясно и подробно перевести себя на Нѣмецкій языкъ, которымъ слуга исправно пособлялъ своему Польскому, и такимъ образомъ собесѣдовалъ съ Графомъ; самъ же большими шагами съ непрерывнѣемъ ходилъ по своей комнатѣ взадъ и впередъ.

«Ваше Сіятельство должны лучше меня знать ихъ исторію» сказалъ старикъ, входя въ его комнату, и упирая слезы на глазахъ: вы прѣшьяго дня спасли изъ воды утонувшую дѣвушку, и мать, братья и сестры ея, пришли обнять колѣна ваши, которыя и мнѣ позволите поцѣловать, и пришли порадовать доброе сердце ваше извѣстіями, что она находится внѣ опасности; отставной вечеранъ, отецъ ея, который одинъ только видѣлъ васъ, не могъ самъ допачиниться сюда, и хотя опъ радости, но боленъ; дѣти и внучата

его всѣ здѣсь» — Это ошибка, другъ мой: я не имѣлъ счастья спасти жизнь упавшей ихъ родственницѣ; скажи имъ, увѣрь, что это ошибка. Это не я, сказалъ онъ, вышедъ самъ въ первую компаню, гдѣ стояли и плакали они: друзья мои, это не я; вы ошибаетесь... — «Ясновельможный Графъ...» Да, но я не былъ такъ счастливъ, чтобъ спасти вашу родственницу; это ошибка, друзья мои; боюсь вамъ. — «Ваше Сіятельство...» — «Трактиръ серебрянаго лебедя, этошъ подъездъ... Хошя подробно не сказали намъ посланные ни кварпиры, ни даже имени вашего не открыли; но сколько изъ ихъ разговоровъ можно было выразумѣть, то мы не ошибаемся.» — «Послушай, сказалъ онъ поропливо своему слугѣ, узнай, кто здѣсь подлѣ живетъ, и принеси мнѣ записку. Расскажи мнѣ, шарикъ, что ты онъ ихъ слышалъ. — Ошставной солдатъ, со своей дочерью, шли изъ деревни и когда они переходили въ лѣсу ручей, извѣсшый намъ по своей пинисшой глубинѣ, мосповинки подѣ

ногами у дочери перевернулись, и она пошла какъ камень ко дну. Спарикъ, удержавшись за перекладину, могъ перебрести на берегъ, но помощи подашь не былъ въ силахъ, и пачаль кричать. Богъ посылаетъ ему васъ, какъ они завѣряюшъ: охопясь въ лѣсу, и услышавъ крикъ, вы скачете къ ручью, и узнавъ бѣду, попчасть бросаетесь съ лошади, и посылаете собаку свою въ воду; сами, между тѣмъ, раздѣвшись, дожидаетесь на берегу. Собака долго ныряла, и наконецъ выплывъ на берегъ, начала выть; вы послали ее опять, она бросилась въ воду, но сдѣлавъ небольшой кругъ на одномъ мѣстѣ, ворошилась, и онашь спала выть; шуптъ, нимало не медля, вы кинулись въ середину ручья, съ круаго берега, опустились ко-дну на шомъ мѣстѣ, гдѣ собака оплыла кругъ, и спарикъ, долго не видѣвъ васъ, уже началъ и васъ оплакивать, какъ вдругъ вы показываетесь на водѣ, и шацише за собою къ берегу несчастную утопленницу; ноги и руки ваши были въ крови, опъ колю-

чаго шерновника и осоки, изъ копорыхъ съ прудомъ выбивающся неоспорожные купальщики. Поручивъ дочь опцу, вы ускакали; но скоро явились посланные вами доктора, и люди съ экипажемъ, и такимъ образомъ спасена утпошая, ихъ спараніемъ возвращена ей жизнь. Старикъ еще нѣсколько слабъ; но доктора за него ручающся.»

Тронутый Графъ выслушивалъ конецъ сего повѣспвоанія, часпо перебиваемаго словоохопливоспію спараго слуги, какъ вошелъ каммердинеръ и доложилъ, что всѣ сосѣдспвенныя комнашы пусшы, кромѣ однѣхъ, занимаемыхъ больнымъ господиномъ, безпокоившимъ всю ночь Графа своимъ кашлемъ. — «Кто жь онъ? — Графъ Огинскій. — Пошли ко мнѣ слугу его.»

Давно ли здѣсь Графъ? — спросилъ М — чь пришедшаго слугу. — Двѣ недѣли, В. С. — Давно ли боленъ? — Третій день. — Опъ чего? — Онъ пріѣхалъ домой, съ охопы, поздно вечеромъ, легъ, и не вспавалъ. — Не было ли

на немъ крови? — Да, В. С., у Графа ноги и руки, какъ изрѣзаны. — ЕСТЬ ли у васъ собака? — ЕСТЬ. — Сшупай, другъ мой... скажи, какъ себя чувствуешь теперь Графъ? — Нѣсколько лучше; жаръ прошелъ; началъ узнавать людей; сей часъ изволилъ говорить со мной.

Графъ Огинскій, Липовскій Главнокомандующій, былъ человекъ лѣтъ 55, прекрасной наружности и пламеннаго сердца. По извѣстной правотѣ характера и блестящей образованности, онъ былъ въ отличномъ уваженіи у Короля Станислава, равно какъ и всѣхъ своихъ соотечественниковъ. Графъ на дняхъ пріѣхалъ изъ своего великолѣпнаго замка Слонима, и ожидалъ прибытія изъ Германіи шепки своей, богашой Баронессы В — ть, съ прекрасной ея дочерью, не давно принятой ко Двору Всероссийской Императрицы.

« Благодарю сердечно Графа М — ча, » сказалъ Огинскій слугѣ, пришедшему опъ имени сосѣда изъявить сожалѣніе о болѣзни и спро-

сипь позволенія войти ему. — « Благодарю сердечно за участіе и за честь, копорую его добрая душа предлагаетъ мнѣ; я постараюсь предупредить его первымъ посѣщеніемъ, когда дозволятъ силы; но теперь я такъ слабъ, что долженъ на время опказанъ себѣ въ удовольствіи познакомиться съ нимъ. » — В. С.!

Графъ М — чѣ приказалъ доложить, что дѣло касается до его чести, и потому проситъ убѣдительнѣйше дозволить ему видѣть васъ. — « Спало бытъ, это необходимо... Проси Графа. »

« Милое вниманіе ваше, Графъ, меня прорагаетъ; » сказалъ Огинскій вшедшему М — чу: « жаль что я заспавилъ васъ ждать; мнѣ хотѣлось бы встрѣтитъ васъ нѣсколько пристойнѣе, нежели въ постели; но... » — Первая просьба моя, Графъ, и вы ее уважите, или я выйду: доказать, что я не беспокою васъ; принявъ меня, какъ принимають больные: передъ моимъ приходомъ вы лежали. Впояра: мнѣ воздана честь, принадлежащая вамъ,

и я долженъ возвратишь вамъ ее... Графъ! семья несчастныхъ цѣловала мои ноги и осыпала меня благословеніями за подвигъ благородной души вашей; эти несчастные здѣсь: они должны разувѣриться, что я — не вы; позвольте имъ войти сюда. — Съ этимъ словомъ пыжій юноша бросился къ двери, и толпа благодарительствованныхъ окружила на колыняхъ постель Огинскаго.

Большой съ усиленіемъ приподнялся опять на кровати; глаза его блеснули чувствомъ; блѣдныя щеки покрылись румянцемъ. Жива ли она? — съ безпокойствомъ спросилъ онъ лежавшую на полу мать спасенной дѣвочки. — Жива, благодарьель нашъ! О, какъ же дорого она тебѣ стоишь! Что тебѣ въ благодарности нашей: она лишь безпокойтъ тебя! Но какъ же намъ было упереться, невидать и не благодарить тебя! — Слава Богу, сказалъ пронухій Огинскій: я теперь только вѣрю, что она спасена.

Графъ М — чъ, въ избытокъ чувствъ, не говорилъ ни слова. Его не изумляла смѣлоснъ поспухка, на который и самъ былъ бы всегда готовъ; но картина споль чистой любви къ челоувчеству, споль безкорыспнаго самоотверженія увлекала пламенную душу его, всегда любившую все великое. — Эти добрые люди шакъ за многое считающъ мой прудъ, сказалъ Огинскій: какъ будто они не спасли бы меня, если бъ я спонулъ! Кто же бы опказалъ себъ спасти жизнь погибающему? Вы должны благодарисъ Бога, друзья мои, за удачу моей попышки; прощайше; идите съ Его благословеніемъ; оправаясь, я навѣщу васъ.

Оспавшись паединъ, Огинскій взялъ за руку М — ча, и посадилъ на свою кровать. Молодой челоувкъ, сказалъ онъ, вашъ поспухокъ прекрасно рекомендуешъ васъ; я благодаренъ судьбѣ за знакомство съ вами. — Графъ, опвчалъ М — чъ, знаю что вы исполнили долгъ свой, долгъ челоувчеспва; но не опкажу себъ въ удовольспвіи удивляшся вамъ; не лишисе

меня вашей дружбы... Я молодъ, Графъ, и пылокъ, но еще въ первый разъ въ жизни испрашиваю дружества: я знаю цѣну ему... я все ему посвящу! — «Я уже другъ вашъ, сказалъ Огинскій: вопль вамъ рука моя! — М—чъ прижалъ къ сердцу эшу, еще окровавленную на подвигъ добродѣтельномъ, руку, и святыя имена Бога и чести запечатали союзъ ихъ. — Я не оставлю васъ до совершеннаго выздоровленія, уходя сказалъ М—чъ, позвольте мнѣ видѣть васъ во всякое время. — Принимаю съ благодарностію приносимую вами мнѣ жертву, милой Графъ; я пробуду въ Краковѣ до пріѣзда моей шешки, копорую жду съ часу на часъ. Если вы не останешесь со мной до моего отъѣзда, по крайней мѣрѣ, прошу васъ не оставишь меня на время моего здѣсь одиночества. Въ ожиданіи моихъ, я ознакомлю васъ съ моимъ опечесствомъ: мы осмотримъ нашъ древній Краковъ; посѣдимъ любопытную Величку. Моя дружба упопрѣбитъ все, чпобъ вы не скучали со мной.

Друзья видѣлись всякой день по нѣскольку разъ; здоровье сильнаго Огинскаго поправилось скоро; они посвящали нѣсколько дней на разсмотрѣніе достопримѣчательностей столицы; поклонились праху героя Собьесскаго, наконецъ собрались ѣхать къ Князю Радзивилу, на день его рожденія гдѣ, какъ увѣрилъ Огинскій М — ча, будетъ безъ сомнѣнія все, что есть блистательнѣйшаго во всей Польнѣ.

Лѣсъ на необозримое пространство... все глухой, дикой лѣсъ. Площина примыкаетъ къ площинѣ... Труды многихъ тысячъ рукъ и многихъ столѣтій погребены въ эпихъ бездонныхъ болохахъ, чшобъ провести дорогу! — Все лѣсъ... онъ по всѣмъ возможнымъ направленіямъ пропѣснися, гдѣ только есть хрящъ между болохами. Дорога довольно широкая; плошины обсажены сребристыми пополями и кленомъ. Болоха спали рѣже... группъ пверже, выше... вѣчныя сосны спмелись густо... лѣсъ проросъ кустарникомъ; и вопшь — пошелъ на право и на лѣво; широкая дорога спускается

крупно, въ правую сторону, подъ обработанную гору, и за быспрой рѣчкой, на противоположномъ берегу, изъ-за дремучаго лѣса, возвышающіяся гопическія спѣны съ башнями, зубцами, развалинами и всей принадлежностію спарыхъ времянь. Цѣпи звучашъ; опускаешся моспѣ, и привѣпливая прислуга Князя Радзивила (Михаила VI), въ красныхъ купшушахъ съ золопыми галунами и киспями, съ длинными усами и спепенною сановитостію, вспрѣчаютъ пріѣзжихъ госпей его.

При въѣздѣ на дворъ, зубчатая манпія средняго Европейскаго вѣка спадаешъ, и называющійся зѣмкомъ огромный домъ въ повѣйшемъ вкусѣ, въ Ипальянскомъ саду, между песпрыми цвѣпниками и сприженной пѣпью, нѣжипся за исполинами-спѣнами, обѣщавшими напугашъ своихъ посѣпипшелей всею угрюмостію варварскаго времени.

Уже были сумерки; множеспво госпей наѣхало къ хозяину; великолѣпный пиръ давался въ зѣмкѣ; въ широкихъ залахъ спояли роци

изъ лавровыхъ и померанцевыхъ деревь; столы, обогащенные плодами, и столы играющихъ; свѣтлы блескъ тысячи огней; всѣ окна и всѣ двери въ садъ были отперты; всѣ аллеи скоро освѣтились огненными лучами площадей и скаликовъ. — Общество раздѣлилось: толпы окружили игорные столы, и толпы разсѣялись по саду; множество и разряженныхъ, и прекрасныхъ дамъ украшали собраніе; Поляки блескъ золотомъ своихъ національныхъ одеждъ; дамы горѣли алмазами. Веселый шумъ и замысловатое остроуміе оживляло пиръ, надъ которымъ господствовалъ толстый басъ и громкій хохотъ полудержавнаго Радзивила.

Окончивъ партію въ ломберъ, онъ сидѣлъ подлѣ стола, за которымъ играли въ виспъ. — Старый Генералъ, въ бѣло-напудренномъ парикѣ, съ орденомъ Бѣлаго Орла на шеѣ, говорящій такъ тихо, что едва былъ слышенъ — спальный кавалерійскій Полковникъ — Папскій Нунцій, высокій, худощавый и сторбленый кандидатъ Кардинальства, и пожилая дама,

съ важною осанкою, и замѣтно - Германскими манерами. Между нею-по и Папскимъ Нунціемъ, въ позолоченныхъ креслахъ, заложивъ ногу за ногу, и навалясь на спинку, сидѣлъ Радзивиль, въ голубомъ, апласномъ полукафтанѣ, съ Персидскимъ поясомъ, и рассказывалъ споявшему опъ него въ почтительномъ разспояніи, высокому дородному Пану, о успѣхъ послѣдней правли и огромномъ кабанѣ, копорый, защищаясь опъ обступившихъ его собакъ, ударилъ клыкомъ въ дерево такъ сильно, что не могъ вырванъ его назадъ, и въ эту минушу былъ разперзанъ ожеспочившимися собаками. — Это было рассказано со всѣмъ жаромъ ревностнаго охотника и языкомъ видимаго перевѣса надъ всѣмъ его окружающимъ. Опъ нѣсколько выправлялся въ креслахъ единственно обращаясь къ дамѣ, подлѣ него игравшей, копорой оказывалъ замѣтное преимущество передъ другими.

Нѣсколько поодаль, на диванѣ, подлѣ каминна, сидѣлъ румяной, пожилой Полякъ, національно

одѣтый, съ звонкими золотыми шпорами, и съ Турецкой саблей, коротко привѣщенной къ поясу, крутя усь, и подпѣвая подь музыку начавшагося Польскаго; и подлѣ него, молодой, прекрасный гусарь, разсѣянно слушавшій издали разсказъ Радзивила, и шеперь разсѣянно же глядѣвшій на суматоху группъ, дамъ и кавалеровъ, изо всѣхъ садовыхъ дверей вспунающихъ въ залъ для танцевъ. Блестящая песпроша комналь спановится шѣснѣ; ангажировавшійся пары образуюшъ длинный рядъ гошовающихся къ Польскому, и Князь Радзивиль, съ дамою, подлѣ копорой сидѣль, опкрываюшъ балъ.

«Судя по мундиру, вы кажешесь мнѣ иностранцемъ, господинъ Ропмиспръ» — сказалъ Полякъ сосѣду своему: а судя по лѣшамъ вашимъ, вы должны бышь философъ — можно ли усидѣшь, когда все танцуешъ? . . .» — Да, опвчалъ Графъ М — чь, (эпо былъ онъ): я иностранецъ, и пошому-шо именно, не бывъ философомъ, надѣюсь, меня извиняшъ, что не

танцюю: всѣ лица для меня здѣсь новы, и я люблюсь баломъ, какъ прекраснымъ спектаклемъ. — «И пакъ вы въ первый разъ у Князя?» — Въ первый, и вѣроятно въ послѣдній: я проѣзжій. — «Но вы знакомы съ Княземъ?» — Я зналъ Князя только по наслышкѣ, а донинѣ не видалъ его. — «О, это жаль! Вы не увезете вѣрной идеи объ этомъ первомъ магнатѣ нашемъ: объ его пышности, его спранныспяхъ, и его опличномъ хлѣбосольствѣ.» — Очень жаль! я радъ, что мнѣ удалось по крайней мѣрѣ бытъ ему представленнымъ. — «Между нами сказать, прервалъ словоохотливый сосѣдъ: Князь чудакъ; но онъ чудакъ необыкновенный. Въ своемъ Несвижѣ онъ разѣзжаепъ по улицамъ на медвѣдяхъ, для одной спранныспи. Разъ вспрѣпилась ему бричка; лошади испугались медвѣдей, понесли, опрокинули; зашибли до полусмерти кучера, и Князь хохоталъ во всю дорогу; но прѣхавъ въ замокъ, шопчасъ послалъ разыскать дѣло. Ему донесли, что ушибло сидѣвшую въ бричкѣ

молодую дѣвушку, сестру Ксенза, вѣхавшую къ своему брату. Князь приказалъ ее вымечить; брату ея досталъ богатый каноникапъ, а ей назначилъ пенсію, по двѣ тысячи злотыхъ въ годъ, по смерти; и приказалъ давать ей кварширу, споль и услугу во всѣхъ своихъ владѣніяхъ, гдѣ бы она ни пожелала. Этого мало: я расскажу вамъ тысячи анекдотовъ; на примѣръ, разъ пріѣхалъ Князь въ Варшаву; Король угощалъ его великолѣпно, и сдѣлалъ, нарочно для него, опличную правлю. Князь не захотѣлъ оспашься въ долгу. Черезъ недѣлю приглашаетъ Короля къ себѣ въ замокъ, вблизи споліцы, на охопу же; съѣзжается весь городъ, и что же: около зѣмка не росло ни одного прупика, а Князь въ одну недѣлю разсадилъ лѣсъ, на цѣлую милю, въ копоромъ и была прекрасная правля.... Господинъ Роммистръ улыбается — чеспью клянусь, что это правда. Смѣю спросить фамилію вашу?» — Графъ М—чъ. — « О, ваши предки, Графъ, были знаменипыми Магнашами

Венгріи!» — Да, я Венгръ. — «Позвольте, Графъ, узнать: какъ вы познакомились съ Княземъ?» — Меня представилъ Липовскій Главнокомандующій, Графъ Огинскій; мы съ нимъ знакомы; онъ долженъ былъ сегодня пріѣхать сюда, но со мной не желалъ еще разстаться, и пошому взялъ съ собой. — «Знаю, знаю, сказалъ Полякъ: его родственница, Баронесса В — бургъ, прошедшую ночь, проѣздомъ въ Пешербургъ, пріѣхала сюда, по старому знакомству Князя съ покойнымъ ея мужемъ, бывшимъ посланникомъ въ Варшавѣ отъ Римскаго Императора. Это дама, подлѣ которой сидѣлъ Князь, и съ которой началъ балъ: какъ же кешапи она пожаловала сюда на день рожденія Князя! Знаю! знаю!... Но гдѣ же Графъ Огинскій; онъ уже давно исчезъ изъ комнатъ?» — Графъ пошелъ въ комнаты Баронессы, навѣстивъ дочь ея, а свою кузину, которая съ дороги не совсѣмъ здорова.

Въ сію минушу Церемоніймейстеръ пришелъ сказать велерѣчивому Поляку, что Князь приглашаетъ его на вистъ, и Графъ имѣлъ

радость освободиться отъ его докучливости. Томно и грустно, закрывъ лице ладонью, облокопился онъ на край дивана, и внутренно злился, что не можеть приневолишь себя разсѣяться, безопчешно скучая цѣлый вечеръ.

«Графъ М — чь!» громко раздалось вблизи его. Онъ вздрагиваетъ; подымаетъ голову, и Огинскій пропягиваетъ ему руку; — великолѣпно одѣтая, стройная, прекрасная блондинка подходитъ вмѣстѣ съ нимъ. — Графъ М — чь, рекомендую вамъ мою кузину. — Смѣшавшійся юноша пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ словъ, сжалъ руку Огинскаго и сказалъ въ полголоса: какъ долго мучился я здѣсь скукой, и какъ прекрасно награжденъ! — «Моей родственницѣ ваше имя не чужое, милой Графъ, и это меня радуешъ... не знаю почему! Она дружна съ племянницей Фельдмаршала Лаудона.» — Я имѣлъ честь быть знакомъ въ домѣ Фельдмаршала; былъ осыпанъ милостями всего его семейства: это топъ домъ, памяшь о копоромъ донинѣ для меня всего любезнѣе. — «И такъ, мнѣ пріятно, Графъ, ска-

зала юная Баронесса, когда вы узнаете через меня, что мамы все здоровы, и все вспоминают о вас не редко. Мне не менее приятно обязать всех Ладонов, сделав вам от их имени справедливый упрек, что вы оставили Вену, не простясь с ними.» — Да, Баронесса, я не имел чести видеть их перед моим отъездом из Вены; и, я никогда не простил бы себя, если бы это зависло от меня. Мое отправление было делом нескольких часов: в шесть часов утра я получил депешу, в семь был у Фельдмаршала, и, натурально, мог видеть только его, а в 8 оставил Вену. — « Они это знают, сказала девица В — бурги: вы писали к ним; но, дружба взыскательна.» — Эта милость так прогательна, Баронесса! Кажется, я согласился бы быть виноватым, чтобы быть только обязанным! —

Мазурка! мазурка! — зашумело по комнатам. Приемные звуки инструментов раздались... звенят шпоры поднявшихся военных...

шумящъ апласные робронды надъ неслышными ножками сходящихся дамъ . . . все вспало; все обспупило опуспѣвшую средину залы; все ожидало танцюющихъ. Звучный голосъ Радзивила былъ его предшеспвенникомъ: — съ премея карпами недоиграннаго виспа, важно выспуналъ онъ изъ боковыхъ дверей, и приглашалъ Графа Огинскаго начашь мазурку. « Господа, мы свою спариковскую народовую, настоящую Польскую мазурку спанцуемъ послѣ; а шеперь посмошримъ на молодежь танцу. При дворѣ они измѣнили нашъ опечеспвенный танецъ; но не сердитесь, мои добрые спаровѣры: за то, ни при какомъ дворѣ Полякъ не измѣнитъ любви опечеспвенной! Графъ будешъ танцовашь съ прекрасной своей кузиной. Баронесса В — бургъ! дружба вашего покойнаго родителя даешъ мнѣ право на дружбу вашу; именемъ ея, и моимъ — новорожденнаго старика, приглашаю васъ начашь мою мазурку; сяду близехонько глядѣть на васъ; вы принесли мнѣ одну жершву: вышли полубольная

на мой вечеръ, принесите же и другую — будьте его танцующимъ украшеніемъ.

По широкой дорогѣ, образовавшейся въжливостію толпящихся госпней, между оспановившимся передъ дверьми Радзивиломъ и диваномъ, на копоромъ прежде сидѣлъ М — чь, шла баронесса В — бургъ, и за ней Графъ Огинскій. Вызовъ хозяина былъ принятъ: первая пара вступила въ кругъ. Креслы были подвинуты Князю; онъ сѣлъ въ нихъ, на рубежъ толпы, опдалъ свои при карпы держашь одному изъ близстоящихъ пріятелей своихъ, и заложилъ нога на ногу. Князь Сапѣга, не давно пріѣхавшій изъ Парижа опставной Полковникъ, съ Графиней Зарайской, лучшей танцоркой Варшавы; Князь Черпорижскій и Графиня Броницкая — юная чета влюбленныхъ — какъ шепшали госпи; и, Генераль Спринскій, молодой герой, съ Княжною Воронецкою — соспавили мазурку. Князь ударилъ въ ладони и музыка огласила залы. Цѣпь свилась; развилась; и четыре живопис-

ные вихри предшествовали открытію первой пары. Мазурка закинула. Громкое рукоплесканіе шариковт не умолкало. Соперники увлекали разнообразностію, быспропой, легкостію: поздно вечеромъ еще говорили съ энтузіазмомъ объ шрехъ прекрасныхъ парахъ; но о чепверпой, и черезъ годъ послѣ, слышали у Князя Радзивила на балѣ; когда хвалили красавца Графа Попоцкаго и Княжну Любомирскую, шо съ чувствомъ вспоминали, что имъ не спыдно бы было шанцовать мазурку проптивъ Огинскаго и В — бургъ.

М — чь споялъ за креслами Князя Радзивила; Баронесса подозвала его. — «Графъ! какъ замѣпно, что вы не Полякъ: посмотрите на всѣ лица — видите ли хопя одно, равнодушное къ эшой музыкѣ?» — Эшо дань, Баронесса, копорую наложило ваше преимущество; и я радъ, что не говорю просипо учпивости, говоря эшо. — «Смѣю сказаць, что я понимаю эшо вѣрнѣе, нежели вы, Графъ. Полякъ не можешъ слышашъ хладнокровно мазурки; въ ея музыкѣ

соединено для него все, и лучшія мечпы, и слава народная — золошой вѣкъ опечесва. Въ каждомъ домѣ и въ каждой деревенской хижинѣ вы услышите мазурку, и услышите тысячи куплетовъ на ея голосъ: ея воспѣпа и красота и мужество, и шулки семейственныя и самое глубокое чувство. Вопть причина этой живописной радости зрителей, или почтѣе сказаць — слушапелей. Въ три года прежней, кочующей жизни моей по Польскому краю, я хорошо узнала исторію мазурки, и признаюсь вамъ, сама спала не равнодушна къ ней. »

Въ эту минупу начинался новый шуръ; М — чь не спускамъ глазъ съ В — бургъ. Ея легкій, лепучій сшанъ; ея оживленное лице, прелесть манеры, очаровашельность движеній, невѣрояпное искусство при самыхъ прудныхъ пассажахъ вшораго шура — обратили на нее всеобщее вниманіе, надъ коимъ она господствовала до самаго окончанія шацца. Тма поклонниковъ окружили ее. Князь поцѣловалъ обѣ ея

руки, и божился, что не видалъ ничего привлекательнаго своей милой госпожи.

«Раздѣляя общее чувство удивленія къ прекрасному, сказалъ Графъ М — чѣ, подходя къ ней, когда она была уже свободнаго опѣ сыпавшихся на нее учтивостей: я прошу васъ, Баронесса, принять и мою дань — я также былъ зрителемъ.» — Я съ удовольствіемъ слышу, Графъ, похвалу себѣ опѣ васъ: знаю, что вы сами арпистѣ въ танцахъ, хотя и не любитель ихъ. За нѣсколько дней до отъѣзда нашего изъ Вѣны, на балѣ у Россійскаго Посланника громко жаловались дамы, что Графъ М — чѣ уѣхалъ и чрезъ то доставилъ случай поржесивовать другимъ, и, именно въ мазуркѣ. Я нарочно начала было говорить съ вами объ ней, думая, что вы себѣ измѣните и сознаетесь въ равнодушіи; но, вы выдержали ваше хладнокровіе до конца. — «Однако жь, вы сами сказали, Баронесса, что я не любитель танцовъ; и такъ, эпопѣ шипуль оправдываетъ равнодушіе, которое вамъ угод-

но было во мнѣ найпи.» — Я права, Графъ: вы на балъ, и не танцуете; — вы, или печальны, или неохотникъ. Одно изъ двухъ: мнѣ пріятно заключить послѣднее. — «Одно изъ шрехъ, Баронесса, если позволите — или чтонибудь прекраснѣе прелесни шацевъ увлекло меня.» М — чъ замолчалъ, и въ ту минуту Генераль Спріинскій пригласилъ Баронессу на загремѣвшее Польское. Толпы двинулись, и длинная цѣпь пьянущихся кунтушей, давно уже скрыла ее опъ глазъ пламеннаго юноши, еще споявшаго на томъ же мѣстѣ, и глядѣвшаго въ слѣдъ за ней.

Въ широкихъ, малиновыхъ бархатныхъ креслахъ, на пуховой подушкѣ ихъ, облокотясь на рѣзныя съ позолопою ручки, сидѣла старая Баронесса В — бургъ въ своей комнатѣ, и рассказывала сидѣвшему прошивъ нея Папскому Нунцію о вчерашнемъ вечерѣ, объ игрѣ и выигрышѣ, и лицахъ, ею замѣченныхъ. Уже былъ 8 часъ вечера; чепыре всячіе подсвѣчника освѣщали правую и лѣвую спѣны ком-

напы ; а у окна разговаривали дочь ея и Графъ Огинскій, въ полголоса, и довольно жарко.

« Ты дала мнѣ слово, говорилъ Огинскій, сегодня рассказать все подробности этого необыкновеннаго происшествія. Пойдемъ въ залъ: хозяйка предложила пикепъ полу-святому опцу: ибо если Папа Святымъ Опцемъ зовешся у Каполикковъ, то съ его Нунція довольно и Полу-святости. »

Они вышли. Огромный залъ былъ пустъ ; въ противоположныхъ двухъ стѣнахъ пылали каминны; стѣны обиты были голубымъ шпофомъ, и обвѣшены спаринными семейственными портретами, съ рыцарскихъ временъ. Огинскій и В — буртъ сѣли прошивъ ближайшаго каминна.

« Вотъ рассказъ моей Эмили Лаудонъ, любезный Казиміръ. Три года назадъ прѣхалъ въ Вѣну Лордъ Л..., человекъ около 40 лѣтъ, промашавшійся игрокъ, и прочая. Въ недѣлю онъ успѣлъ рассказать всему городу, сколько имѣлъ дуелей, сколько послалъ въ

адъ — по его выраженію — заготовляшь себя кварширу; словомъ: успѣлъ дашь о себя полное понятіе. Лордъ былъ приняшь въ домъ Фельдмаршала, который зналъ отца его, и даже почишалъ себя въ свойспивѣ съ его женою, оставленною имъ въ Англии. Уваженіе къ дому держало нѣсколько въ границахъ его беспокойный характеръ; но и самыя его любезности и оспрошны не пріобрѣли ему въ эпомъ семействѣ ни одного сердца. Онъ разливалъ желчь на все, до чего ни касался въ разговорѣ; и, зная, что не найдеть съ кѣмъ раздѣлишь свой образъ мыслей, говорилъ всегда такъ, чтобъ говорить долго, и одному. Разъ, на домашнемъ праздникѣ у Лаудона, онъ нежданный и незванный, съѣхался съ М — чемъ, вовсе его незнавшимъ прежде. Его рѣзкій языкъ, дикой взглядъ на вещи, и неограниченная независимость всей особы, своею новостію поразили Графа; онъ пожелалъ съ нимъ сблизиться, и цѣлой вечеръ говорилъ только съ нимъ. На другой день въ 10 часовъ

вечера, Полковникъ Розенбергъ, другъ М — ча, прїѣхалъ къ Фельдмаршалу, и прошивъ своего обыкновенія, не оспановясь съ дамами, прошелъ въ его кабинетъ; въ его лицѣ было что-то необыкновенное. Черезъ полчаса онъ возвратился, и опкланявшись дамамъ, уѣхалъ. Лаудонъ вышелъ изъ кабинета, мрачный и встревоженный: « Я давно предчувствовалъ, сказалъ онъ, что посѣщенія Лорда Л... будутъ имѣть горькія послѣдствія; погубивши себя давно, онъ погубилъ теперь М — ча: несчастный Графъ на поединкѣ убилъ его. »

— Всѣ изумились. Дѣвица Лаудонъ, сестрински любившая поэтическую душу М — ча, горько заплакала; все семейство печалилось объ немъ, какъ о братѣ, и всѣ умоляли Фельдмаршала спасти его.

« Это будетъ зависѣть отъ милости Императора, отвѣчалъ онъ; но я за долгъ себѣ вмѣняю ходатайствовать за М — ча; знаю, что онъ не былъ началомъ ссоры. » — Если это не тайна, Гедсонъ, сказала Г-жа Лау-

донъ, по позволѣ намъ узнать ея. — » Лордъ Л. . . . сегодня въ 6 часовъ утра прѣхалъ къ М — чу, какъ объявилъ мнѣ Розенбергъ, и послѣ первыхъ учтивостей, просилъ дать себѣ на вексель 20 ш. палеровъ, сказывая, что онъ извѣсненъ о 40 ш., имъ полученныхъ на дняхъ изъ Венгріи. Графъ опивчалъ, что онъ и не думаетъ записываться въ полученіи денегъ; но дать не можетъ, имѣя надобность въ нихъ. Слово-за-слово, Лордъ Л. . . , какъ сумасшедшій, предложилъ ему дуэль; они спрѣ-лялись, два часа назадъ; Лордъ далъ промахъ, а Графъ его убилъ. Вотъ и все. »

Но, къ общей радости, дѣло кончилось благополучно; Императоръ простилъ М — ча, уваживъ его службу и ходатайство Фельд-маршала. На другой же день ему объявлена была эта милость; онъ былъ у Лаудона, благодарилъ его, жаловался на судьбу свою, называлъ себя убійцей Лорда Л. . . , и Фельд-маршалу надобно было наконецъ перемѣнить

строгосшь на ласку и дружество, чшобъ хопя нѣсколько его успокоить.

Черезъ два дни послѣ этого несчастнаго событія, прїѣзжаетъ въ Вѣну Леди Л , съ двумя младенцами дочерьми; бѣдспвенный процессъ лишилъ ихъ всего имущесшва въ Англіи, и она, любя до безумія поперяннаго мужа своего, рѣшилась ѣхать въ Вѣну, чшобъ самой объявить несчастіе, ихъ постигшее, и не допустить его до опчаянія. Нежданный ударъ поколебалъ всѣ душевныя силы ея, уже давно испощенныя, и М — чь узнаешъ, что Леди Л лишилась разсудка.

Эшо поразило его въ глубину сердца; онъ самъ почти обезумѣлъ. Все, чшо можно было употребить къ ея спасенію; всѣ утонченности искусшва, всѣ средства челоѣческія испощилъ онъ надъ больной своей. Лучшіе Медики столицы не выходили изъ ея комнаты; онъ перевезъ ее въ спокойный загородный домъ; скоро самъ переѣхалъ къ ней шуда же, и съ шѣхъ поръ уже не опходилъ опъ ея кровати.

Среди лѣта, по совѣту врачей, онъ повезъ ее въ Карльсбадъ, гдѣ не доставивъ ей никакой пользы, возвратился на зиму въ Вѣну, и такъ въ это время перемѣнился, что никто не узнавалъ его. Слѣдующимъ лѣтомъ онъ рѣшился употребить послѣднее средство, столь тяжелое къ исполненію — пустился путешествовать, вмѣстѣ съ несчастною, чтобы лечить ее разсѣяніемъ; но ничто не помогло печальной спрдалицѣ! Въ одной и той же оцѣпенѣлости, не просивъ своего невиннаго убійцы, и безъ малѣйшаго понятія объ участи, въ ней пріемлемомъ, она умерла: Графъ въ Неаполѣ похоронилъ ее.

Бѣдный! какъ онъ ее оплакивалъ! какъ прогашельно прощался съ безчувственнымъ ея трупомъ! Онъ увезъ дочерей съ въ Вѣну, утвердилъ за ними 100 т. талеровъ: чуть ли не большую половину всего своего имѣнія, отдалъ ихъ въ лучшій пансіонъ, и каждую недѣлю два раза, всегда бывалъ у нихъ; и теперь, въ письмѣ къ Лаудону, съ какимъ чув-

снвомъ испрашиваешъ имъ покровительства его семейства.

Съ шѣхъ поръ, часто говорила мнѣ Эмилиа: М — чтъ уже не прежній — блестящій, любезный; онъ раздѣляетъ разсѣянню удовольствія свѣша, когда ему прикажутъ, но, какъ бывало, не оживляетъ уже собой общеснва, котораго былъ прежде лучшимъ украшеніемъ. Онъ любитъ спрасно музыку, и самъ великой музыкантъ; но едва можно его упроситъ играть при комъ нибудь; и шуптъ, по словамъ Эмилии, онъ обнаруживаетъ вполнѣ спрадающую душу свою; нельзя долго выдержашъ его музыки, говорила она: онъ изперзаетъ, измучитъ сердце! — Эмилиа шакъ шрогательшно, съ такимъ жаромъ рассказывала мнѣ эпу испорію, съ самаго прѣзда моего изъ Парижа, чшо показалась мнѣ неравнодушною къ Графу. Я даже не могла скрытъ моего удивленія, когда узнала объ ея шеперешней помолвкѣ. Да, сказала она мнѣ: я люблю М — ча, онъ для меня существо милое, совершенное; но,

повѣрь Іоанна, замужества опредѣляетъ судьба, и я не боюсь солгать, если скажу, что влюблена въ жениха моего.»

Разсказъ конченъ; и Нунцій какъ будто ожидалъ того: онъ шакъ расканцлялся, что спарая Баронесса спрусилла, забыла свой пикентъ, смѣшила карпы, и въ сумашохъ сперма весь разсечетъ со стола. Архіепископъ, желая образумить ее, дѣлалъ разныя гримасы, ибо не могъ произнеспи ни слова, припопывалъ къ нимъ ногой, хваталъ ее за руку, копорою она стирала, и шакъ перепугалъ, что ша выскочила изъ-за стола и закричала. Огинскій бросился къ ней, а Нунцій, въ досадѣ на свой кашель, опъ копорого никакъ не могъ удержаться, и на всю куперьму, опъ того произшедшую, опкланялся съ конвульсіям и, ивышелъ. Едва могли разгадать дѣло: всеобщій смѣхъ заключилъ несчастную игру, копорой счетъ старушка со спраху такъ чисто сперла, что сколько попомъ ни хлопотала, ни какъ не могла подправить.

Въ лѣвомъ крылѣ зѣмка чешыре прекрасныя комнашы были заняшы Графомъ М — чемъ; изъ оконъ былъ видѣнъ необозримый, уединенный садъ; въ первой комнашѣ висѣлъ портретъ Короля Яна Собѣскаго, во весь ростъ. — Таково долженствовало быть его лице, когда, спасишель Вѣны, онъ смотрѣлъ на бранное поле, еще устѣянное толпами бѣгущихъ Мусульманъ. Упреннее осеннее солнце наполняло комнашу розовымъ сіяніемъ, и М — чъ споялъ, сложа руки, передъ образомъ великаго челоука, когда вошелъ къ нему Огинскій.

— Графъ М — чъ вспаешъ, какъ воинъ; въ 7 часовъ уже успѣлъ окончить прогулку; я видѣлъ васъ изъ моихъ оконъ въ саду. — « Я очень худо спалъ, любезный Графъ, и съ чешырехъ часовъ уже на ногахъ; пока было темно, писалъ кое-что съ огнемъ, а съ разсвѣтомъ пошелъ въ садъ, кошорый мнѣ очень понравился разнообразіемъ своихъ видовъ; осмтрѣлъ прекрасный звѣринецъ, и обойдя вокругъ всѣхъ цвѣтшиковъ, воропился, мимо вашихъ

оконъ, къ себѣ.» — Вы пакъ были углублены во что-то, милой другъ, что даже не замѣтили моего пренизкаго вамъ поклона, а глядѣли на меня, казалось, приспально. — «Вы шупипіе Графъ.» — Божусь вамъ. — «Эшо непоняпно! Я не видѣлъ никого въ окнѣ.» — Какъ окончилась вчерашняя правля? — «Къ великому удовольствію Князя; мы набили множесиво дичи, и сегодня она будетъ у насъ въ обѣдъ и будетъ вдвое для меня вкуснѣе, пошому что это обѣдъ прощальный. Мнѣ очень хотѣлось выѣхать ушромъ, но, если вы ѣдете послѣ обѣда, то не лишу себя удовольствія провожать васъ до Кракова.» — Эшомъ прощальный обѣдъ, милой Эдуардъ, будетъ и намъ съ вами прощальный же, а вы ему радуешесь!» — Я объ эшомъ и не думалъ, Графъ, пошому что въ Краковъ непременно бы дождался вашего пріѣзда, а пока успѣлъ бы опшравить мою корреспонденцію. Какъ вы провели вчерашній вечеръ? — «Очень пріятно; шепунка играма въ пикешъ съ Нунциемъ, которій чупъ

не задохся ошъ канѣля, а мы съ кузиной, вспоминали спарос.» — Милая Баронесса! какъ она добра, какъ привлекательна! Сколько я досадовалъ на необходимость раздѣлнть вчерашнюю охоту; вы бы не опказались, любезный Графъ, ввеси меня къ нимъ. — « Впрочемъ я не жалю, что васъ не было, Эдуардъ; вы помѣшали бы нашему разговору, пошому что онъ былъ объ васъ.» — Обо мнѣ, Графъ?... Я соглашался бы не мѣшашь ему, на условіи: знать содержаніе. — « Я вамъ скажу: кузина передала мнѣ шо, что знаетъ вся Вѣна — вашъ благородный поступокъ съ семействомъ несчастнаго, принудившаго васъ его убнть.» — Не говорише мнѣ объ этомъ, сказалъ вспыхнувшій М — чъ: ради Бога не говорише! Эша рана тяжела — виднть Богъ, какъ тяжела... Я убійца цѣлаго семейства... не говорише мнѣ! — Другъ мой, надобно было видѣть ея щерзанія.... Онъ изорвали мое сердце! — « Графъ! я въ 12 часовъ у васъ, и мы пойдемъ къ Баронессамъ? Да?» — Гошовъ! — « Въ ожи-

даніи, выслушайте меня, и прощайте. Вы не хошѣли гибели соперника, но защищали жизнь свою и оспальное было слѣдствіемъ необходимости; слѣдствіемъ печальнымъ, ужаснымъ, но опть васъ независѣвшимъ. Вы были посланникъ рока несчастному семейству Лорда Л.... Знаю: все это не утѣшительно; но вы должны снести вамъ предопредѣленное. Въ шомъ, что опть васъ зависѣло, вы были *человѣкъ*. — Поздравляю васъ съ симъ достоинствомъ милый Эдуардъ: оно не всѣмъ людямъ дается; здѣсь, на сердце моемъ поздравляю васъ... Прощайте!

Черезъ широкій дворъ, обсаженный длинными рядами пирамидальныхъ шопелей, въ 12 часовъ два друга шли къ главному спроснію замка. — Божественная дѣвица, сказалъ М — чъ, я желалъ бы очень, чтобъ она не знала уже меня шакъ коропко. — «Ваше воображеніе спранно поражено, Эдуардъ, эшимъ несчастнымъ событіемъ; вамъ должно разсѣяться; влюбнесь... Влюблялись ли вы когда?» — Я

и теперь влюбленъ, если вы хотите — ваша милая кузина очаровала меня, дикаря. — Огинскій громко засмѣялся, и они вошли на крыльцо.

Старая Баронесса В — буртъ осыпала учтивостями вшедшаго М — ча; она слышала объ немъ въ Вѣнѣ и въ Неаполѣ, какъ объ молодомъ человѣкѣ, какихъ мало. — «Если бъ у меня былъ сынъ, сказала она: я благодарила бы Бога, когда бъ онъ походилъ на Графа М — ча» — Графъ смѣшался: такая похвала показалась ему неумѣренной. Онъ хотѣлъ что-то опрѣвчать, но Баронесса перемѣнила разговоръ; она напомнила Огинскому о вчерашнемъ пикетѣ, много смѣялась, и дала время оправиться юному Венгру, пока вошла ея дочь.

Прекрасная Юанна была одѣта въ бѣлое кисейное платье, и въ этомъ простомъ нарядѣ показалась ему еще прелестнѣе. Ея пышные локоны роскошно вились вокругъ высокаго чела. Голубые глаза ея блестѣли жизнью, и ясносцію открытой души. Она подошла къ М — чу, и подала ему руку. — «Моя

Эмилиа, сказала она, позавидуетъ моему сегодняшнему удовольствію, Графъ. » — Напрошивъ, Баронесса, я думаю, что она поблагодаритъ судьбу за доставленіе мнѣ счастья познакомиться съ вами: ея добрая душа всегда принимала во мнѣ живое участіе. —

Они съѣли; разговоръ шелъ о новостяхъ Вѣны и общихъ знакомыхъ лицахъ, объ удовольствіяхъ жизни въ Парижѣ копорую перевозносила В — бургъ, о спектакляхъ, о собраніяхъ... Время летѣло. Живой, блестящій умъ ея оживилъ и меланхолическаго М — ча; онъ удивился, когда Огинскій, посмотрѣвъ на часы, сказалъ, что уже время идти. Все общество скоро изготовилось, и черезъ внутреннія комнаты оправилося къ Князю.

Коляска Графа стояла уже у подъѣзда, когда онъ возвратился въ свой апартаментъ. Онъ съѣлъ; и около полуночи, пилъ уже чай въ шрапирѣ Серебрянаго Лебедя. — Огинскій, съ Баронессами, пріѣхали передъ ушромъ. Онъ пришелъ къ М — чу, и разбудилъ его.

Дорожные сборы были кончены потчасъ, лошади заложены, и они опсправились вмѣстѣ къ Баронессамъ. М — чь желалъ опкланяшья, и прямо опть ихъ пуспитья въ Пешербургъ.

«Ежели Панъ швой не хочешъ сегодня ѣхашъ, ворчалъ ямщикъ каммердинеру Графа — шо заплашите мнѣ деньги и опспушите; уже ночь.» — Какая ночь, кричалъ каммердинеръ: швая пуспая голова бредитъ, еще 9 часть; мы опдадимъ шебѣ деньги, какъ прїедемъ; и Графъ даспъ шебѣ на водку. — «Ничего не хочу; опспушите меня, если не ѣдете, или я возьму лошадей, и уѣду безъ денегъ.»

— Дай ему, чшо опъ хочешъ, сказалъ Графъ, когда слуга вызвалъ его: — черезъ два часа мы ѣдемъ.

— «Васъ поропяшъ, сказала молодая В — бургъ: но я желала бы дослушашъ ваше мрачное, занимапельное сужденіе о жизни» — Я не оспавлю васъ, не окончивъ пачапаго. — Они съли.

«Исторія сердца человеческого, продолжалъ М — чъ, идетъ параллельно исторіи разсудка: мы чувствуемъ прежде, чѣмъ начинаемъ умствовать; иначе сказать: мы любимъ прежде, чѣмъ ненавидимъ. Усилія головы разочаровываютъ сердце въ существенности его идеаловъ: недовѣрчивость къ себѣ — слѣдствіе безпрестанныхъ открытій новыхъ, холодныхъ истинъ, знаній болѣе или менѣе каждую его склонность; и, шѣмъ болѣе, чѣмъ она была ему драгоценнѣе. Мѣра опытовъ собрана; разсудокъ всупаетъ въ деспотическія права свои, разрушивъ безъ милосердія всѣ замки сердечныя. Спрашно оглянуться назадъ въ первыя минуты новаго владычества: Небо и адъ не болѣе разспиваютъ между собою, чѣмъ царство сердца и царство разума — никакого соотношенія у одного съ другимъ!»

— Но время разсудка, Графъ, есть время истины: ужели же время сердца есть время заблужденія, если оно не имѣетъ соот-

ношенія съ испипой?... Это заключеніе печально! —

«Баронесса! я этого не умѣю иначе опредѣлить, какъ сравнивъ весну и лѣто: время цвѣша, и время плода — то и другое истина; но гдѣ же цвѣшъ?... Гдѣ эполъ аромашъ, которымъ вы дышали?.... Сухая, безвкусная почка оспалась на мѣстѣ красавца! Когда-то еще созрѣетъ она? Когда - то вознаградитъ хопя вкусъ за ушраченную, ни чѣмъ невознаградимую для сердца, прелестъ благоуханія! это два разныхъ міра; но похожи ли они?... Что въ нихъ общаго?... Такъ юность и мужество. Зачѣмъ не два разныхъ жипеля для столь разныхъ временъ!»

— Но намъ предоспавлена память о прошломъ; этой памяти человекъ никогда поперяшъ не желаетъ; стало бытъ она имѣетъ для него прелестъ: и въ возвращѣ разсудка она бережетъ сокровища юности въ воспоминаніи — въ новомъ періодѣ, мы богаты и старымъ. Сколько усѣла въ жизни испипашъ я, то

опытъ не охлаждаетъ сердца, но только ограждаетъ его отъ природной довърчивости: вы любили весь міръ — тогда полюбите друзей, опытомъ для васъ избранныхъ... что же въ сущности потеряли вы? — толпу!»

— Но, Баронесса, и въ лѣта опыта, прежде чѣмъ найдешь — если еще найдешь — друга, въ сколькихъ разочаруешься?... Гдѣ эти другіе я — какъ ихъ называюгь?... какъ узнашь ихъ? —

В — бургъ замолчала, и невольно пощипала глаза. Выраженіе, съ какимъ сдѣлалъ М — чь этотъ вопросъ, привело ее въ сильное замѣшательство.

— Я много испыталъ, въ немногихъ моихъ лѣтахъ — продолжалъ онъ — но, я все еще, по несчастію, довърчивъ къ людямъ... Научите меня не обманываться!... Вы молчите, Баронесса! —

« Охъ всего сердца желаю вамъ, Графъ, быть такъ счастливымъ, чтобъ первый другъ, на котораго вы обратите глаза, былъ достоинъ

вась.» — Небо услышитъ желаніе ваше, прекрасная душа! Да благословитъ оно васъ! блестящая жизнь ваша еще усыпана цвѣтами. . . Не знайте никогда несчастія!

Они замолчали оба. На глазахъ В — бургъ, казалось, навернулись слезы. М — чѣ вспаль; разсѣянно подошелъ онъ къ арфѣ, сползшей у стѣны. Мрачные и глубокіе звуки, имъ извлеченные, показывали состояніе его души. . . Онъ возвратился опять къ В — бургъ.

Она сидѣла на томъ же мѣстѣ, и въ томъ же положеніи, наклонивъ голову и опустивъ глаза; правая рука ея положена была на ручку кресель, а лѣвая перебирала вѣрть; яркій румянецъ пылалъ на щекахъ, на прекрасномъ челѣ и усахъ ея изображалась задумчивость. М — чѣ молча смотрѣлъ и, казалось, любовался ею. Какъ прекрасенъ человекъ, сказалъ онъ — какое блестящее созданіе Божіе! Какъ смѣетъ коснуться до него несчастіе! . . . О, да сохранишь васъ святой промыслъ отъ малѣйшей горести! Я ѣду, Баронесса; но, я увезу съ

собой образъ вашъ... Онъ не обманетъ моей души, не оставитъ меня! Ваше участіе къ судьбѣ моей есть драгоценный небесный даръ, который неожиданно низпосланъ мнѣ.....
Вспомните ли вы меня?...

« Можешь быть мы въ Петербургъ увидимся, Графъ; и мнѣ пріятно будетъ встрѣтить васъ не столько мрачнымъ. Вы не любите людей; но между ними есть сердца добрыя, которыя поймутъ васъ... Не убѣгайте людей — продолжала она, вставъ съ кресель и оживясь — не отчуждайте ихъ отъ себя... Это жестоко, это обидно человѣчеству! Вы будете счастливы, Графъ; я это обещаю вамъ.... Въ минуту мрачную, когда сердце ваше начнетъ пугаться жизни, вспомните, что Иоанна В — бургъ, стоя передъ вами на этомъ мѣсѣ, именемъ неба и человѣчества прорицала вамъ счастье! »

— Ангель небесный! — воскликнулъ М — чѣ удаляясь: — Ангель небесный! Такъ... ты можешь обещаешь счастье — ты можешь дать его!

Въ 13 миляхъ за Варшавой, въ мѣспечкѣ Д... , на почтовой станціи, въ чисной большой комнатѣ шракшира, сидѣлъ усталый М — чъ; свѣчи горѣли передъ нимъ на столѣ, въ углу пылалъ каминъ. На выбѣленныхъ заново стѣнахъ висѣли, за разбитыми спеклами, предметы поклоненія набожныхъ Капюлковъ : изображеніе Св. Доминика и Св. Игнація; на окнѣ спояло нѣсколько чубуковъ съ набишыми шамбулками, а за дверьми, при Жида — факшора набивались въ услуги проѣзжему Папу.

Графъ положилъ передъ собой бумагу и взялъ перо.

Благородный Огинскій! подъ незавиднымъ небомъ вашего отечества, подъ дождемъ и снѣгомъ, по непроходимой слякопи, я опѣхалъ уже 13 миль опѣ Варшавы, и почти у ворошъ запустилълаго замка Князя Санъги, на почтовой станціи, выбившись изъ силъ, рѣ-

шился отдыханъ почъ, часпъ кошорой посвящу удовольствію поговорипъ съ вами.

Какое чудное сцѣпленіе случаевъ, любезный Графъ; нѣсколько недѣль назадъ, я не зналъ васъ, и, спранникъ, совершенно одинокій въ мірѣ, съ пустошой въ душѣ, съ безнадежноспію, съ лѣнью — почти безошчетно вхалъ я на болопнспый берегъ Балпнки померзнушь, когда не согрѣла меня цвѣпущая Италія. Но, вы вспрѣпидисъ и подали мнѣ вашу дружеспвенную руку, и мірѣ не пущъ уже для меня! Вы разбудили мою дремопу, я ожилъ, мыслю, мечтаю!

Вы не одни со мной, Графъ, — вы это знаете; *она* по же со мной. Чудо, судьба повела меня опъ радости къ радости! Вы спонне передо мной оба, какъ два Ангела — пупеводипели мои. Воптъ она. Воптъ это божеспво, магически прорпцающее мнѣ счастье; она здѣсь, у моего спола; я вижу ея вдохновенную осанку, ея глаза, повелѣваощіе мнѣ живпъ

и любить! — Огинскій, вопъ вы — ваше открытое лицо, взглядъ, дышащій любовью къ прекрасному, и смѣю сказать — дружеспвомъ къ вашему Эдуарду. Графъ! Вы оба должны любить меня, иначе я не могъ бы такъ близко чувствовать васъ душой моею!

Окнябрская Варшава показалась мнѣ мрачною — можешъ бытъ льпомъ она вдохновительнѣе. Я видѣлъ вашего Короля — очаровашеля: какъ онъ прекрасенъ, какъ памяшенъ! насъ представлялось много, но иностранецъ былъ только я. Король не заставилъ долго ожидать себя; лишь только опнесли записку о собравшихся, дверь въ кабинетъ отворилась, и въ сопровожденіи дежурнаго Генераль - Адъютанша онъ вышелъ въ залъ. Сдѣлавъ общее привѣтствіе всѣмъ, Король милоспиво обратился ко мнѣ. Графъ М — чъ, сказалъ онъ со свойспвенною ему одному прелестію: благодарю за доставленный мнѣ случай познакомиться съ вами; я уважаю ва-

шихъ соотечественниковъ, люблю мужественныхъ Венгровъ — это благородные рыцари 18-го вѣка. — «Государь, отвѣчалъ я: позвольте мнѣ передать эпопѣ милостивый опзывъ Вашего Величества моимъ соотечественникамъ: они не будутъ равнодушны къ лестной для нихъ похвалѣ великодушнаго Спасителя.»

Опкланявшись, я былъ у нашего Посланника; онъ опзывался объ васъ съ опличнымъ уваженіемъ. Графъ! съ какимъ восторгомъ слушалъ я здѣсь двухъ вашихъ одноземцевъ: Графа Грабовскаго и неизвѣснаго мнѣ по имени Малпійскаго Кавалера, о прелестномъ зѣмкѣ вашемъ Слонимѣ, убѣжищѣ изячнаго, мѣстѣ свиданія всего любезнаго и просвѣщеннѣйшаго въ Польшѣ! Они съ чувствомъ описывали мнѣ, какъ печать прекрасная жизнь ваша, посвященная опечественной славѣ, изячнымъ искусствамъ, наукамъ и человечеству. Благородный Огинскій! какъ благодаренъ я судьбѣ за знакомство съ вами!

И такъ вы съ Баронессами В — буртъ не ранѣе еще двухъ мѣсяцевъ оставите Польшу. Авось чтонибудь переменитъ вашъ планъ, и я увижу васъ скорѣе того въ Петербургъ. Впрочемъ — гдѣ и я буду черезъ два мѣсяца! Моя блуждающая звѣзда, можетъ быть, увлечетъ меня за собою и прежде этого срока; но, Графъ, мы уже родные въ мѣрѣ, я не опешану опъ васъ. Когда сплиническая душа закосится снова на землю, и голова уснетъ опъ заботы безчувственной, я брошу все, и полечу освѣжить себя шѣмъ воздухомъ чистымъ и укрѣпляющимъ, коимъ дышалъ я подлѣ Огинскаго!

Тысячи искреннѣйшихъ учтивостей позволю мнѣ изъяснить чрезъ васъ Баронессамъ.

Это письмо доставлено было Огинскому уже черезъ мѣсяць; его Краковскій комиссіонеръ переслалъ оное въ Варшаву, обманувшись

во времени, какое Графъ думалъ промѣшкашь дорогой, у Попоцкихъ. Радость всѣхъ была искренна. Цѣлый день М — чѣ былъ предметомъ разговора. Вечеромъ старая Баронесса была звана на вистъ къ одной старинной пріятельницѣ, и въ 8 часовъ уѣхала. Огинскій и Иоанна остались одни. — Я давно не видалъ тебя такъ оживленною, милая кузина, сказалъ первый: ты пылаешь въ огнѣ. — «Огинскій, отвѣчала В — бургъ, знаешь ли, что я не показала бы тебѣ этого письма, если бы ты былъ — я, а я — ты.» — По чему, Иоанна? — «Ты меня разумѣешь.... Да! мнѣ больно бы было подѣлиться М — чемъ съ кѣмъ бы ни было! Я думаю, что и бывъ женщиной, я удержала бы это чувство.» — Это дѣлаетъ честь моему сердцу, и увѣряетъ тебя въ моей дружбѣ. — «Благодарю, Огинскій! Я хотѣла бы знать, скоро ли дѣла позволятъ намъ бытъ въ Петербургъ? Признаюсь тебѣ, что я очень бы желала увидѣться

шамъ съ М — чемъ, и горько буду жалѣшь, если онъ уѣдетъ прежде насъ.» —

— Я думаю, что черезъ недѣлю можно будетъ выѣхать, но Петербургъ не близко.... Радуюсь за моего юнаго друга, что моя добрая Иоанна ишсересуется имъ. — «Надѣюсь, что ны не смѣешься, Казиміръ?»

Они распались поздно, и до самаго прощанья съ чувствомъ говорили о занимательномъ М — чѣ.

Черезъ 10 дней послѣ этого, передъ самымъ отъѣздомъ изъ Варшавы, Иоанна сидѣла одна въ своей комнатѣ, облокотясь на столъ и поддерживая рукою голову; передъ ней лежала книга; но она не переворачивалась; казалось, она была углублена во что-то; милое лице ея было блѣдно, взоръ печаленъ. Уже былъ 9-й часъ вечера; долго ли просидѣла бы она въ этой неподвижности, не зная, — ей пришли доложить о пріѣздѣ Огинскаго, и желаніи говорить съ ней.

— Другъ мой, сказалъ онъ, входя въ комнату: Я пришелъ съ побой подѣлишься моею досадою, и тебя опечалишь: М — чь уѣхалъ въ армію; вопъ тебѣ его письмо. Иоанна сѣла ближе къ столу, не отвѣчая ни слова; взяла изъ рукъ его бумагу, и читала глазами.

Мое зловѣщее предчувствіе сбылось, благородный Огинскій! я не увижу васъ скоро, ѣду въ армію. — Сообщаю вамъ подробности.

Нашъ посланникъ при Россійскомъ дворѣ, почтенный Баронъ Ш...., претъяго дня предспавилъ меня Императрицѣ въ Ея прекрасномъ загородномъ дворцѣ, въ Царскомъ Селѣ, подѣ пипуломъ пупешественника.

— «Если цѣль вашего путешествія не шайна ваша, сказала съ обворожительною улыбкой Жена вѣка, то Миѣ пріятно узнать е.»

— «Цѣль моя уже достигнута, отвѣчала я: Государыня! я желалъ поклониться Вашему Величеству; но, если удостоюсь полу-

чить милостивое дозволеніе, по желанію бы посвятивъ часть моего свободного времени осмотру достопамятностей Петербурга, и даже — обозрѣть часть Имперіи, сколько позволятъ мои дѣла.» — Благодарю, Графъ, сказала Императрица, и съ удовольствіемъ беру на себя доставить вамъ все способы ознакомиться съ нами.»

Вдругъ вчера упрямъ призываетъ меня Посланникъ и объявляетъ предложеніе Императрицы вступить въ Ея службу, или волонтеромъ отправиться въ ея армію на Дунай, съ обѣщаніемъ рекомендовать меня Фельдмаршалу, и даже — съ порученіемъ, везти къ нему важныя бумаги. «Вашъ Венгръ, сказала Государыня Министру, зимой сочтеть насъ варварами, жителями части свѣта, освѣщенной солнцемъ: пусть ѣдетъ теперь ближе къ родному югу, и лѣпимъ воронки къ намъ.»

Что вамъ сказать на это, Огинскій? — Много пробудилось въ душѣ моей при этомъ

вызовѣ, и — я волонтеръ Руской арміи; ѣду бишь Турковъ, спарыхъ моихъ знакомыхъ.

Да благословитъ небо васъ, великодушный другъ мой, и эту ангельскую душу! Вы привязали меня опять къ жизни; не хочу умереть, не выдавись съ вами. О, если бъ вы любили меня шакже, какъ я васъ!

Іоанна положила на споль письмо, и устремила взоръ на Огинскаго. Жаль — сказала она, и замолчала. Чпо - то въ ея положеніи пронуло Графа; онъ прижалъ ее крѣпко къ груди своей, и голова ея невольно склонилась на его плечо.

М — чъ уѣхалъ, но повѣсть о пребываніи его въ арміи не имѣла ничего занимательнаго. Молдаванская лихорадка вспрѣшила путешественника нашего, и онъ, полуживой доѣхавъ до главной кваршеры, спрадалъ шамъ всю зиму, будучи не въ соспоянніи даже оспавлять своей комнашы. — Съ весной здоровье

его начало поправляться, и какъ война приходила уже къ концу, шо не предвидя болѣе ничего желательнаго сердцу, онъ разсудилъ возвратиться къ друзьямъ своимъ въ Петербургъ.

Соспоянiе души М — ча было печальное: прежняя мрачность снова овладѣла имъ, и глубокая спрась, въ которой напрасно спарался разуверить себя, преслѣдовала его по всюду. Образъ Юанны носился предъ нимъ, какъ сладкiй, но обманчивый призракъ — онъ зналъ, что рука богатой В — бургъ не можетъ принадлежать ему: онъ всмопрѣлся давно въ честолюбiе ея мапери. Сначала онъ силился переименовать свою любовь въ дружество; но шоска въ разлукъ испугала его, и послѣднее еще усилiе разсудка, была благородная, но прудная жертва, принесенная ея спокойствию опъездъ въ армию. Свыше силъ жертвовать не лзя — онъ почувствовалъ необходимость еще увидѣть ее. Пока она свободна, говорилъ онъ себѣ, я не удалюсь

болѣе отъ нея; — когда же опдаспѣ свое сердце другому, если не снесу этого, то умру, вопшъ и все; зачѣмъ же мнѣ лишашъ себя еще возможнаго счастія — видѣшь ее.

Гордый М — чѣ скрывалъ даже предъ Огинскимъ всю силу чувствва, имъ исключительно овладѣвшаго. Объяснившись, онъ не пережилъ бы равнодушія къ оному; соспрананіе къ себѣ, въ подобномъ случаѣ, казалось ему оскорбительнымъ, а невозможность счастія пакъ ясною, чпо онъ почишалъ не безумнымъ дѣлать всю сладость и все опчаяніе подобной спраспи только съ самимъ собой.

«Ты вызываешь меня, другъ мой, писалъ онъ къ Огинскому въ послѣднемъ письмѣ; радуешь меня надеждами на разсѣянiе въ Пешербургъ... Нѣшъ, мой Казиміръ, не радуй меня ничѣмъ болѣе, кромѣ швоей дружбы. Чпо за радость — разсѣянiе?... Это ничпожесшво силы душевной, пуспота сердца, это — смѣшное и жалкое усиліе умирающаго, прожить нѣсколькими минушами долѣе. Огинскій! я при-

мирень съ землей, люблю ее, но чувствую, что счастья мнѣ дать она не можетъ!»

Состояніе Иоанны было не менѣе печально. Ея пламенное воображеніе любило М — ча еще не зная его. Занимательная повѣсть его жизни, поразила ее при самомъ разсказѣ дѣвницы Лаудонъ; онъ спалъ идеаломъ совершенства въ ея мысляхъ, и сердце ея, еще не испытавши любви, любило прекрасный призракъ, для себя созданный. Онъ встрѣтился съ ней — это показалось ей чудомъ, и — вниманіе несчастнаго *человѣконенавистника*, подъ какимъ именемъ Графъ былъ наконецъ извѣстенъ въ Вѣнѣ прелестнѣе его особы, и нескрывшаяся отъ нея въ послѣдствіи привязанность къ себѣ, довершили побѣду въ пользу его. Она знала свою мать, и ея честолюбивыя виды; не смѣла спокойно предаваться чувству; но, увлеченная иногда въ опкременность дружбою Огинскаго,говаривала ему: — Мое счастье, милой братъ, также мрачно и безнадежно, какъ и душа моего Эдуарда! По-

ложеиіе В бургъ сдѣлалось еще мучительнѣе, когда случайный С... въ началѣ посѣщать домъ ихъ; онъ показывалъ видимую привязанность къ Юаннѣ, и голова ея мапери пылала уже великолѣпными планами на блестящую партію.

Графъ Казимиръ Огинскій — было чепко написано мѣломъ на столѣ, споявшемъ посреди комнаты, передъ диваномъ, 19 Н. Пешербургскаго шракшира Лондона. Слуга М—ча, проводивъ Графа въ переднюю, спѣшилъ опворить дверь. — «Скажи своему барину, что я все знаю: онъ 11 день въ Пешербургѣ, и не хотѣлъ найтти меня.» — В. С! Графъ былъ нездоровъ съ прїезда, и въ первый разъ сегодня выѣхалъ прокашлясь. — Это было въ 2 часа, въ 5 возвратился М—чъ: слуга объявилъ ему о посѣтителѣ еще въ сѣняхъ. Вся кровь бросилась ему въ лице; онъ собрался было пишашь, уже вынулъ бумагу и положилъ передъ себя, какъ вдругъ дверь опворяется, и Огинскій оптверзаешъ ему свои объятія. — Казимиръ

міръ! вскричалъ пламенный М — чѣ, и бросился на грудь его. — Я не укоряю тебя, Эдуардъ, но не понимаю... что съ тобой?... — Со мной должно было сдѣлаться многое, Огинскій, если я спалъ то, что есть... Благодарю тебя, милой мой другъ: ты предупредилъ меня — я сей часъ собираюсь писать къ тебѣ.

Они съѣли; Огинскій пребовадь довѣренности, или клялся, что въ послѣдній разъ видить его. Дружба взяла свое: душа М — ча открылась; онъ перелилъ въ грудь Огинскаго всю пайну, все опчаяніе свое; языкомъ испульеннаго изобразилъ онъ пламенные очерки своей страсти. — « Огинскій! вскричалъ онъ наконецъ: что мнѣ оставалось дѣлать? — я все узналъ: человѣкъ, который ходилъ освѣдомиться о вашей кварширѣ, принесть мнѣ роковую вѣсть, которую — ты видишь — я пережилъ, но которая такъ глубоко, такъ больно меня поразила! Юанна помолвлена за С... ва. Слушай, Огинскій! Если въ бреду огненнаго

чувства идея о возможности счастья мелькала въ моей головѣ, но это былъ одинъ мигъ. Клянусь тебѣ, что пока жива ея мать, я — умеръ бы отъ любви, но — не произнесъ бы низкаго признанія, вызывающаго опозореніе; следовательно у меня не было плана на Иоанну. Однако же, когда все кончилось, со словомъ, тихо и плавно мнѣ сказаннымъ: Баронесса В—бургъ помолвлена за С...ва, Казиміръ — это слово прошло сквозь сердце, и оправило весь составъ мой. Другъ мой, прости, что я шамль отъ себя мою слабость; мнѣ хотѣлось быть болѣе достойнымъ почтенія въ глазахъ пивонхъ. Но, я наказанъ — видишь, какъ я страдаю.» — Онъ умолкъ. — Эдуардъ, сказалъ Огнискій: помолвка Иоанны рѣшена только въ передней и, можешь быть, въ сердцѣ ея матери; но Иоанна еще не рѣшила ее. Я давно предчувствовалъ, что ты не равнодушенъ къ ней, и признаюсь тебѣ — радъ бы былъ вашему соединенію. Ты обидѣлъ меня молчаніемъ; я раздѣлилъ бы всей душою твою

судьбу, и если бы ничего не могъ сдѣлать, кромѣ какъ грустинъ вмѣстѣ съ побой, то и шѣмъ бы сердце швое было облегчено. Ты изтерзалъ себя добровольно. Эшого разсчета я не разумью. Слушай, М — чь! сказалъ онъ по нѣкоторомъ размышленіи: увѣренъ ли ты въ любви къ тебѣ Юанны? — «Что ты хочешь дѣлать?» — Отвѣчай мнѣ: увѣренъ ли ты въ Юангъ? — «Нѣтъ, Огинскій, я вѣрю ея дружеству, она не могла же притвориться; наши души поняли одна другую, и на взаимной симпатіи основалось, можетъ быть, нѣкоторое чувство привязанности ко мнѣ.» Помолвка еще не рѣшена, М — чь, я уже сказалъ тебѣ; слушай же, что я буду говорить тебѣ, не перебивая. Ты долженъ объясниться съ Юанной: объясненіе съ ея матерью испортило бы все дѣло; одно швое слово, и въ настоящихъ обещательствѣхъ тебѣ будетъ даже опказано опъ дому. Я знаю эту женщину, и ты правъ на счетъ ея. Ты долженъ объясниться съ самой Юанной, и опвѣсть ея

поспѣши сказать мнѣ. Завтра у нихъ большой обѣдъ въ Царскомъ Селѣ, тебѣ сподѣсть явиться упромъ, и будешь приглашенъ; ищи самъ случая говорить съ Юанной: эшошь день рѣшишь судьбу ея съ С....вымъ. Помни, что всѣ глаза будутъ обращены на нее — будь оспорженъ. Вечеромъ Императрица прїѣдешь въ Царское, будешь при Дворѣ балъ, на кошоромъ, можешъ быть, уже доложашъ Государынѣ, что С....въ ищешъ руки В — бургъ, и одно ея слово рѣшишь ихъ судьбу; надобно успѣшь до бала объяснишься, и до бала же меня увѣдомишь объ отвѣтѣ. Остальное поручи моей дружбѣ, и головѣ, болѣе холодной, а пошому и болѣе разумной, чѣмъ швоя. Смѣлѣй, Эдуардъ! съ Богомъ! Онъ управляетъ судьбою сердца, и любилъ добрыхъ. Предохраняшь себя уже поздно, надобно спасать! Утромъ обойди Царско - Сельскій садъ; разспроси, гдѣ руина; при входѣ на дорогу, ведущую на верхъ ея, спояшь чугуныя вороша; на первой скамьѣ ошъ шѣхъ ворошъ

буду сидѣть я — если же не увидишь, то кличь мою собаку, и она доведетъ тебя къ мнѣ. Съ пяти часовъ вечера я уже сижу на шой скамьѣ, и буду сидѣть цѣлую ночь, пока ты не явишься. Баронессамъ я скажу заранѣе, что быль въ Царскомъ Селѣ не могу по дѣламъ моимъ. Прощай!... Осторожнось, терпѣнїе, молишва, дружба... Прощай!» — Гений благодѣшельный! вскричалъ М — чь. Графъ обнялъ его, и бросился въ свою карету. М — чь упалъ на колѣна, сложилъ на грудь руки и, молился.

Ясное, безвѣпренное утро слѣдующаго дня заспало М — ча уже въ Царско-Сельскомъ саду; раннїя, продолговатыя пѣни деревь лежали по уединеннымъ дорожкамъ; шумъ многихъ опдаленныхъ водопадовъ сливался въ одно сладостное журчанїе. Волшебное убѣжище! Садъ съ каждымъ шагомъ становится гуще, виды разнообразїе; безконечныя аллен пересѣкающа безконечными; курпины насслены мраморными жишелями, дѣшьями искусшва и

роскоши; они повсюду попадаются на встрѣчу, или выглядываютъ изъ окружающихъ чащей; далѣе величественный дворецъ, выбравшійся изъ-за шѣни, пышно возлегъ на возвышеннѣйшемъ мѣстѣ всей окрестности, разпростеръ блестящія крылья свои, и пять ярко-золоченыхъ, солнцами пылающихъ главъ дворцовой церкви, споятъ, какъ пять пламенниковъ въ-ры: на нихъ возноситъ она къ небу пять крестовъ, какъ бы умоляя оное покровительствовать Генію мѣста. Пространный звѣринецъ, съ своими мѣстными шѣнами и валомъ, и въковою, огромною шѣнью, прилегаетъ къ обширному двору, обведенному красивымъ, жилымъ полукругомъ, который населяется дворомъ во время присутствія Государей.

М — чѣ ничего не видалъ, ничего не чувствовалъ. Надобно испытать въ жизни страсть пламенную, безнадежную, и испытать ту мину ея, когда самая религія, вооружась побѣднымъ громомъ своимъ, отверзнетъ уже храмъ, въ которомъ существо, побой люби-

мое, произнесеть клятву — любить другаго! Надоно испытать это; чптобы представилъ себѣ состояніе души несчастнаго Графа. Онъ сидѣлъ неподвижно на скамьѣ, пропивъ пампашника, посвященнаго *дружбѣ*, не далеко отъ анартаменшта, занимаемаго Баронессой В — бургъ. Глаза его не были мутны: они неподвижно сіяли; видно было, что онъ размышляетъ, а не груститъ. Видно было по упомянутому лицу его, что сердце у него исперзано, и отъ недостатка собственной силы уже покорно; но разсудокъ, казалось, сжавившись, готовъ за него вспуниться — вся сила мысленная на этомъ челѣ, сердце даже чушь бьется, чптобъ не развлечь ея... Оно ждетъ себѣ отъ нея или спасенія, или смертнаго приговора!

Жребій брошенъ. Въ часъ по полудни спарая Баронесса В — бургъ сидѣла въ великолѣпной гостиной на диванѣ; прошивъ ся въ креслахъ сидѣлъ С...въ, молодой Русской вельможа прекрасной наружности, въ шелковомъ

Французскомъ кафпанѣ, въ пышномъ парикѣ; по другую сторону сидѣлъ Посланникъ Римскаго Императора, у окна стояли Полковникъ Баронъ В — бургъ, дальній родственникъ хозяйки, и камергеръ Д — въ; нѣсколько гостей сидѣли поодаль. Разговоръ былъ общій, незанимательный, какъ обыкновенный разговоръ госпиныхъ. Вдругъ офиціантъ отворяетъ двери, и докладываетъ о прїѣздѣ Графа М — ча.

Гордый Венгръ подошелъ къ Баронессѣ со всею свободою, со всею любезностію, споль ему свойственной; онъ изъявилъ радость свою, что имѣетъ еще разъ случай увѣрить Баронессу въ своемъ глубокомъ почтеніи, и въ памяти къ прежнему вниманію, какого имѣлъ честь быть удостоенъ въ Краковѣ. Потомъ онъ обратился къ Посланнику; добродушный Баронъ Ш. ласково подаль ему руку; жалѣлъ о неудачѣ его путешествія, какъ онъ давно слышалъ о нѣмъ Графа Огинскаго. Беседа оживилась; блестящій, общественный языкъ

М—ча незамѣтно возвысилъ разговоръ, и увлекъ вниманіе; полчаса пролепѣли, и онъ, опклавиваясь Баронессѣ, получилъ приглашеніе къ обѣду.

Пріѣхавъ въ половинѣ пренъго часа, М—чь засталъ уже С...ва; сидѣвшаго оняшь на томъ мѣстѣ прошивъ спарой Баронессы, и нѣсколькихъ гостей: дочь еще не выходила. М—чь видѣлъ неперифливоспъ своего счастливаго соперника, безпрестанно дававшего сіе замѣшить. Сердце его сжалось, онъ не спрадалъ. Выученный видъ, и рабопающая голова, выдерживали сцену; только шогда, какъ улыбка исчезала съ его устъ, быспрые, одушевленные глаза его дѣлали равную противоположность съ блѣднымъ, невыразительнымъ его лицомъ. В—бургъ изъявила ему сожалѣніе, что Графа Огинскаго задержали въ Пешербургъ важныя дѣла, и пошому онъ ошказался быть у нея и въ такой день, прибавила она, когда бы я особенно желала его видѣшь. — «Проспите пріѣзжему, Баронесса, сказалъ М—чь; если

сегодня семейный праздникъ вашъ, но позволите мнѣ имѣть честь узнать его?» Онъ испугался, выговоривъ сѣ слова: выдержать ли разсудокъ готовящейся отвѣтъ. — Сегодня день дружбы, любезный Графъ, сказала В—бургъ, и въ кругу друзей недоспающей Огинскій, для меня важенъ.

Всѣ вспали; М — чь оглядывается: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ дверей остановилась Юанна; С...въ бросился на встрѣчу, всѣ обступили ее. М — чь споялъ передъ спулкомъ, съ копорого вспалъ; послѣдняя капля крови исчезла съ лица его. Она, подавъ руку С...ву, обратилась ко всему собранію, и шумъ, въ шуму всеобщихъ поклоновъ, М — чь сдѣлалъ два шага на встрѣчу къ ней. — Графъ, сказала Юанна, остановясь: какъ давно уже мы лишены удовольствія васъ видѣть. — Онъ опривеспо пробормоталъ нѣсколько несвязныхъ учинивостей, и всѣ съли. Торжественный видъ С...ва, сидящаго подлѣ Юанны, поколебалъ всѣ силы М — ча; онъ завязалъ разговоръ съ Рим-

скимъ Посланникомъ, и съ прудомъ уже его выдерживаль. — Какъ замѣтно, милой Графъ, что вы еще слабы, сказалъ добрый спарикъ: такимъ ли молодцомъ видѣль я васъ, назадъ пому еще меньше года? М чь улыбнулся; разговоръ эпопъ не обрапилъ ничьего вниманія, но взглянувъ на Иоанну, онъ увидѣль обращенное къ себѣ блѣдное лице ея, и долгій, неподвижный взглядъ, наполненный чувства и унынія. Сердце его снова вспыхнуло, яркой румянецъ разлился на щекахъ, онъ вспалъ и подошелъ къ ней. — Какой прекрасный день, Баронесса, и какъ эпопъ садъ, копорый у васъ передъ окнами, обманчивъ; по неволѣ воображаешь себя жителемъ Юга, по неволѣ увлекаешься въ счастливое прошлое. — «Прекрасный садъ, сказала В — бургъ, и взглядъ ея былъ уже холоденъ. «Вы были нездоровы, Графъ. Огинскій такъ много печалился объ васъ.» — Да, Баронесса, я пережилъ многое: эпого еще недоспавало къ судьбѣ моей. Взоръ Иоанны сдѣлался важень. — «Я нахожу, что

здѣшній климатъ здоровъ; здѣсь вы поправитесь.» — Здѣсь климатъ хорошъ, Баронесса! шоропливо воскликнулъ спаричокъ докторъ, услышавшій сін слова: онъ можетъ быть спосеть, и шо для Рускихъ, но — не хорошъ. Боже проспи вамъ это выраженіе! чтожь послѣ этого наша Испалія! — Разговоръ заключился равнодушной улыбкой Іоанны, и въ это время хозяйка предложила идти къ сполу. Посланникъ подаль ей руку, С...въ предложилъ дочери, М — чь шель сзади. — Вы нездоровы, Баронесса, сказалъ С...въ, или озябли: вы дрожите. — Венгръ не слышалъ опвѣта за шумомъ толпящихся многочисленныхъ гостей, и суешливосцію офиціантовъ со спульями.

Мучительный обѣдъ продолжался до пяти часовъ; М — чь видѣлъ поржесиво соперника; читалъ побѣду въ глазахъ его; видѣлъ все вниманіе къ нему матери, у которой лице сіяло радоснію; хопя Іоанна была нѣсколько разсѣянна, но и она казалась М — чу доволь-

ною судьбой своей. Онъ имѣлъ доспапочно времени разсмопръѣшь все, чпобъ не желать дальнѣйшаго объясненія. Чшо хочешъ Огинскій, думалъ онъ; зачѣмъ мнѣ объясняншься съ ней? Она ясна... уже ли дружба хочешъ шоржесивовать мое уничтоженіе? зачѣмъ же она подвергаетъ меня ему?.... Безумецъ, чего мнѣ еще?...

Сполъ кончился; госпн важно разхаживали по комнапамъ: послѣобѣднй разговоръ всегда громче. Юанна съла; М — чу показалоь, чшо она ищешъ его глазами: онъ подошелъ и сълъ подлѣ нея. — Мнѣ пріяпно думашъ, Графъ, чшо вы не скучаете; вы, позволнше замѣшишь вамъ, слишкомъ мрачны! — «Баронесса, нѣсколькo словъ я прошу у васъ позволенія сказашь вамъ.» Юанна не ошвѣчала, но обрашпа на него глаза. — «Скажише мнѣ, прошу васъ, если эшо не шайна ваша — вы невѣста?» В — бургъ печально улыбулась, и не ошвѣчала ни слова. — «Скажише мнѣ, Баронесса, я помолось Богу за ваше счастье; вы

миѣ такъ близки; я никогда не забуду васъ... Огинскій сказалъ миѣ, что сегодня рѣшился судьба ваша... Рѣшена ли уже она?»

— «Если Богу будетъ угодно, отвѣчала съ важностію Іоанна, то она рѣшилась сегодня... Но, Графъ, я хопѣла бы переѣвинше разговоръ... энопть тяжель для меня! проспинше меня, Графъ!» Съ энимъ словомъ она вспала и вышла изъ комнаты.

Уже былъ седьмой часъ, но Іоанна не возвращалась; С... въ съ спарой Баронессой разговаривали вдвоемъ въ маленькой диванной; первый говорилъ съ большимъ жаромъ. Вдругъ В — бургъ позвонила, и велѣла позвать дочь. М — чѣ сидѣлъ подлѣ спараго Итальянца доктора, и пакъ, что видѣлъ часпѣ дивана, на кошоромъ сидѣла спарая Баронесса. Онъ видѣлъ, какъ отворилась дверь и вошла Іоанна. Разговоръ начался впроемъ; она съла, С... въ споялъ напрошивъ, между ею и маперью; шумъ гостиной не позволялъ слышать ихъ. Вдругъ мать вспала, взяла за руку дочь и

повела ее къ С...ву. — М — чь не видалъ болѣе ничего.

«Вамъ дурно! Вамъ дурно!» кричалъ Ипальенецъ докшоръ, бросаясь къ М — чу; всѣ обступили ихъ. Посланникъ, игравшій въ карты, вспалъ, и самъ повелъ его въ залу. «Другъ мой, какъ вы слабы, поберегитесь, милый Графъ» — Ничего, В. П., ничего, это пройдетъ, это уже прошло; простите меня за причиненное вамъ безпокойство. — Спарикъ бросилъ неоконченную игру, самъ опвелъ его въ свой апаршаментъ, бывшій близко, и никакъ не позволялъ выйти, пока М — чь наконецъ не сказалъ ему съ шаниственною рѣшительностію: — «Баронъ, ради Бога пустите меня, опъ этого зависитъ моя жизнь, и пустите меня одного; именемъ Бога и чести прошу васъ.»

Онъ бросился въ садъ; голова его ничего не разумѣла; онъ шелъ какъ безумный, и только радовался, что прежде, нежели почувсшвовалъ дурношу, успѣлъ вснашь съ мѣста и

сдѣлашь нѣсколько шаговъ, такъ что В — бургъ не могла этого видѣшь. Онъ оспановился передъ ихъ окнами; имъ подавъ былъ экипажъ; карета С...ва уже уѣхала. Онъ завернулъ въ свой плащъ, и пошелъ вдоль озера, къ чугуннымъ ворошамъ, чпобъ, если не снесши этого спрашнаго удара души, по умереть въ объятіяхъ Огинскаго.

Это длинное вспувленіе было нужно, чпобъ объяснить сцену, описанную въ началъ повѣспи. Чпшапель уже знаетъ, какъ увидѣлись два друга.

«Безумецъ!» вскричалъ Огинскій, « свое опчаяніе убьешь себя въ ту минуту, когда, можешь быть, небо готово уже дать тебѣ счастье!» — Оно готово, Казиміръ, это счастье... это счастье смерть; она погаситъ мои спраданія... О Іоанна! я не думалъ, безразсудный, что любишь себя такъ опас-

но! — «Эдуардъ, слушай: Огинскій, твой другъ, приказываетъ тебѣ. Надѣвай плащъ, спускай за мной, и надѣйся!» Они пошли отъ скамьи къ озеру и близь заросшей, некогда бывшей дорожки, вышли на вдавшуюся въ озеро косу, обтѣненную густою сосновою пѣнью. Огинскій послалъ собаку свою въ воду; минушь черезъ пянь послышался плескъ по водѣ и человекъ въ шлюпкѣ подѣхалъ къ нимъ; они вошли, шлюпка отвалила и поехала назадъ.

Посреди большаго озера, въ Царско - Сельскомъ саду, лежитъ меланхолическій уединенный островъ, густо заросшій въпвистою пѣнью. Непроницаемые кустарники обвили берега его, и сквозь пустынную рощу проглядываетъ чуть видимое изъ - за зелени огромное зданіе, посвященное уединенію.

Огинскій, пріѣхавъ инкогнито, отпустилъ коляску въ сосѣдственную деревню, а самъ, съ камердинеромъ, собакой и дорожнымъ чемоданомъ, перебрался на островъ въ шлюп-

къ, которая всегда давалась проѣзжимъ, по ихъ требованію. Шлюпка признала къ берегу. Огнискій взонелъ въ комнаты, одѣлся, и подавая руку М — чу, сказалъ: жди меня здѣсь; молись Богу, и вѣрь дружбѣ: я шебѣ оставляю часоваго: мою собаку! Съ этими словами обнялъ его, сунулъ въ шлюпку и поѣхалъ съ камердинеромъ на противоположный прежнему берегъ.

Дворецъ блестѣлъ огнями; садъ, впереди его, былъ ярко иллюминированъ; музыка гремѣла въ нѣсколькихъ мѣшбахъ; толпы народа неспрѣли около оконъ и подъѣздовъ. Пышный дворъ Екатерины, сіяющій золотомъ, наполнялъ огромные залы дворца; мундиры всѣхъ націй свѣла неспрѣли около Монархини, и Она, величественная, прекрасная, окруженная граціями, являлась, какъ благодѣтельное божество, угощающее смертныхъ, въ своихъ радужныхъ черпogaхъ и садахъ очарованныхъ!

Уже начинались танцы; важный менуесть раздавался на хорахъ; пары сходились; язы-

ки и Европы и Азии глухо шумѣли по огромному дворцу; пожилыя дамы важно пѣнулись председательствовать при шанцахъ. Веселая Монархиня Сама формируетъ пары, шупишь и оживляетъ общество; выходитъ на освѣщенный балконъ, кланяется народу, разгуливающему по свѣплымъ аллеямъ и вблизи оконъ, и громкое многократное *ура!* привѣтствуетъ юную, богошворимую Царицу.

Огинскій входитъ. Взоры прекраснаго пола обращаются всѣ на него. Великолѣпный Огинскій! Величественное, свободное лице его выражало все милое, все высокое; онъ былъ въ богатомъ мундирѣ Національной Лишневской Гвардіи; голубая лента Спанислава обвивала стройный станъ его; ловкость, любезность дышали въ его благородной осанкѣ. Онъ былъ въ шпорахъ; и такъ не готовился къ шанцамъ! но какая красавица не хотѣла бы шанцевать съ нимъ! Привѣтствовавъ дамъ, онъ подходитъ къ старой Баронессѣ В — бургъ, удивленной и обрадованной его

печальному явленію. Въ нѣсколькихъ словахъ онъ сказалъ ей, что важное дѣло задержало его въ Пешербургъ; но что онъ наконецъ поспарался удосужиться. Приходъ Государыни прервалъ разговоръ. Огинскій обратился къ ней. Съ милоснію, споль отличавшею Екаперину, она изъявила Графу удовольствіе его видѣнь; и просвѣщенный Огинскій свободно опвѣпспво-валъ за вниманіе къ себѣ нѣмъ шруднымъ и прекраснымъ языкомъ, которнй равно ласкаетъ и сердцу прелестной женщины, и слуху великой Самодержицы.

Опкланявшись, онъ удаляется, ницетъ глазами Юанну, проходящгъ нѣсколько великолѣпныхъ залъ, возвращаецца опять, и вдругъ видитъ ее, идущую съ опвореннаго балкона. Она почти вскрикнула, увидѣвъ его, и блѣдная, полмершвая, едва допшянулась до ступа.

«Какой богъ послалъ шебя ко мнѣ, мучительный Огинскій, сказала она — ты едва не уморилъ меня цисьмомъ швоимъ о явленіи эшого ангела! Ахъ, Огинскій, ты худо знаешь

сердце, если не страшишься подвергать его подобнымъ испытаніямъ... Ты могъ пріѣхать самъ, и можешь быть научилъ бы меня вашему холодному искусству припворствования... Какой день, другъ мой! сколько глубокихъ потрясеній испытала я!» — Иоанна! мое отсушствіе было необходимо, чшобъ принять къ себѣ на руки бѣднаго М — ча по выходѣ отъ васъ. Я не могъ оставить его, а удаленіе вмѣстѣ съ нимъ, дало бы слишкомъ явное подозрѣніе на счетъ моей къ нему дружбы; прошивъ нея, можешь быть, приняли бы предосторожности. Я оставлялъ себя Богу и своему благоразумію. — Для меня уже довольно, если ты, какъ я увѣренъ, по письму моему, удержалась принести спрашную жертву, отъ себя требуемую. Любя М — ча, ты уже была бы несчастна, но когда была бы еще причиною его гибели, то погибла бы сама, я себя знаю. — «Думалъ ли ты, Казиміръ, что я гопова была принести эту жертву?» — Признаюсь, Иоанна, что не думалъ; я ждалъ

смѣло, какъ ты опыграешься: настоятельная сцена для меня во всякомъ случаѣ любопытна. Скажи мнѣ, чѣмъ кончилось свиданіе? — Огромность залы дозволила имъ говорить свои шайны, не имѣвъ свидѣтелей; они сидѣли въ уединенномъ углу, куда далеко не подходила полпившаяся къ панцамъ публика.

«С....въ пребовалъ руки моей поржественно, сказала В — бургъ: мапушка подозвала меня, и объявила его предложеніе. Я отвѣчала, что если рукъ моей дозволяется зависѣть отъ меня, то, въ наспоющемъ положеніи, я желала бы оставить ее свободною. Мапушка поглядѣла на меня значительно, и съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Я иностранка, продолжала я, обратившись къ С...ву, и привязана къ родной сторонѣ моей до слабости; для меня все дико и чуждо сердцу подъ эпимъ пасмурнымъ небомъ, куда судьба привела меня. Простите моей опкровенности; чувствую, что не могла бы соснавить вашего счастья, я почитаю себя не въ правѣ не сказать вамъ

эпого. Честь, которую вы мнѣ предлагаете, обязываетъ меня говорить вамъ съ дружескою откровенностію. — С... въ молчалъ, но глаза его были спрашны: казалось, онъ не ожидалъ отказа. Мапушка по видимому все еще не была увѣрена въ моей рѣшимости. Она была въ чрезвычайномъ безпокойствѣ, сколько могла я замѣтить. — Извините ея застычивость, сказала она С... ву; близость переменны состоянія испугала ее. Вотъ вамъ ея рука — продолжала она, подводя меня къ нему: мать ея согласна, шеперь зависить отъ нея разорвать эпогъ союзъ. — Я знала мапушку. Что мнѣ оставалось дѣлать, чтобъ избѣжать горькой сцены? — Богъ внушилъ меня. Я не имѣю отца, сказала я, но мѣсто его занимаетъ въ моемъ сердцѣ другъ его, и мой братъ, Графъ Огинскій: я должна говорить съ нимъ; доп ого времени позвольте мнѣ располагать собой. — «Чего же долженъ я надѣяться, Баронесса? сказалъ С... въ.» — Всего, отвѣчала я, что не противно мое-

му долгу, моей чести, и — моему уваженію къ вамъ.

«Онъ уѣхалъ, не безъ надежды, какъ кажется. Машушка, помолчавъ довольно долго, сказала, что не опичасваея въ моей покорности и въ моемъ благоразуміи, и охотно соглашается на твое посредничество.... Что тебѣ сказать болѣе, Казиміръ! Дай мнѣ перелишь тебѣ все мое спраданіе.» — Постой, Юанна, ты сдѣлала все прекрасно, я очень доволенъ побою, и съ помощію Божіей, господъ помогаешь тебѣ. — «Скажи мнѣ, гдѣ М — чѣ?» — Не спрашайся за него, онъ подъ защипой моего сердца. — «Какой день, Огинскій! Не во снѣ ли все это?... Уже ли эта небесная душа сполько любитъ меня?... Какъ онъ переѣнился! какъ онъ спрадалъ! и какъ его спраданія терзали меня весь этотъ день! что мнѣ слава, что всѣ сокровища этого богача?... Онъ любитъ меня, Огинскій? скажи мнѣ, любитъ ли онъ меня?»... — Дыши, какъ вы смѣшны оба! Пойдемъ въ садъ, Юанна; я

пойду сказашь пвоей маперн, что мы идемъ смонрѣшь иллюминированный садъ и гулянье въ немъ.

Графъ скоро воропился; онъ принесъ ей легкую машинилу и позволеніе маперн. Они вышли, но, при выходѣ изъ впорой залы, вспрѣчающа съ С...вымъ. Онъ подошелъ къ Огинскому, взялъ его за руку, и въ самыхъ ласковыхъ выраженіяхъ осыналъ его учпиво-спями. — Трешій не будетъ ли лишнимъ; продолжалъ онъ, значительн улыбнувшись. — Господинъ С...въ для меня лишнимъ не можешь бышь, отвѣчалъ съ важностію Огинскій: Баронесса В — буртъ въ такомъ случаѣ проспишь мнѣ, что опложу на время повѣсть моихъ семейныхъ дѣлъ, копорая навѣрное показала бы для васъ скучною. — Я не безпокою васъ, сказалъ С...въ, и съ дружественною улыбкою разкланялся.

Они вышли въ садъ. Милосердое Провидѣніе! Всекликнула Иоанна, прижавшись къ рукѣ Огинскаго, копорую держала. — Какъ ожила

душа моя, какъ свободно дышу я подлѣ тебя... Твоя дружба защитишь меня, Огинскій! Дѣлай со мной, что хочешь, но извлеки меня изъ этой бездны... Другъ мой! увези меня въ мою Германію, возврати мнѣ утраченное на всегда счастье... Да! оно утрачено!.. «Развѣ ты не любишь М — ча, Иоанна?» — Кпо, я не люблю его! — «Что же ты счастье называешь утраченнымъ, когда и онъ тебя любитъ, какъ сумасшедшій то, на чемъ помѣшанъ?» Ахъ, Огинскій, это сладкій ядъ, копорый ты вливаешь въ меня. — «Я тебя не разумѣю! — » — Развѣ ты считаешь возможнымъ нашъ союзъ? — «Отвѣчай мнѣ: любишь ли ты Графа М — ча?» — Люблю, Огинскій! — «Иоанна! я отвѣчаю тебѣ за него, что и онъ любитъ тебя; я предлагаю тебѣ его сердце и руку... говори мнѣ...» — Этого уже слишкомъ много, Огинскій; пощади меня, я еще слаба отъ сегодняшнихъ перзаний. — «Иоанна, твой братъ, и другъ пвоего опца предлагаетъ тебѣ руку Графа М — ча.»

— Другъ мой, дѣлай со мной, что хочешь, воскликнула В — бургъ, и упала на грудь Огнискаго. — Ты знаешь, что я люблю его! — «Хорошо!... гопова ли же ты видѣшь его; и, подъ сводомъ этого неба, въ глазахъ Бога и дружбы гопова ли воскресить этого спрадальца?... Время дорого, Иоанна, говори...» — Я гопова на все, Казиміръ, я предаюсь своему покровительству, какъ предалась бы Богу одному!... Но, слушай Огнискій! я слаба; чувствую, что силы могутъ измѣниться мигъ... можетъ быть, сестра твоя не снесетъ сколько счастья, сколько ты гоповишь ей. — «Укрѣпись, Иоанна, весь этотъ день я хочу посвятить вашему благополучію... Довѣрься мнѣ.»

Они удалились отъ иллюминаціи, пошли вдоль озера, освѣщеннаго возвышенною пѣнью, и окруженнаго ароматическими роцями цвѣтущей сирени; сладостное благоуханіе разливалось въ теплому воздуху, слабый свѣтъ луны едва осеребрять спокойныя воды и верхнюю зелень высокихъ аллей. Уединенная до-

рожка вела извивисто къ берегу; съ каждымъ шагомъ сердце Юанны билось сильнѣе, колѣна подгибались. — Сядь, сказалъ Огинскій: вонъ скамья, я сей часъ возвращусь къ тебѣ. — «Ахъ, другъ мой, положи руку на мое сердце, и скажи — перенесу ли я все? . . .» Графъ обнялъ ее: успокойся Юанна, не спрашивай ничего — Богъ призираетъ на насъ. — «Онь, воскликнула пламенная дѣва, упавъ на колѣна, и поднявъ къ небу руки — Онъ призираетъ на меня!» Пышное платье ея зашумѣло, блондовая маншья упала съ плечь — бѣлая грудь ее, и блѣдное, оживленное лицо освѣщались луной, глаза сіяли божественнымъ огнемъ любви. . . Она молилась. Мрачный садъ, благоговѣнное положеніе и блестящая бриллианми великолѣпная бальная одежда соснавлили какую-то торжественность. «Боже мой, воскликнула она: да будетъ воля Твоя, помоги мнѣ, слабому созданію Твоему, благослови меня!» Огинскій возвратился, взялъ ее за руку, подвелъ къ опысанной имъ, ожидавшей

въ кустахъ шляпокъ, управляемой его каммердинеромъ; они съѣли, и шляпка понеслась по гладкому озеру.

Небольшое пространство острова обсажено вокругъ широколиственными деревьями, и обросло дикою пѣвнью. Одна дорожка обвивается около зданія, величаво упирающагося челомъ въ густо - сплетенную сѣнь. Противоположность мирнаго сего убѣжища и блестящихъ окрестностей дворца, — увѣренность уединенія, и громкія восклицанія толпы съ берега — опдаленная музыка и пустынный стукъ кузнечика, спорожа лѣсовъ — мракъ зданія и огни дворца, — страхъ и надежда — смерть и жизнь . . . все дико согласовалось съ душой М — ча. Скорыми шагами ходилъ онъ по залѣ, сложивъ руки на грудь и опустивъ голову. Окна все были открыты, густыя вѣтви деревьевъ заслоняли луну, и навѣвали ароматическую вечернюю свѣжесть. Онъ мечталъ объ Іоаннѣ. . . То предспавлялся ему милый образъ ея, стоящій предъ глазами, и общающій ему сча-

спіе, по видипть онъ ее объ руку съ С...вымъ, предъ алпаремъ Вѣчнаго произносящую спрашное да на всю жизнь, — по припоминаеть малѣйшее къ себѣ вниманіе, и увѣряенся въ любви ся, по явно опкрываеть свой обманъ, и видипть во всемъ полько одну, сродную ей, общеспвенную любезность. Бѣеть 11 часовъ; М — чѣ прислушивается, собака бросается къ водѣ, каженся, чпо - по плещеть по озеру, Графъ выходипть къ пристани и видипть шлюпку, плывущую по сумрачному проспранству озера. — « Эдуардъ! » — То быль голосъ Огинскаго — онъ опвѣчалъ ему: « Кликни, прошу шебя, собаку мою въ залъ, и оспанься самъ съ ней — я сей часъ приду къ тебѣ. » — М — чѣ повиновался разсѣянпо, онъ позвалъ собаку, вошелъ съ нею въ залъ, затворилъ дверь, и глядѣлъ на оную.... камень навалился на его сердце. — Свершилось все, Казиміръ, вскричалъ онъ дикимъ голосомъ вшедшему Огинскому — шакъ опредѣлено промысломъ... Чпо ты шель на зло судьбѣ моей!... — Онъ качался опъ

слабости. — «Эдуардъ, сказалъ Огинскій, пебо не безъ милоспи. Укрѣпись. Воишь — будь гошовъ перенеспи равно и казнь и прощение — минушы равно роковыя. Слушай — онъ положилъ ему на плечо свою руку, и поддерживалъ его. — «Графъ М — чъ, продолжалъ онъ торжественнымъ голосомъ: Казимірь Огинскій былъ посредникомъ между вами и сеспррой своей, Баронессой Иоанной В — бургъ, и опъ имени вашего предлагалъ ей вашу руку.» — Человѣкъ ли ты, Огинскій, или ты Богъ благодѣтельный! — «Слушайте! Баронесса Иоанна не имѣетъ опца: его мѣспю заступаю я, какъ другъ его, и ближайшій ея родной; она спрашивала меня: почишаю ли я возможнымъ эпощъ союзъ, по семейспвеннымъ обспоятельствамъ. — Я знаю васъ, благородный Графъ М — чъ! и не колебался назвать его возможнымъ. Симъ окончилась обязанность Огинскаго, какъ родственника Баронессы В—бургъ. Эдуардъ, шеперь я говорю тебѣ, какъ общій другъ вашъ: Иоанна любитъ себя, и опдастъ

шебѣ свою руку; успроншь ошальное предоспавила или, вѣрите мнѣ сказаць, я предоспавиль себѣ. — Эшого мало, Эдуардѣ : моя дружба къ Іоаннѣ и къ шебѣ не имѣетъ ничего общаго съ дружбой, ограниченной какими либо условіями : я хочу ускоришь общее ваше спокойствіе, хочу благословишь васъ именемъ Бога и именемъ опца ея. . . Сшупай за мной.» М чѣ препепалъ. Они вышли.

На желѣзной скамѣ, подѣ нависшими зелеными вѣшвями, осіянная луной сидѣла Іоанна, какъ кропкій ангелъ, слепѣвшій съ неба въ скорбную обитель спрадальца. Она вспала. Огинскій подвелъ къ ней еще изумленного М — ча. . . «Эдуардѣ, сказалъ онъ торжесшвенно: вопшь шебѣ моя Іоанна.» М чѣ упалъ на колѣна, и не могъ произсепси ни одного слова. Іоанна подала ему дрожащую руку свою. — «Графъ М чѣ, если моя любовь можетъ возвращишь вамъ счастье вашего сердца, шо вопшь вамъ рука моя.» — М чѣ все еще споялъ на колѣнахъ. «Іоанна, сказалъ онъ, проспише

мнѣ... я не нахожу словъ... Это счастье выше выраженій!» Пламенно прижалъ онъ руку ея къ своему сердцу; она положила другую на его голову: «Боже мой, помоги мнѣ осчастливить его!» — Посланица небесная! — воскликнулъ М — чтъ: пы возвратила мнѣ жизнь; уже тепло въ груди моей, и сердце мое упоеваепся блаженствомъ райскимъ!» Встань, Эдуардъ, сказалъ Огинскій: подите оба въ объятія мои, юные друзья! Я прижму васъ къ моему, любящему васъ сердцу: пусть на немъ соединятся ваши! — Любите другъ друга вѣчно, какъ вы любите теперь; именемъ Бога благословляю васъ.» — Юные любовники, на груди благороднаго Огинскаго, кинулись въ объятія одинъ къ другому, и священный, первый поцѣлуй любви, сочелалъ ихъ.

«Тайна, сказалъ Огинскій, есть необходимость настоящаго случая. Вы уже соединены; ваша мучительная неизвѣстность окончена: ожидайте спокойно, пока разрѣшу васъ торжественно объявить о томъ.»

Они съѣли въ шляпку и поплыли къ берегу. Дорогой объяснили М — чу все, ему дополъ непонятное, на счетъ послѣдней сцены съ С...вымъ у Баронессы В — бургъ. Огинскій сказалъ имъ, чшобъ они предославили ему заниматься развязкой дѣла, а думали бы только о своемъ счастіи.

Графъ явился на придворномъ балѣ уже одинъ; Юанну онъ проводилъ домой. Она была слишкомъ счастлива, чшобъ не измѣнишь себя, не дашь подозрѣнія. М — чъ пошелъ на почтовой дворъ, и потчасъ же поскакалъ въ Пепербургъ, въ свой пракширь Лондонъ, куда Огинскій далъ слово бышь, какъ только сочпенъ возможнымъ оставишь Царское Село. Онъ успѣлъ уже дашь опчепъ Баронессѣ В — бургъ, С...ву, и многимъ любопытствовавшимъ, что Юанна оспалась дома, что онъ проводилъ ее послѣ прогулки, ибо она чувствовала себя не совсѣмъ здоровой. Вдругъ спарый Баронъ Ш.... подходитъ къ Огинскому, беретъ за руку, и просишь идти вмѣстѣ. — Графъ,

сказалъ онъ, когда уже удалились нѣсколько онъ множеству: я знаю какъ вы любите нашего милаго Венгра М — ча; я сегодня видѣлъ его такъ большимъ, и даже больнымъ душевно; надобно призрѣть его. — «Почтенный Баронъ Ш.... не измѣнялъ чести, и сердце юное для добраго дѣла бьется въ его груди: я имѣю раздѣлишь съ нимъ пайну — желаетъ ли онъ участвовать?» — Баронъ сжалъ крѣпко его руку; гошовъ, говоритъ, Графъ. Огнискій открылъ въ короткихъ словахъ все существо дѣла у него съ М — чемъ и Юанной: гошова ли вы, продолжалъ онъ, помогаешь мнѣ ускорить ихъ счастье. «Всей душой.» — Баронъ не скажетъ этихъ словъ не онъ души. Завтра упрямъ я у васъ.

Спарой Баронъ Ш...., въ 7 часовъ утра, сидѣлъ передъ опвореннымъ въ проспраный садъ окномъ, съ трубочкой и чашкой кофе. Графъ Огнискій сидѣлъ напрошивъ. — «Прекрасно, сказалъ Посланникъ: господинъ Литовскій Главнокомандующій во всемъ познѣ!

Благодарю васъ за честь, мнѣ доставленную, бытьъ соучастникомъ этого дѣла: хотя счастье молодыхъ людей, безусловно, созданіе ваше, но я радуюсь, что составлю хотя небольшую пѣнь въ этой блестящей картинѣ.»

Въ 12 часовъ Оберъ - Церемоніймейстеръ двора доложилъ Императрицѣ, что Посланникъ Римскаго Императора желаетъ имѣть честь представиться Ея Величеству. Государыня пригласила его въ кабинетъ.

Противъ стола, обложеннаго бумагами, поршфелями и чертежами, въ упреннѣмъ бѣломъ платьѣ сидѣла Екатерина; Она привспала, когда вошелъ Баронъ, и сказавъ ему привѣтствіе, показала на близъ стоящіе креслы. Упренныя свѣжестъ, обворожительная прелестнъ выраженія и Государственныя важность блистали на лицѣ Ея. Въ простомъ нарядѣ, какъ и въ Императорской порфирѣ, Она равно представлялась Царицей — передъ этимъ торжественнымъ челомъ должна благоговѣть вселенная. — «Если господинъ Баронъ

имѣеть сказать что Государственное, по Ягопова его выслушать, если же это посѣщеніе дружеское, по Я. сердечно радуюсь.» — Слава Богу, Государыня, мнѣ нечѣмъ обременить Васъ; и, если мое присуствіе не есть похищеніе у счастья подданныхъ Великой Екатерины, то дозвольте мнѣ, Ваше Величество, дать опдыхъ благошворительной рукѣ Вашей, еще носящей слѣды пера — слѣды царственнаго труда вашего. Мое предствленіе предъ Вашимъ Величествомъ не имѣеть цѣли Государственной. У меня есть просьба, которая не въ связи съ соотношеніями двухъ Имперій.» — Я слушаю васъ, Баронъ. — «Государыня! Старикъ Ш..... проситъ невѣсты при дворѣ Вашемъ.» — О, это дѣла сердечныя, Барочъ, сказала Императрица, засмѣявшись: они очень милы, но серьезнѣе даже Государственныхъ. Опъ политической ошибки можно опыграфьяся, но опъ сердечной нѣтъ здѣсь дѣло на жизнь. Садитесь же ближе, говорите — говорите!

Съ эшимъ словомъ, Екатерина преобразилась. Это лице, внушавшее одно робкое благоговѣніе, лице, съ какимъ рѣшился судьба народовъ — есть уже просто лице прекрасной женщины, одушевленное чувствомъ. Холодное благоразуміе глазъ распаяло, они беззаботно оживились вниманіемъ, и заблистали сердцемъ. Душа великая, Она обладала даромъ соединять въ себѣ, трудно соединяемыя, два лица — Государя и человѣка!

« Я имѣлъ честь представлять Вашему Величеству прошедшею осенью молодого Венгерскаго Гусара Графа М — ча.» И Баронъ, рассказавъ Императрицѣ въ подробности, какія зналъ отъ Огинскаго, прибавилъ, что насчанемъ сегодня рѣшительный день, который долженъ быть ознаменованъ началомъ или вѣчной вражды матери, или несчастья молодыхъ людей, и умолялъ Екатерину, именемъ человѣчества, быть посредницею между матерью и дочерью, и осчастливить любовниковъ.

Императрица выслушала Ш.... съ большимъ участіемъ, и назначила ему въ 8 часовъ вечера привести къ ней М — ча.

Баронъ, опкланявшись Государынѣ, поспѣшъ извѣстилъ Огинскаго о успѣхъ своего посольства, и два курьера, Австрійскій и Липовскій, поспѣли въ Петербургъ къ Графу.

Юанна подъ видомъ болѣзни не оставляла все упрю своей комнашъ, и пошому не была свидѣтельница довольно долгой аудіенціи С....ва у старой Баронессы. Въ половинѣ прешьяго часа пріѣхалъ Огинскій, и скоро оставленъ былъ одинъ, съ своей шепкой. — Юанна не любишь С....ва, сказалъ онъ, и я удивлюсь, если вы власнію мапери посягнете на ея нравственную свободу: подобный деспотизмъ, и вашъ всегда благородный образъ мыслей въ такой противоположности, что я не узналъ бы васъ. — « Огинскій! ваши сужденія малодушны, позвольте мнѣ это замѣнить вамъ; переживъ дѣшскія лѣта,

должно обдумывать вещи здраво. Союзъ, который одобряетъ холодный разсудокъ, есть всегда наилучшій; и такъ желая, какъ я увѣрена, счастья Іоаннъ, вы должны бы стараться склонить ее, а не оправдывать ея отвращенія — это отвращеніе капризъ сердца, дурачество, оно пройдетъ и я увѣрена, что она полюбитъ С...ва.» — Если мой голосъ былъ нуженъ, Баронесса, то я его подаю: голосъ долженъ быть свободенъ, онъ внушается намъ собственнымъ убѣжденіемъ, въ немъ нѣтъ личностей.

Они говорили долго, и распались холодно. Огинскій видѣлъ Іоанну только нѣсколько минутъ, чтобы ее успокоить, сказавъ, что сегодня рѣшился ея судьба, во чтобы ни спало.— Бѣдная, она горѣла въ огнѣ! Уже лобзанія любви пымали на устахъ ея, уже сердце вкусило сладость самозабвенія на пламенной груди любовника, уже душа просила наслажденія. Она прижала Огинскаго къ препетному своему сердцу. « Другъ мой, опецъ мой, воскликнула она: — можеть быть они пре-

возмогуть; можешъ бышь ты усыналъ эпими райскими цвѣтами близкую могилу мою!» Юанна, — сказалъ Графъ, пока живъ Огницкій, не спрашисъ ничто. Въ 6 часовъ я приглашенъ во дворецъ: слѣдствія эпого должны бышь рѣшишельны и быспры. Жди меня, и на всякой случай будь гошова, если Императрица тебя спросишь. —

Въ половинѣ 7 часа доложили спарой Баронессѣ В — бургъ, что Государыня приглашаешъ ее на домашній виспъ. Въ 7 часовъ уже сидѣли за карпочнымъ споломъ. — Веселая, оживленная Императрица, важный Баронъ Ш...., въ очкахъ, съ добродушнымъ, невиннымъ лицомъ — Сенатръ Б.... веселый старичокъ, кошораго весьма любила Екатерина, и — Баронесса В — ургъ.

« Сыграйте за меня, сказала Государыня Княгиня Дашковой, сидѣвшей подлѣ, — Я должна кончить оспавленное дѣло, » и вышла изъ комнаты. Въ миломъ, прогапельномъ замѣшательствѣ спояла юная Фрейлина въ кабинетѣ

Императрицы, передъ открытымъ окномъ въ садъ, когда опворилась дверь, и вошла Она. — « Прекрасная Баронесса Юанна, сказала Государыня, простите Мнѣ минушу своего ареста въ Моемъ любимомъ уголкѣ. Сядемъ вмѣстѣ, говорите Мнѣ со всею свободою, со всей опкровенностію, на какую Я имѣю право по учаснію въ васъ: молодой, милой Венгръ, Графъ М — чъ, предлагаетъ вамъ руку, сомасны ли вы его осчаспливить? » — Государыня, мнѣ нравится Графъ М — чъ. — « Эпого мало, Баронесса, надобно любить, чпобъ заключить союзъ на всю жизнь — любите ли вы его? » — Люблю, Государыня. — « Смѣлѣй, Мой другъ, сказала Екатерина и поцѣловала ее въ голову: Я ваша посредница. Опспаньпесь здѣсь, дамъ Я вамъ поварища. Графъ Огинскій! — Графъ, поставленный у дверей, вошелъ въ кабинетъ. — Успокойте милую кухню вашу, и пригошуйте ее выдержатъ сцену.

« Если чепыре роберпа уже сыграны, сказала Императрица, вышедъ къ играющимъ, по

мы на время можемъ кончить. Разсчепть былъ пошчасъ сдѣланъ, и все общество ожидало распорядженія Высокой Хозяйки. На лицѣ Ея изображались озабоченность, и даже неперпѣливость. — Баронесса В — бургъ, сказала Императрица: Мы все друзья здѣсь, и пошому имѣя говорить съ вами о дружескомъ дѣлѣ, касающемся до васъ и до Меня, Я полагаю, что вы позволите Миѣ говорить въ присушствіи всѣхъ. «Государыня, опивѣчала встревоженная Баронесса, если Ваше Величество изволише желать этого, то я неперпѣлива слышать Ваше приказаніе. Въ это время Римскій Посланикъ вышелъ. «Одинъ молодой человекъ, продолжала Императрица, извѣспной фамиліи, съ блестящимъ образованіемъ, съ прекрасною наружностію и съ прекрасною душою, сколько могла Я собрать объ немъ свѣдѣній — любилъ Мою фрейлину, а вашу дочь, и ищепъ ея руки. Онъ поручилъ Миѣ ходатайствовать за себя у васъ, полагая, что это будетъ имѣть вѣсь, и ускорить его благополучіе. Согласны

ли вы, Баронесса, анонима, представляемого Мной, принять въ ваше семейство?» Удовольствие В — буртъ было всемъ замѣтно; она не могла себѣ вообразить, кого бы это рекомендовала Государыня, если не С...ва, бывъ прощена о томъ съ его стороны. — Государыня, опивчала она, я не нахожу словъ къ изъявленію моей благодарности Вашему Величеству за участіе и вниманіе къ моему дому. Сколько выборъ мужа для моей дочери зависить отъ меня, я охотно уступаю права мои Вашему Величеству. — «Сердечно благодарю, Баронесса, и увѣрена впередъ, что милая дочь ваша будетъ счастлива, если женихъ, отъ Меня ей представляемый, будетъ удостоенъ ея благосклонности. Принимаю вашу довѣренность ко Мнѣ, какъ лестный знакъ вашего ко Мнѣ дружества; но, Я должна предупредить васъ, что Мой женихъ не имѣетъ ни большаго богатства, ни Государственнаго чина — это впереди, а настоящее, все прекрасно.» — Баронесса смѣшалась: стало быть это не С...въ — кто же бы?...

Государыня, сказала она, собравшись съ мыслями: я должна сообщить Вашему Величеству, что Г. С... въ сдѣлалъ честь моей дочери предложеніемъ своей руки, и я уже дала, нѣкопорымъ образомъ, мое согласіе: не рѣшила только моя дочь. — « Не безпокойтесь, Баронесса, вы вѣрно предоспашили ей рѣшишь? ... Вѣдь и Я не болѣе сдѣлаю; мѣръ насильственныхъ въ Россіи не принимаюшь: Мы уже успѣли перенять это отъ просвѣщенныхъ народовъ Европы, вашихъ соопечесивенниковъ. Впрочемъ скажу вамъ, что для Меня всегда подозрительныя женихи, копорые, не умѣя найти у невѣстѣ, ищущѣ упрямо своего счастья у матерей ихъ. И пакъ Я приступлю къ дѣлу, сказала Императрица и удалилась.

М — чѣ, по полученіи въ Пешербургъ извѣстія, бросился въ коляску, и поскакалъ въ Царское Село. Въ 6 часовъ онъ былъ уже у Посланника, и получилъ отъ него приказаніе дожидаться въ его апаршаментѣ, пока пригласятъ во дворецъ. Онъ долженъ былъ послѣ

игры привесити Графа, и предспавити Государынѣ у дверей къ кабинету, гдѣ была Иоанна. Тронутый юноша преклонилъ колѣно передъ Высокой своей благодѣтельницаей, когда Она подошла къ нему. « Графъ, сказала Государыня, вы ищете руки Моей фрейлины, Баронессы В — бургъ; это дѣлаешь честь вашему вкусу. Правда, что Я имѣю право негодовать — вы похищаете лучшее украшеніе Моего Двора; но Я прощаю васъ, и за исполненіе желанія Моего въ прошломъ году, Сама покровительствую этому похищенію. Войдите сюда. » М — чъ входилъ за Государыней въ ближній залъ; Баронъ Ш... слѣдовалъ за нимъ; по данному знаку Иоанна и Огинскій также пришли; Екатерина соединила руки прекрасной чешы, и со слезами на глазахъ благословила любовниковъ. Подлѣ залы была шахкомната, въ которой прежде играли. Дверь отворилась... Со всѣмъ величественномъ, со всею торжественностію во взорахъ, Императрица подвела ихъ къ В — бургъ: « Я уже соединила

ихъ руки, Баронесса, Я благословила ихъ. Полюбите зятя, Мной вамъ даннаго.» Иоанна упала на колѣна передъ матерью, которая едва владѣла головой опъ изумленія; она обняла ее и М — ча, но въ ея ласкахъ было пѣчто не совсѣмъ искреннее.

На другой день у Императрицы былъ обѣдъ; Она предложила постъ за здоровье невѣсты и жениха, и скоро послѣ того блестящій свадебный балъ возвѣспилъ Петербургу о соединеніи Графа М — ча и Баронессы В — бургъ.

Старая Баронесса скоро уѣхала въ Германію, и умерла черезъ три года, благословивъ уже съ большею искренностію дочь свою и зятя, и оставивъ ихъ наследниками несмѣшнаго своего имѣнія.

С...въ черезъ восемь мѣсяцевъ послѣ этой свадьбы женился на богатой Княжнѣ Л...кой, и жилъ въ Москвѣ, добрымъ дворяниномъ и отличнымъ хлѣбосоломъ, до глубокой старости.

Когда старая Баронесса уѣхала, Огинскій увезъ двухъ счастливицевъ въ свой госпепринимый Слонимъ: они жили у него два года и первый сынъ ихъ былъ Казиміръ.

Скоро послѣ свадьбы ихъ, по Петербургу разнесся слухъ, что въ пошть самый день, какъ посредство Императрицы итакъ счастливо увѣнчало желаніе двухъ любовниковъ, Петербургской домъ Огинскаго съ упра былъ въ суеть сборовъ къ помѣщенію госпей, и Каполическій Паперъ цѣлый день ожидалъ въ немъ прибытія какой-то юной чепсы, копорой надобно было дать брачное благословеніе. Къ ночи того же дня, было все опімѣнено.

Черезъ шесть лѣтъ послѣ сего событія, Графъ и Графиня М — чь пріѣзжали въ Царское Село, съ сыномъ и двумя малюпками дочерьми, и посѣщали уединенный островъ на садовомъ озерѣ. — Эдуардъ, сказала Иоанна, спувивъ на священную землю, свидѣтельница ихъ перваго блаженства. — Здѣсь-то разрѣшилась для насъ загадка жизни... Здѣсь-то

ждала насъ судьба! М — чь прижалъ ее къ сердцу; малюпки, играли у ногъ ихъ. По перѣздѣ на берегъ, глаза Іоанны были заплаканы, но лице блистало радостію сладостнаго воспоминанія и наспоющаго спокойствія.

Когда политическіе перевороты, послѣдовавшіе скоро послѣ того, принудили Графа Огинскаго оставить отечество, онъ перѣхалъ въ Венгрію, и жилъ въ семействѣ друзей, имъ осчастливленныхъ, удалясь отъ свѣта и ничтожной славы его. Онъ посвятилъ, исключительно, прекрасную жизнь свою любви къ изящному; его музыка донынѣ славится между любителями, и его картины показываются за чудо искусства: на одной изъ нихъ изобразилъ онъ пустынный, Царско - Сельскій островъ, и юную Іоанну, молящуюся надъ стоящимъ на колѣнахъ М — чемъ.

Н. Коншинъ.

КЪ ВОСХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ.

О вѣчный міра стражъ, хранящій дни и годы,
Опять сіяешь ты на небъ голубомъ!
Благослови меня, державный жрецъ природы,
Ты осви ми меня огнемъ!

Скажи: когда швое окончишь служенье?
Неушомимыя когда свернешь крыль?
Когда міровъ швоихъ наснанешъ возрожденье,
И обновленіе земль?

Скудѣешь ли швой огонь съ дряхлющей вселенной,
Иль, образъ Божества, упрать не знаешь ты?
Началовождь свѣпилъ! внемли глаголь смиренной
Пшпомца скорбной суеты!

Повѣдай мнѣ, когда вселенной судъ свершится?
Далекъ ли, близокъ ли неизбѣжимый часъ,
Когда надъ вѣщими мірами разразится
Трубы громовый, страшный гласъ?

Но ты въ безмолвіи свой подвигъ совершася,
Какъ мужъ, проникнуый святыней добрыхъ дѣлъ!
Какъ онъ, ты Вѣчнаго ушавы исполняешь —
Великъ, прекрасенъ твой удѣлъ!

Теки жь своей стезей, благимъ для насъ примѣромъ
Покорности къ Творцу на поприщѣ земномъ!
И мнѣ ль, рожденному минушнимъ эфемеромъ,
Гадать о жребіи своемъ?..

Д — въ.

С. Жуковка.

16 Августа 1895.

II.

КЪ БЮСТУ ДЕРЖАВИНА.

Державицъ! Державицъ! швой ликъ предо мной,
 Богоино облипный огнемъ вдохновенья,
 Какъ призракъ чудесный свяшаго виднья,
 Сверкаши и блещеши небесной красой.

Державицъ! Державицъ! швой ликъ предо мной;
 Но гдѣ же, въ порывахъ живаго спремленья,
 Твой духъ величавый? Въ красѣ ли творенья
 Безсмертье оиъ черпаеши полной спруей?

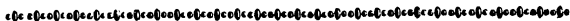
*

Изъ радугъ ли пичеши золошые покровы?
 Въ зарѣ ли купаеши, зарёю горипи?
 На громы ль возлещи, по небу парипи?

Иль сбросивъ съ презрѣнемъ мёрскія оковы,
 У шрона свяшаго Владыки — Егови,
 Хвалу Ему въ пѣсни безсмертной грешипи? . . .

М. Дсларю.

МЕРТВАЯ КРАСАВИЦА.

О Боже! мертвая! Ко мрамору ланишь
Прилипнулъ взоръ мой: Ангелъ милый,
Ахъ! два , розами осыпанная, спишь —
Не спомъ любви, но спомъ могилы!

*

Лилея смятая! я спражду . . . то приливъ
Книжцей крови грудь спѣспяешь:
То смерти хладъ въ груди, и снова сердца взрывъ
По жиламъ пламень разливаешь!

*

Я не видалъ тебя во блескъ юныхъ дней,
Средь игръ любви на солнцѣ Мая!
Но мертвая, ты жизнь зажгла въ душъ моей . . .
Ахъ! чпобъ ты сдѣлала, живая! . . .

*

Воспрепенулся духъ, разбилась урна, пы
Жилище духа подъ луною —
По мысль о вѣчности надъ шрупомъ красоты
Свѣшла, какъ небо надъ весною!

Баронъ Розенъ.

ВЪ АЛЬБОМЪ ОТЪЪЗЖАЮЩЕЙ.

Въ небѣ нашемъ исчезаешь,
 И красой своей горда,
 На другое воспекаешь
 Переходная звезда.
 Но на вѣкъ ли съ ней проспнишься!
 Нѣтъ, предписанъ ей законъ:
 Рано ль, поздно ль воропишься
 На спаринный небосклонъ.

*

Покидая, забывая,
 Ей подобно. край родной,
 Скоро, прелесть кочевая,
 Озарить ны край иной!
 Весела красой чудесной,
 Пошеки въ желанный путь —
 Только странницей небесной
 Воропись когда нибудь!

Е. Баратынскій.

А. Н. ДЪЯКОНОВУ.

Къ тебѣ, мой другъ, на берегъ Волги,
 Гдѣ закапился день недолгій
 Благословенной пищины,
 День поэпической весны —
 Къ тебѣ, къ плѣнительному краю,
 Гдѣ нашей дружбы алпари,
 Упесъ, зовомый Мельери —
 Къ тебѣ, къ поперяльному раю,
 Я спраснио руки простираю!

Къ тебѣ жишейская волна
 Еще, хошь разъ, прибьенъ ли друга?
 Тебя любинь душа жагна —
 Душа поэта — дѣва юга!...

Баронъ Розенъ.

БѢДНОЕ ДИТЯ.

Далеко все мое родство;
Что день — чужіе люди спроже
Мое сиротство и сиротство:
И некому меня, на ложѣ,
Съ мольбой любви перекрестить;
И, отходящаго къ покою,
Лаская родственной рукою,
На мирный сонъ благословить! . . .

Ө. Глинка.

ПРЕЛЕСТНОЙ МОСКВИТЯНКѢ.

Какъ памяшно мнѣ спранспивованье наше
 Въ шопѣ монастырь! Весна . . . и неба высь
 Подобилась огромной, синей чашѣ,
 Изъ коей благъ на насъ спрунъ лились
 Въ дыханіи веселаго зефира . . .
 И спройно чувствъ во мнѣ играла лира;
 Какъ мопыльки, любви моеѣ мечны
 Вокругъ шебя рѣзвились . . . двѣ пны,
 Сердечнаго власпипельница міра.
 Ты шла со мной — я близоспью пвоей
 Быль упоень, помимъ и очарованъ,
 Рвался къ тебѣ . . . порыеъ души моеѣ
 Быль шагоспнымъ прилнчьемъ окованъ!

Мнѣ памяшенъ шопѣ пышный мавзолей,
 Гдѣ пны, мой другъ, успалая сидѣла
 И, полная чувспивнелныхъ скорбей,
 На небеса привѣшныя глядѣла,

И каждый взоръ — я эшо могъ поняшь —
Моленье былъ за страждущую мать!
Въ твои глаза твой другъ глядѣлъ вечная,
И свѣтлыя лучи изъ нихъ лплись... ..
Твои глаза казались небомъ рай —
И мысли шамъ, какъ Ангелы, влились!...

Баронъ Розенъ.

•••••

ЗАСТОЛЬНАЯ ПѢСНЯ.

Es Kann schon nicht immer so bleiben!

(Посвящена Барашынскому и Кошшину.)

Ничто не безсмертно, не прочно
Подъ вѣчно-измѣнной луной,
И все раздвѣнасть и вянуть,
Рожденное бѣдной землей.

✱

И прежде насъ много веселыхъ
Любимо и пишь и любить :
Не худо гулякамъ усопшимъ
Веселья бокаль посвящашь.

✱

И послѣ насъ много веселыхъ
Полюбашь любовь и вино,
И въ честь намъ нацѣпляшъ бокалы,
Любившимъ и пившимъ давно.

✱

Теперь мы доврчиво, дружно,
И тѣсно за чашей сидимъ.
О дружба, да вѣчно пылаемъ
Огнемъ мы безсмертнымъ швомъ!

Б. Д.

Роченсальмъ, въ Финляндіи.

1822.

ЭПИГРАММА.

Что пользы намъ опть шумныхъ вашихъ преній?
Кипись война... по что же? никому
Побѣды нѣсть! Сказать ли, по чему?
Ни у кого ни мыслей нѣсть, ни мянйй!
Хошите ли, чтобы народный гласъ
Могъ увѣнчать когонибудь изъ васъ?
Чѣмъ холостой словесной переспрълкой
Морочить свѣсть и множить пуськи,
Порадуйте насъ дѣльною раздѣлкой —
Благословясь, схватившись за виски!

Е. Баратынскій.

КЪ ФИДИЛИИ

ГОРАЦЪ, КНИГА 3 ОДА 23.

(Посвящ. В. И. Ор....)

Краса селенія! когда
Воздѣвъ къ богамъ смиренно длани,
Несешь имъ первенца плода
И сладкихъ благовоиій дани;

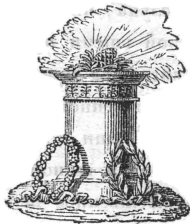
Покойна будь: пивой виноградъ
И жаны море золотое
Не вспрышняй бурь; къ пипомцамъ спадъ
Не прикоснися время злое!

Свянымъ лишь жреческимъ пожатъ
Мила кровь агницъ упущенныхъ;
Но дѣвы скромнымъ алпарямъ
Не нужно жерпвъ окровавленныхъ.

О, вѣрь! моленій чистыхъ даръ,
И мирръ, и розмаринъ душистый
Богамъ пріяшнѣ, чѣмъ царъ,
Возженный гордосшью нечисной!

В. Орловъ.

Царское Село.

М

Разцвѣтай въ степи привольной,
 На раздольѣ, какъ цвѣшокъ;
 Степь вишальницъ юдольной
 Безпредѣльности залогъ.
 Ни для слуха, ни для взгляда,
 Въ вольной степи предъ побой
 Не воздвигнется преграда
 Святошащивенной рукой.
 Тамъ живи души похребой,
 И любовью, и весной —
 Тамъ божественное небо
 Сочетается съ землей.

Н. Коншинъ.

А Д Е Л И Н А .

«Несчастливая!» плечами пожмая,
 Сказалъ опець — и тихо плакалъ онъ —
 «Любовникъ палъ на берегу Дуная...
 И умъ ея спрдашьемъ омраченъ!»

Несчастливая! она не то, что прежде!
 Въ вѣнкѣ и въ фантаспической одеждѣ,
 Гирляндами украшенной, она,
 По раменамъ раскинувъ русый волосъ,
 Невнятное поеть — и спраненъ голосъ!

Она въ саду, подъ яворомъ одна.
 Нисходипъ ночь, уже взошла луна.
 Я наблюдалъ за бѣдной Аделиной;
 Казалось мнѣ, что голосъ соловьиной
 Опозвался въ ся душѣ: она
 Чудеснаго исполнилась шомменя,
 Заплакала слезами вдохновенья

И говоришь: «ны здѣсь, мой соловей!
 Пивецъ дубравъ, о другъ души моей!
 Ты прилежь ко мнѣ съ береговъ Дуная —
 Такъ спой же мнѣ оныя про *соловья* (*),
 Какъ ны пѣвалъ въ священныхъ бесѣдахъ рая!
 Ахъ, по небѣ какъ шосковала я!
 Ты прилежь ко мнѣ во край изгнанья,
 Дѣлишь со мной неволю, сиротство,
 И прежнее небесное родство
 Возобновишь пѣвкомъ воспоминанья!
 Я помню: я въ раю съ побой жила!
 Съ побойю тамъ я счастлива была!
 Я помню дни разлуки, дни свиданья —
 Я помню все — ахъ, я жила въ раю! . . .

И ны, луна, блаженныхъ мѣснѣ жилища,
 Младой любви божественная жрица —
 Тебя, мой другъ, я также узнаю . . .
 Одымая блистательною ризой,
 Ты шесивуешь одна по пучь сизой,
 Равно, какъ я, по темному пупи!
 Я знаю: ны хонѣла бѣ низойни

(*) Извѣстная пѣсня Барона Дельвига: Соловей, мой соловей!

Къ своей сестрѣ; но въ этомъ не власна ты —
Тамъ, безъ тебя, печальнѣ Серафимъ!
Но изъ окна лазоревой палаты
Румяный ликъ склоня къ рвчамъ моимъ,
Упѣшь меня: душевнаго недуга
Сгони тоску въ сей таинственный часъ!
Благослови опять меня и друга,
Какъ ты въ раю благословляла насъ! . . .

Б. Р — нъ.

С К А З К А

О МЕДВѢДѢ КОСТОЛОМѢ И ОБЪ ИВАНѢ КУПЕЦКОМѢ СЫНѢ.

(Посвящается Б. С. М. Д..... гъ.)

Въ старыя годы, въ молодые дни, не за нашу памятью, а при нашихъ дѣдахъ да прапрадѣдахъ, жилъ былъ въ дремучихъ лѣсахъ, во Муромскихъ, страшный медвѣдь, а звали его Костоломъ. Такой онъ спрахъ задавъ люду православному, чпо ни душа человѣческая, бывало, не поѣдетъ въ лѣсъ за дровами, а молодья молодки и малыя дѣпи давнымъ давно опвыкли шуда ходишь по грибы, зль по малину. Нападетъ, бывало, сопосстапъ медвѣдь на лошадь ли, на корову ли, на прохожаго ли оплошалаго — и давай ломить шяжекою сво-

ею лапою по бокамъ, да въ голову, инда гуль идешь по лѣсу и по всѣмъ околешкамъ; черепъ свернешь, мозгъ выѣспъ, кровь выпьешь, а бѣлыя коси огложешь, испроципъ да и въ кучку сложить: опъ того и прозвали его *Косполомъ*. Добрые люди ума не могли приложить, что это было за диво. Иные говорили: это-де Божье поущеніе, другіе смекали, что по былъ колдунъ - оборощень, прешы — что лѣшій прикинулся медвѣдемъ, а четвертые, что это самъ лукавый въ медвѣжьей шкурѣ. Какъ бы то ни было, только хопъ никпо изъ живыхъ не видалъ его, а всѣ были шой вѣры, что когда Косполомъ по лѣсу идешь — по съ лѣсомъ равенъ, а въ правѣ ползешь — съ правою равенъ. Горевали бѣдные крещьяне по сосѣднимъ селамъ; шуго имъ приходилось: ни самимъ нельзя спало выѣзжать въ поле на работы, спраха ради медвѣжьяго, ни спада выгонять на пасъбу. Сильныхъ могучихъ богатырей, Ильи Муромца да Добрыни Никипича, не было уже пог-

да на бѣломъ свѣпѣ, и косточки ихъ давно уже сошлѣли; а мечи ихъ кладенцы, збруи рапшныя и копыя булапныя позаржавѣли: такъ избавить креспьянѣ опѣ бѣды и очиспипѣ Муромскій лѣсъ опѣ медвѣдя Косполома было некому.

Скоро сказка сказывается, не скоро дѣло дѣлается. Прошло невѣдомо сколько времени, а медвѣдь Косполомъ все по прежнему буянилъ въ лѣсу Муромскомъ. Вопѣ забрелъ въ одно ближнее къ лѣсу селеніе высокій и дюжій парень, спашень, бѣлъ, румянь, бѣлокуръ, лице полно и пригоже, словно красное солнышко. Всѣ дѣвицы и молодицы на него заглядѣлись, а молодые парни опѣ зависпи кусали себѣ губы. За плечами у прихожаго была большая связка съ поварами, а въ рукахъ тяжелый желѣзный аршинъ, которымъ опѣ, опѣ скуки, помахивалъ, какъ навлиннымъ перышкомъ. «Здравствуй, добрый молодець,» повелѣ съ нимъ рѣчь Вавила, сельскій спароста: «изъ далека ли идешь, куда путь держишь?» — » Не больно изъ далека, дядя: города я Ков-

рова, села Хвороспова, прихода Рождества Христова; а цушь держу къ Макарьеву на ярманку.» — «А съ какими товарами, не во гнѣвъ шебѣ будь сказано?» — «Да съ разными крестьянскими пошребями и бабьими зашѣями: ино плашки да кумачи, ино серги да перспеньки.» — «А какъ величать шебя, порговый гость?» — «Зовушь меня: Иванъ купецкій сынъ.» — «И ты не боишься одинъ ходишь по бѣлу свѣшу съ товарами?» — «Чего бояшься, дядя? на дикаго звѣря ешь у меня вошь эшошь аршинъ, а съ лихимъ человѣкомъ я и проспо своими руками справлюсь.» — «Звѣрь звѣрю не чеша, удалый молодецъ. Вошь, не далеко сказашь, и у насъ завелась экая причина въ Муромскомъ лѣсу: медвѣдь Костоломъ дерешъ у насъ и людей, и всякой крупной и мелкой скоть.» — «По-давайше мнѣ его!» вскрикнулъ Иванъ, купецкій сынъ, засуча рукава красной александрійской своей рубашки: «я съ нимъ слажу, будь хошь онъ семи пядей во лбу. Давно уже слы-

шу я слухи про этого медвѣдя, а хопѣлъ бы видѣть ошъ него виды. Меня сильно беретъ охопа съ нимъ перевѣдашься... Чшо же вы разпустили горло, зубоскалы?» примолвилъ онъ съ сердцемъ, обороняясь къ молодымъ парнямъ, копорые смѣялись до положу, пошому чшо сочли его за хвастуна. «Ну, воптъ, опвѣдайше-ка силъ со мною: не по одиначкѣ; шакого изъ васъ, вижу, не сыщешся, а ухвашшесь, сколько можете больше, за обѣ мои руки.» Воптъ и налегли ему на каждую руку по чешыре челоувѣка, и держались изо всѣхъ силъ. Иванъ купецкій сынъ вспряхнулъся — и всѣ попадали, какъ угорѣлыя мухи. «Эшо вамъ еще цвѣтики, а воптъ будущъ и ягодки,» сказала Иванъ купецкій сынъ: «кто изъ васъ хочешъ помѣряться моимъ аршиномъ? Возьмите.» Только кто ни брался за аршинъ, не могъ и приподнять его обѣими руками. «И не диво,» проговорилъ Иванъ купецкій сынъ: «въ немъ двѣнадцать пудъ счепныхъ. Теперь смотрите же.» — Онъ взялъ

аршинъ въ правую руку, размахнулъ имъ, ни да по воздуху зажужжало; и бросилъ вверхъ шакъ, что аршинъ изъ глазъ ушелъ, а послѣ съ свисомъ полепѣлъ внизъ и впился въ землю на полсажени. Иванъ купецкій сынъ подошелъ къ пому мѣспу, выхватилъ аршинъ изъ земли, какъ морковку, и погляда на насмѣшниковъ шакимъ взглядомъ, что у каждаго изъ нихъ во рпу пересохло, молвилъ: «Смѣйшесь же, удалцы! или вы шолько языкомъ горы ворочаете?... Ну, смѣйте, дайте окрикъ на самохвама.» — «Молодецъ! силачъ!» крикнули въ одинъ голосъ и старый, и малый. Спароспа Вавила повелъ Ивана купецкаго сына въ свой домъ, исполнилъ баню для дорогаго госпя, накормилъ его, напоилъ и спать уложилъ.

Вотъ, на другой день, еще черти въ кулачки не бились, Иванъ купецкій сынъ всталъ, умылся, Богу помолился, и оспавя связку съ шоварами въ домъ у спароспы, взялъ шолько свой аршинъ и пошелъ къ лѣсу. Близко ли,

далеко ли, долго ли, коропко ли ходилъ онъ — мы не спанемъ переливапъ изъ пустаго въ порожнее: скажемъ полько, что всѣ креспьяне не пошли въ топъ день на работу, а сошлись на площади передъ церковью, молились Богу за Ивана и за то, чтобъ онъ одолѣлъ медвѣдя Косполома, и забыли о ѣдѣ и пипьѣ. Щи выкипѣли въ горшкахъ у бабъ, каша перепарилась и хлѣбы въ печи пригорѣли, а никто и не думалъ иппи обѣдапъ. Ждапъ-пождапъ — Ивана иѣпъ, какъ иѣпъ! Вопъ и солнышко пошло на закапъ; всѣ креспьяне, осмѣлясь, вышли изъ деревни, спали около огородовъ и не сводя глазъ, смотрѣли къ лѣсу; жалѣли о купецкомъ сынѣ, думали, что онъ на бѣду свою разхрабрился; а красныя дѣвушки и вздыхали шайкомъ въ кумачные рукава свои, — не вѣдаю, объ Иванѣ или о медвѣжьей шкурѣ: не время было тогда вынытывапъ. Вдругъ послышался изъ лѣсу такой спрашный ревъ, что у всѣхъ онъ него головы пошли ходенемъ. Смотряпъ —

изъ лѣсу бѣжитъ большой, пребольшой чер-
ный медвѣдь, а на немъ сидитъ верхомъ
Иванъ купецкій сынъ, держитъ медвѣдя ру-
ками за уши и полкаешъ подъ бока коблук-
ми, которые подбиты были тяжелыми же-
лзными подковами; аршинъ Ивановъ виситъ
у него за поясомъ, и опть медвѣжьей рыси
болшася, да по же постукиваетъ по мед-
вѣдю. Спустия малое время, медвѣдь съ сѣдо-
комъ своимъ прибѣжалъ прямо къ деревнѣ и
упалъ за-мертво у самага шого мѣста, гдѣ
собрались креспьяне. Иванъ купецкій сынъ
успѣлъ соскочитъ во-время, схватилъ свой
аршинъ и единымъ махомъ разкроилъ черепъ
медвѣдю. « Вошъ вамъ, добрые люди, живише
да радуйшесь, » молвилъ купецкій сынъ креспь-
янамъ: « видите ли, у вашего Косполома
шперь и у самого косши переломаны. » Послѣ
шого зашелъ онъ къ староснѣ, выпилъ чару
другую зелена вина, наѣлся, чѣмъ Богъ послалъ,
сказалъ спасибо хозяину, и вскинувъ связку за
плеча, пожелалъ всему сельскому міру всего

добраго. — « Чѣмъ же мы шебѣ поплашимся за пивою послугу? ». Спрашивали крестьяне. « Добрымъ словомъ, да вашими молитвами, » отвѣчалъ Иванъ купецкій сынъ. — « А шкура-по медвѣжья? вѣдь она пиво! » взговорили ему крестьяне. — « Пусть она при васъ останешся: берегите ее у себя въ деревнѣ, да вспоминайте про Ивана купецкаго сына! » За симъ поклонъ — и былъ шаковъ.

Крестьяне пировали при дня и при ночи по уходѣ Ивана купецкаго сына, на радостяхъ о своей избавѣ опть медвѣдя Костолома. И я шамъ былъ, медъ пиво пилъ: по усамъ шекло, а въ ротъ не попало. А къ этой сказкѣ вмѣсто присловья, любезной нашей имянинницѣ желаю добраго здоровья: дай ей Богъ жить, да поживать, худа не знать, а добро наживать, да пиры пировать!

О. Соловь.

17-го Сентября
1829.

Ф Е Я.

Порою, ласковую Фсю
 Я вижу, въ обалыи сна,
 И всей наукою своєю
 Служинь готова мнѣ она
 Душой обманутой ликуя,
 Мои мечты ей лепечу я;
 Но чшо же? странно и во снѣ
 Непокупное счастье мнѣ:
 Всегда дарамъ своимъ предложинь
 Условье пѣкое она,
 Кошорымъ, злобно смышлена,
 Ихъ оправинь, иль уничтожинь.
 Знать, самымъ духомъ мы рабы
 Земной, насмѣшливой судьбы;
 Знать, міру явному дополъ
 Нашъ бѣдный умъ порабощенъ,
 Чшо переносинь, по неволѣ,
 И въ міръ мечты его законъ!

Е. Баратынскій.

1824-го года.

НЕ УНЫВАЙ.

Не унывай, младый пѣвецъ!
Зачѣмъ, какъ гореспный чернецъ,
Глдишь на юныя забавы?
Онѣ смелупшъ тебѣ вънецъ
Любви и дружества и славы!
Ты всирѣшншь счастье наконецъ;
Еще души насыпншь голодъ!
Не унывай: младый пѣвецъ
Двойною юностию молодъ! —

Баронъ Розенъ.

•••••

БУДУЩНОСТЬ.

(Мысли изъ Пророковъ.)

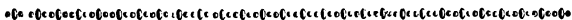

Ты оппнумишь, наземный шумъ,
 Ты пробъжишь, разливъ безумнаго волненья!...
 Книзвие смунное шревожныхъ думъ,
 Души неясное шпоменье, —
 Не будешь ихъ!— Прощли... шшуманомъ пропеслись!..
 Я вижу васъ, о дни вешлй небывалыхъ!
 Сшрасшей пожары унялись;
 Враги, какъ брапья, обнялись,
 И на сердцахъ, отъ мяшежа усшалыхъ,
 Почешъ горяя роса,
 Какъ сладкя любви блаженной слёзы, —
 И близко пады землй склонились небеса,
 И на расклонахъ скаль растушь садами розы.
 Ншншь въ моръ бурь, на суншь ншпшь войны,
 И земледельшвуютъ губиншельныя рани;
 Пешешя въяшь великой благодани,
 И очи всехъ вшперлись въ вышкны,

(Ихъ не влечетъ къ землѣ наземная тревога)
И прозрѣлъ всякъ! и другъ собрату говоришь,
Когда душа его, какъ пламеникъ, горитъ:
 «И *тамъ* и *тамъ* я видѣлъ Бога!
Онъ, крошкѣй, шелъ, опколъ приходишь къ намъ заря,
И землю мѣряли Его святые взоры;
 Онъ дланью сглаживалъ моря
И обвѣшала горишювъ горы,
Какъ крышъ земли, съ заботой обновлялъ!
 И вилъ, разнѣженный любовью,
Ласкался къ паспырю и съ агнцами игралъ;
 И дружно змѣй кольчатый прилегалъ
 У челоуѣка къ изголовью!
Но онъ, изгибенный, ужъ больше не шепталъ
 Языкомъ лепни, про измѣны;
 Никпо завидовать не могъ!» . . .
Такъ сбудеся во дни великой перемѣны,
 Копорую — усстроишь Богъ!

Федоръ Глинка.

Р Ы Н Д Ы.

(Изъ 1-й пѣсни поэмы: *Рожденіе Іоанна
Грознаго.*)

Конѣцъ обѣди православной
 Колоколовъ вѣщающъ зыкъ;
 Изъ храма вышелъ мужъ Державный —
 И Серафимы въ свѣшлый ликъ
 Вокругъ него вступили вмѣгъ.
 Нѣтъ, но не Ангелы святыя
 Спорхнули легкою толпой,
 Но, имъ подобныя красой,
 Сіяющъ Рынды молодые!
 Великолѣпной бѣлизны,
 Воздушной, вольной ширины
 На нихъ ашмасныя покровы!
 Топоръ изъ чистаго сребра
 Запнутъ за поясъ пурпуровый —
 То спражи Царскаго Двора!
 Какъ первый сѣтъ, какъ жарь-денница,

Блещящъ ихъ дѣвственныя лица —
И видъ сей юной красоны,
Сей иъжиной, дивной проснопы
Величье Царское сугубишь!
Преснола Ангелы! . . . Народъ
На нихъ засмаприваешья любинь:
Передъ Царемъ ихъ легкій ходъ
Какъ дѣвы шагъ, какъ духа лень!

Баронъ Розенъ.

ПСАЛ: 136.

Въ странѣ изгнанья — въ Вавилонѣ,
 При дальнихъ, не родныхъ рѣкахъ,
 Мы, по родномъ своемъ Сіонѣ,
 Грустнили молча и въ слезахъ.

На серебрястыхъ всплвяхъ нвы
 Повѣсилъ каждый свой органъ,
 И съ спрунъ ихъ опзвывы плаксывы
 Срывала буря чуждыхъ странъ.

«Зачѣмъ для пѣсень Иеговы,
 Вы жизнь не взбудите въ спрунъ?
 Играйте!» говорятъ намъ. — Чино вы?
 Какъ можно пѣшь въ чужой странъ? . . .

Забудь меня, моя десница!
Когда тебя забуду я,
Иерусалимъ — Царей столица,
Святая родина моя!

*

Припомни, Богъ! какъ слыть Эдома
Нашъ градъ неспово громилъ:
И мечъ и гибель въ домъ изъ дома,
Какъ лютый вихорь, разносилъ!

*

О, въ комъ духъ мести Богъ возбудилъ
На злую Вавилона дщерь;
И опъ кого перфиль сѣ буденъ
За по, что пернимъ мы шеперь? . . .

*

Блаженъ, кто споны преселенцевъ
Послышавъ, на шебя пойдешъ
И плачущихъ пвоихъ младенцевъ
Взмахнувъ, о камень разшибешъ! . . .

ЛѢТНІЙ СѢВЕРНЫЙ ВЕЧЕРЪ.

Ужь солнце клубомъ закашилось,
 За *Корбы* (*) сѣверныхъ елей,
 И что-то бѣлое дымилось
 На шусломъ помоснѣ полей.
 Съ ушесовъ, шапкою спѣною,
 Лѣса надъ озеромъ всяны
 И, серебряные луною,
 Верхи иглистые торчатъ

(*) Корбами называютъ здѣсь (въ Олонецкой губерніи) самыя дикія мѣста въ глухихъ лѣсахъ, гдѣ ели, спелая вершины свои, соснавяютъ довольно швердый сводъ надъ влажно-каменистымъ грунтомъ. Въ сихъ запущенныхъ уюпахъ сохраняются и зимою такая спелая шеломы, что чуждыми спаданн, ищущъ тамъ себя убѣжища.

Гряды печальной буролома: (*)
 Сюда, опъ Бѣломорскихъ снранъ,
 Ворвался наглый ураганъ —
 И боръ изломанъ, какъ солома...
 Окрепнность дикую песнря,
 Вдали, какъ плнна, пивы съ хлѣбомъ;
 И на шомпаковое небо
 Взошла кровавая заря.
 Пипомецъ ласковаго юга,
 Безъ чувствнвъ, безъ мыслей, вдалъ гланишь
 И полный грусти, какъ недуга,
 О ней ни съ кѣмъ не говоришь.

Федоръ Глинки.

(*) Буроломомъ (пехнич. перм. у лѣсоводовъ) называютъ валежникъ, или граду лѣса, поваленнаго бурей.

* * * * *

СПАЛЬНЯ.

Такъ здѣсь ты спишь, душа - дѣвица!
И безъ тебя, побой полна
Твоя волшебная свѣшлица!
Такъ здѣсь ты спишь, озарена
Лампадой сонной! О Эльмира,
Ты спишь — и здѣсь, въ поспели сей
Обвинный дланію швоей,
Съ побой почієшь Ангель мира!
Такъ вошь куда заходишь ты,
Младое солнце красоны,
Какъ будно въ пѣниспыя волны, —
Въ сей пухъ роскошный, нѣги полный!
Благословень сей одръ — на нёмъ
Диня, какъ роза, развивалось —
Надъ симъ таинствепнымъ одромъ
Мечпаній небо разверзалось!...
Цѣлую одръ — онъ пихимъ спомъ
Эльмиры юность возлелѣялъ!

Я нью сей сладкій воздухъ — онь
Твоимъ дыханьемъ распворѣтъ —
Въ швоихъ ушахъ сей воздухъ ввять !
Тенерь бы ны передо мной
Почила спомъ любви и мира —
Налюбовался бъ я шобой,
Разоблаченная Эльмира!
По заповѣданной мечной
Не увлекаемый ни сколько,
Я, въ знакъ невинности прямой,
Поцѣловалъ бы крестъ злашой
На персяхъ дѣвственныхъ — и шолько!

Баронъ Розенъ.

РОЗАЛІЯ.

Мы не должны забыватьъ тѣхъ минуць, кои рѣдко мелькають въ жизни земной; тѣхъ минуць, коихъ сладкое очарованіе граничитъ съ жизнью небесною! Хотя мы всё испытали, что нельзя вполне довѣрять памяти сердца, — но есть впечатлѣнія вѣчныя, глубоко врѣзанныя въ завѣщую скрижалю внутренняго бытія! — Въ праздные часы, обратимъ мысли на нее, гдѣ, какъ на могильномъ камнѣ, золотыми буквами изображена повесть сердца и юноши!

Я имѣлъ брата, милого, незабвеннаго! съ колыбельныхъ дней ни что не раздѣляло и не разлучало насъ! Въспитъ воспитываемые подъ благословеннымъ кровомъ родительскаго дома, уже съ того времени, какъ развивается са-

монопознаніе дѣтей, мы полюбили другъ друга; сердца наши необыкновенно согласовались въ склонностяхъ своихъ: родители наши съ улыбкою говаривали: »они будио спраспны другъ къ другу!»

У насъ была сеспра, немного спарше насъ. Кшо-шо, любуясь ея миловидностію, прозвалъ ея Миньоной. Эпо имя намъ полюбилось; мы забыли ея крестное имя, и называли ея: Миньона! Не долго была она соучастницею нашихъ младенческихъ игръ: она, какъ ея соимешница, рано умерла! Хошя мы много плакали, но глядя, какъ обивали ея гробъ алымъ бархашомъ, мы упѣниались дѣпскою мыслию, чпо она ляжетъ въ прекрасную постель! Я помню: она покоилась на сполѣ, въ опдалепной комнапѣ, которую всегда, не знаю для чего, запирали. Миньона была одѣта въ бѣлое плашье; голубая ленпа, унизанная жемчугами, обвивала ея блѣдное чело; темныя кудри рассыпались по чистой подушкѣ; и, безъ румянца жизни, ея лице было еще прекрасно!

руки лежали крестообразно на груди, украшенной зеленью и цвѣтами. Ввечеру говорили, что завтра ее похороняшъ. Я давно уже спалъ, какъ разбудилъ меня братъ и шепнулъ: «Пойдемъ еще проспимъся съ Миньонной; вѣдь завтра увезушъ ее! я доспалъ ключъ!» Мы пошли; ночь была лунная. Взявшись за руку, мы тихо пробирались мимо спящихъ родителей. Мы ошперли дверь: мѣсяцъ ударялъ прямо въ лице нашей сестрицы: видно, забыли наложить покрывало! Пышность ея одѣянїя, благовонїе цвѣтовъ, таинственность ночи, торжественность гроба: — и этакъ спящій ангель, озаренный луною, какъ будпо облипшій преобращенїемъ — мы въ одинъ голосъ сказали, «страшно!» но ободря другъ друга, подошли; онъ спалъ по правую, а я по лѣвую сторону гроба; мы смиренно сложили руки, и молились. Потомъ братъ мой, наклонившись къ лицу умершей: «Миньона!» сказалъ, маменька говоритъ, что ты теперь нашъ ангель-хранитель: правда ли?»

Я поцѣловалъ ее: «Прости, Миньона! мы также умремъ и свидимся съ побою!» «Мы также умремъ!» повторилъ онъ; но вмѣстѣ ли умремъ мы? нѣтъ, одинъ всегда прежде другаго умираешь! шакъ я умру и буду шво- нмъ ангеломъ-хранителемъ, ибо я не могъ бы жить на свѣтѣ безъ нея!» Эти слова испугали меня, я заплакалъ! Милый Вильгельмъ, не умирай! просилъ я, и заключилъ его въ мои дѣтскія объятія.

Это печальное предсказаніе, у гроба, заронилось глубоко въ моей памяти; впечатлѣніе, имъ на меня производимое въ опроческія лѣта, усиливалось по мѣрѣ развиванія моей способности: любовь, перешло со мною въ лѣта юношескія, какъ суетвѣрное предчувствіе, которое порою склоняло душу къ какой-то созерцательной задумчивости, и тихой грусти. И кто болѣе достоинъ былъ любви, чѣмъ этотъ братъ, съ прелестною наружностію, съ нѣжною, пламенной душою? Мы любили другъ друга въ священнѣйшемъ смы-

слѣ сего слова! Непримируемая ссора двухъ братьевъ-помѣщиковъ, служа намъ печальнымъ доказательствомъ, что братья могутъ быть непріятелемъ брата, печалила насъ: мы не понимали такого не-естественнаго заблужденія сердца! На канунъ разлученія съ родительскимъ домомъ, обходя въ всякія мѣста нашего дѣтства, въ рощи, пашни и нивы, мы сидѣли обнявшись на высокомъ камнѣ, при захожденіи солнца, и, разговаривая о неизвѣстной намъ будущности, клялися Богомъ, отцемъ и матерію, и нашей милою отчизной, что сердца нашихъ ничто на свѣтѣ не разлучитъ — и съ этими чувствами братьей привязанности мы вступили въ военную службу!

Десять лѣтъ гусарскаго жизня, походы, манѣвры, разъѣзды по гостямъ, балы, свадебные пиры, сердечныя связи, пріятное кватрирование на берегахъ Волги, дружелюбные вечера, добрые поваричи и ласковые начальники, и, въ дополненіе моего счастья, несоцѣ-

ненная, ангельская дружба этого брата — я только слегка ударю по всемъ этимъ спрунамъ, дабы можно было вообразить громкую и веселую гармонію сей разгульной, юношеской жизни. Между пучами на моемъ небѣ, это свѣтлое время слилось въ пламенное солнце, подѣ вліяніемъ коего прозябающъ розы мечтательнаго міра!

Воспоминаніе объ эпихъ беззаботныхъ дняхъ скоро сдѣлалось моимъ единственнѣмъ достояніемъ. Князь Г вѣ смотрѣлъ нашъ корпусъ. Мы выступили на манѣвры до разсвѣта и возвращались поздно. Безпрерывное ненастье, неносный холодъ во время глубокой осени — вотъ что разспроило мое здоровье! искусство врачей не могло воспановить его; я видѣлъ необходимость: оставивъ военную службу! Но долго я не рѣшался подать прошенія: я не могъ ужиться съ горестной мыслию: расстаться съ братомъ, съ товарищами, съ веселою жизнью гусарской! Полкъ для меня сдѣлался вторымъ опеческимъ домомъ: всеильно привязано сердце къ

пѣмъ отношеніямъ, въ которыхъ развилась самобытная жизнь юности! Неопспунныя мольны брапа убѣдили меня наконецъ: я получилъ увольненіе.

Возвратившись опъ прощальнаго пира моихъ товарищей, опъ послѣдняго пира гусарскаго, я чувствовалъ невыразимую тоску. Братъ ушѣшалъ меня пѣмъ, что мы, вѣроятно, свидимся скоро. Мы пробесѣдовали всю ночь. Последнія минуты пребыванія съ пѣмъ, кого пламенно любишь, дышашъ какимъ-то меланхолическимъ вдохновеніемъ, какой-то шоржественной полнопою жизни, какъ послѣднія минуты бытія. Опъ проводилъ меня до первой станціи. Мы не сныдились слезъ, кои сливались въ прощальномъ лобзаніи! Онъ прервалъ его; просилъ кланяшся родителямъ и близкимъ сердцу. «Кланяйся и могила Миньоны!» было послѣднее, что онъ произнесъ дрожащимъ голосомъ сѣлъ въ повозку... Кони понесли его въ обратный путь; но еще разъ онъ обернулся—спрашнымъ движеніемъ просперъ

объявляя ко мнѣ — и въ эту минуточку облако пыли скрыло его опять глазъ моихъ!

«Кланяйся могилѣ Миньоны!» повсхорилъ я невольно; ахъ! въ мигъ разлуки ты напомнилъ мнѣ Миньону и пивое ужасное предсказаніе у гроба ея!»

Въ бытность мою въ Москвѣ была объявлена война. Сердце у меня вспрепсцунулось, и порывалось въ любимый полкъ! Но брань извѣстивъ меня, что нашему корпусу вѣрно останься; я успокоился и продолжалъ лечиться. Мнѣ совѣщивали употреблять морскія воды. Въ Р — узналъ я, что нашъ корпусъ пронулся; я получилъ письмо опять брата изъ лагеря подъ Силистріей. Перзенмовавъ около Бухареста, опять они подвинулись — въ Пешербургъ я узналъ о его смерти! Могу ли описать, что я чувствовалъ? Языкъ чувствъ, языкъ изспущенной горести не имѣетъ письменъ! . . .

И такъ сбылось печальное предсказаніе у гроба Миньоны! такъ оправдалось это суевѣр-

ное предчувствіе, которое пягопгбло на сердце моемъ въ нѣ мгновенія, когда я долженъ былъ удивляться великодушнымъ поступкамъ брата и воображалъ, что онъ выше меня существо изъ лучшаго міра, которое только госпитишь подъ сѣнію моей любви, какъ благодѣтель въ жизни бѣднаго!

Говоряптъ, разсѣяніе нужно для скорбящихъ! но на меня это лѣкарство производило прошивное дѣйствіе — оно оправляло раны моего сердца! Мнѣ нужно было уединеніе, и я искалъ его въ опдаленныхъ часняхъ Царско-Сельскихъ садовъ! Мнѣ нужна была помощь Религіи — и я склонялъ тяжелую главу къ мраморному подножію изваянія Христа. По почамъ гулялъ я въ великолѣпныхъ садахъ... Полная луна, одной только звѣздою соопшествуемая, шла величаво по ясному небу; таинственнае разнообразіе свѣта и тѣней, меланхолическій лепешъ деревъ, шумъ водопадовъ; лебеди, мелькающіе, какъ бѣлыя привидѣнія — все что согласовалось съ описывомъ

чувствъ моихъ, и отводило душу за предѣлы вещественности! Я думалъ о своемъ преображенномъ ангелъ-хранителѣ: онъ мечтался мнѣ въ томъ спиритномъ положеніи, какъ облако пыли его на вѣки сокрыло отъ меня — изъ сѣни Вѣчности онъ проспиралъ ко мнѣ руки... и я вполне вѣрилъ, что онъ сдѣлался моимъ ангеломъ-хранителемъ! Для души моей была удивительна эта торжественная мысль, что одно существо любитъ меня на небѣ, а многіе споль несчастны, что даже на землѣ никто не любитъ ихъ!....

Но между тѣмъ для меня сдѣлалось по-прежнему излишъ, мою печаль въ нѣжное сочувствіе тѣхъ, кои желали дѣлать ее со мною: съ моими родителями хотѣлъ я оплакивать незабвеннаго брата! Я покинулъ Царское Село. Почповыя лошади быстро мчали меня къ желаннымъ мѣстамъ. Дни были жаркіе; ночи свѣплыя и прохладныя — если называть ночами на нашемъ сѣверѣ то прекрасное время, въ Іюнь, между вечерней и утрен-

ней зари! Я приближался къ милой родинѣ. Неподалеку опъ дороги, среди рощи, возвышается кровля прелестной мызы Барона К***. Я хотѣлъ было проѣхать: но вспомнивъ доброго, привѣтливаго хозяина, который полюбилъ меня съ младенчества, и коего не видалъ я съ того времени, какъ онъ, разстроганный, благословилъ брата и меня на службу Царскую, я своропилъ съ дороги. Еще другое воспоминаніе мелькнуло въ душѣ моей: въ одинъ прекрасный весенній вечеръ, на берегу Волги, по коей, на полныхъ парусахъ, длинный рядъ большихъ судовъ шпанулся вверхъ къ Казани и Нижнему Новгороду, мой братъ, недавно возвратившись изъ оппуска, мнѣ рассказывалъ много о Баронѣ К***; съ глубокимъ, истиннымъ чувствомъ воспоминалъ о дочери его, которую я оставилъ девятилѣтнею малюшкой. «Наша милая Роза разцвѣла и превратилась въ прекрасную Розалию!» говорилъ онъ; «какое-то невольное влеченіе сердца сближало меня съ нею. Слозь не достаесть для описанія

ея прелести! Вообрази чудо пластики, оживи
 это душою ангела — и это будетъ Розалія!
 Она ко мнѣ была нѣжна и ласкова; но при
 всемъ этомъ мои юные воспорги благоговѣли
 къ строгой дѣвственности ея права и, ка-
 жется, ни одно изъ моихъ словъ не опзыва-
 лось шѣмъ чувствомъ, которымъ дышало сер-
 дце. Однажды она пріятно удивила меня, чи-
 сто и свободно заговоривъ по-Русски! У насъ
 все еще чуждаются этого языка! она же
 знаетъ его попому, что отецъ, страстный
 ко всему Русскому, далъ ей Русскую воспи-
 тательницу. Я пѣлъ ей пѣсни Барона Д—га;
 она вышвердила, и мнѣ же ихъ пѣвала въ оп-
 плату за то, что я, первый, познакомилъ ее
 съ ними. Русскія пѣсни и голосъ Розаліи —
 мой братель, я богаче себя однимъ небеснымъ
 наслажденіемъ!... «Меня чудесно трогаютъ
 Русскія пѣсни!» сказала Розалія; «это глубо-
 кое чувство, эта тихая безнадежность, это
 пламенное уныніе, это миль образъ вы-
 раженія — они оглашаютъ душу однимъ пол-

нымъ, таинственнымъ звукомъ, который долго не умолкаетъ!» Въ эту минуту я хотѣлъ было воскликнуть: Ангелъ, ты чувствуешь! и прижать ее къ груди моей; но я самъ не понимаю, что остановило меня тогда, когда глаза милой Розалии блистали любовью! Не знаю: считалъ ли я безразсудностию думать о супружествѣ въ такія лѣта, когда сердцу еще нужна любовница; или я боялся спростымъ признаніемъ разрушить священный миръ этой свѣтлой души, быть можетъ, полной любовью? или мнѣ было жаль вовлечь этого ангела въ бурную жизнь военную! только я довольствовался дружескою привязанностию къ ней. При прощаніи со мною она слезъ не проливала, но мнѣ казалось, она плакала внутри! Когда Богъ приведетъ меня опять въ нашу Эстонию, и Розалия еще свободна — тогда я послѣдую внутреннею сердца!»

Какъ живо я припоминалъ этотъ почти забытый разговоръ; сердце мое забило при мысли, что въ нѣсколько минутъ я увижу

дѣвушку, которая споль много была любима братомъ моимъ. Я намѣревался вывѣдать, починила ли она его память слезами — и какъ сестру родную, я хотѣлъ полюбить ее за эти слезы!

Я подѣхалъ къ крыльцу; никто изъ людей не узналъ меня. Я нашелъ своего почтеннаго друга въ кабинетѣ. Послѣ первыхъ порывовъ взаимной нѣжности, онъ умолкъ и долго смотрѣлъ на меня съ выраженіемъ глубокой горести. Я думалъ, что онъ соспрадаешъ о потерѣ моей, но еще не рѣшаешся грустнымъ словомъ опемнить свѣплую минушу свиданія. Онъ взялъ руку мою, сжалъ ее, казался нѣсколько встревоженнымъ, и наконецъ промолвилъ опривиспо: «Люди мои не узнали тебя! пвоя ко мнѣ дружба даетъ мнѣ право шребовать опъ тебя жершвы: будь моимъ гостемъ подѣ чужимъ именемъ — я одинъ шолько буду знать тебя! Не удивляйся и не спрашивай причины этой странности: все узнаеш послѣ!» Такая неожиданная просьба

должна была поразить меня; но благоговѣя къ шайнъ его, я скрылъ, сколько могъ, свое удивленіе. Онъ, по видимому, успокоился, заговорилъ съ свойственной ему живостію, рассказывалъ и спрашивалъ о многомъ, но замѣтно избѣгалъ разговора о бранѣ моему. Больше часа уже прошло, и я не слышалъ еще ни слова о Розаліи: ся какъ будто не было въ родительскомъ домѣ! Мнѣ приходило на мысли: не умерла ли она? взоры мои ослѣпали въ синюю даль, гдѣ, на высотѣ, мелькала бѣлыми стѣнами фамильная гробница Бароновъ К. . . . Эта неизвѣстность терзала меня; я рѣшился спросить о Розаліи. «Дочь моя была опасно больна горячкою, и теперь еще не совсѣмъ оправилась! ся нервы очень раздражительны послѣ долговременной болѣзни; будь остороженъ съ нею въ разговоръ!» Его шайна, мое *incognito*, и теперь сіе предостереженіе — эпо сковало мое свободное съ нимъ обхожденіе; я чувствовалъ, что мое присушествіе затрудняетъ его, и непріятность

этого чувства въроянно опоздалась въ моему отвѣтъ: « Я, можетъ спасться, не буду имѣть удовольствія видѣть ее; я только на часъ захалъ сюда, повидаться съ вами, поблагодарить васъ. . . . пороплюсь къ своимъ печальнымъ родителямъ! » — Нѣтъ, мой другъ, ты останешься у меня до завтра; я тебѣ еще многое расскажу — я оправдаюсь предъ побою! — Онъ говорилъ послѣднія слова, опворотившись отъ меня лицомъ, и, судя по голосу, плакалъ. Онъ скрылся поропливо. Не зная что думать о немъ, я вышелъ въ залу. Мое вниманіе остановилось на портретѣ Баронессы, моей крестной мапери, умершей во время моего отсутствія. Кнесь знаменитаго живописца, изобразивъ ее невѣсткой моего опческаго друга, обезмерпила ея прекрасную юность, озаренную двойнымъ сіяніемъ счастливой любви и души превосходной. Ея свѣтлыя очи глядѣли на меня, какъ въ ту мину-ту прощанія, когда она мнѣ пророчествовала счастье. « Аделаида! ты права: я наслаждался

счастьемъ — но мое счастье похоронено!» — Я подошелъ къ окну и смопрѣлъ на садъ, коего сполѣтнїя липы, въ роскошномъ убранствѣ юности, торжеспивокали надъ временемъ, и младенцы, подъ ними игравшіе, уже пали — и раскаты воинскаго грома попряскаютъ ихъ могильныя сѣни — и я одинокій оспался, печальная развалина того погибшаго, веселаго міра! — И пы оспалась, рѣзвый младенецъ, милая Роза! что съ тобою? О, если пы истинно любила и еще любишь его — и свое сердце поскуеть и вдовствуеть по миломъ!... Приближеніе Барона прервало мое мечтаніе. «Дочь моя! — Роммиспръ М—фъ, мой спарый прїапель!» Я поклонился молча и благоговѣнно, пораженный удивленіемъ. Предо мной спояла дѣва, спройная, прелестная, въ идеальномъ вкусѣ одѣтая! Ея ангельское лице, запечатлѣнное спрадаіемъ, ясное выраженіе нѣжной души, эти голубые глаза, исполненные мечпашельности, обворожнптельная грація осанки — я почувствоваель странное смя-

шеніе, и хопѣлъ было пошупишь глаза; но Розалія внимашельно смошрѣла на меня, какъ бы желая разпознашь мое лице, и промолвила медленно, недовѣрчиво: «Ронимиспръ М - Фъ!» — «И я не узналъ бы васъ, Розалія!» говорилъ я, цѣлуя руку ея, — «и шеперь еще съ шрудомъ могу воображать, что вы — эта Роза, кошорая мнѣ показывала свои куклы, и съ кошорой я бѣгалъ по аллеямъ сада! Но вы этого припомнить не можете — вы еще были малюшка!» — И такъ я шеперь имѣю случай благодарить васъ за снисходительное вниманіе къ ребенку; мнѣ весьма пріятно привѣщивовать васъ именемъ *старого знакомаго!* Вашего имени я почто не упомяну, но вы сами — будто не чужды мнѣ! — «Кушанье подано!» доложили Барону; я повелъ ее къ шшолу. Насъ было только шрое: подруги Розаліи на-кануиъ уѣхали. Хозяинъ завладѣлъ разговоромъ. Съ удивительной легкостію онъ шреходилъ отъ предмета къ предмету: приключенія его молодости, анекдоты времени

Екатерины, все было рассказано съ неиспощимымъ краснорѣчіемъ; во всемъ онъ старался выказывать ясную сторону жизни, и только слегка касаясь ея горестнаго разногласія, онъ его оправдывалъ послѣдствіями, доведшими до счастливой цѣли. Его веселость конечно была прищворная; но я не могъ разгадать, желаетъ ли онъ только развеселить свою дочь, или отвлекаетъ ея вниманіе отъ меня. Будучи нѣсколько разсѣяна при рассказахъ отца, она, примѣтно оживляясь при оповѣстяхъ или возраженіяхъ моихъ, съ какимъ-то печальнымъ удовольствіемъ и съ милой, задумчивой улыбкой вслушивалась въ каждую, весьма обыкновенную рѣчь мою. Отецъ поспешенно умолкалъ, и я, очарованный вниманіемъ этой идеальной дѣвы, привлекаемый къ ней шую полною, безпредѣльною мыслию, что она была любима моимъ Вильгельмомъ, и, можетъ быть, сердцемъ постигаетъ близкое родство между любовникомъ и мною, — перешелъ за черту обыкновеннаго разговора, и оживлялъ мои сло-

ва тихимъ пламенемъ чувства и унынія, который долженствовалъ быть понященъ Розалии, если сердца наши поскуютъ по одномъ предметъ. Ея блѣдное, милое лице еще украшалось панциственнымъ румянцемъ; грудь воздымалась высоко, по ровно, какъ будто волнуема *однимъ* сильнымъ, но не мучительнымъ чувствомъ. — Мы встали изъ-за стола. Зная давнюю привычку моего хозяина: спать послѣ обѣда, и видя, что сонъ его клонитъ, я уприсялъ его не измѣнить этому добродушному обыкновению. Опъ видно не опасался никакой неоспорности опъ меня, ибо съ покойнымъ видомъ удаляясь, препоручилъ меня дочери. «Надѣюсь,» сказалъ я оставшейся со мною Розалии, «что присутствіе вашего *старого знаколица* не возлагаетъ на васъ обязанности: принуждать себя, если бъ вы желали ийти въ свою комнату! а я между тѣмъ пойду навѣстить вашъ садъ, куда влекутъ меня воспоминанія моей юности!» — Если эти воспоминанія такого рода, что постороннее лице

не въ пягоснѣ имѣ, но позволѣше мнѣ, какъ хозяйкѣ сада, совершенно опданнаго въ мое распоряженіе, повести васъ по моей тихой области, которая теперь въ полномъ цвѣтѣ! — Ей подали розовую шляпу, убранную цвѣтами; она откинула за плеча бѣлый воаль — и мы пошли. Я восхищался милой опряшностью, гесперическою роскошью, нѣжнымъ изящствомъ сада! «Это райское изображеніе добродѣтельной души!» говорилъ я. Показавъ мнѣ много рѣдкихъ распеній, она повела меня въ бесѣдку, цвѣшущую алыми и бѣлыми розами. «Вопѣ мое любимое мѣсто,» сказала она, снимая шляпу; «эта благовонная прохлада есть воздухъ неба; здѣсь сердце забываетъ на минупу земныя бѣдствія! Здѣсь люблю вообразать, что не принадлежу землѣ — я здѣсь будто въ преддверіи другаго міра, куда спремится душа, жаждущая свиданія съ... тамъ обитаетъ моя незабвенная мать!» Съ безмолвнымъ, священнымъ соспрананіемъ глядѣлъ я на нѣжную, мечтательную дѣву. «Скажише

мнѣ, что вы чувствуете, находясь среди пышнаго міра цвѣповъ?» продолжала она; «мужчина можетъ ли такъ нѣжно любить цвѣпы, какъ женщина?» — «Мнѣ кажется, вы идеальная царица цвѣповъ, и благосклонно улыбаетесь своимъ милымъ подданнымъ!» отвѣчалъ я задумчиво; «я воображаю, что первый цвѣпокъ родился опъ праха несчастнаго сердца, которое непріязненные люди лишили всего! Но долженствуя насладиться жизнью земною, по священному праву своей природы, изъ нѣдръ земли оно вознеслось въ пихое, безмятежное царство распеній! я воображаю, что нахожусь въ великолѣпномъ мірѣ добрыхъ духовъ, и, стараясь разгадывать ихъ таинственный языкъ, переснаю мыслить; я только чувствую, мое существо одухотворяется — и вся душа моя — благовоніе!... Но если вы спросите меня, какой цвѣпокъ я болѣе другихъ люблю, то пройду мимо всѣхъ — и остановлюсь у блѣдной, бѣлой Розы! Воображаю, что она блѣдна опъ того, что лишилась дру-

га! Избѣжавъ людей, она поселилась между цвѣ-
повъ! Нѣжная эмблема покорности Провидѣ-
нію, она не предается опчаянію; она тихо
плачетъ, и питается своими слезами! И я
спрадаю, и я лишился друга, который былъ
небеснымъ украшеніемъ моей жизни! Мнѣ слад-
ко воображать, что *онъ* былъ другомъ и блѣд-
ной Розы — и потому я люблю ее!» Я умоляю
и неперпѣливо ждалъ, чпò скажетъ Розалія.
Я не дерзнулъ возвести глазъ на нее, почившая
святошапсимвомъ похитила тайну ея сердца,
которая вѣрно теперь высказывалась неволь-
но на лицѣ ея. Я хотѣлъ, чпобъ она гово-
рила сама — но она безмолвствовала. Я про-
должалъ въ прежнемъ тонѣ мечтательности,
дѣйствительно остановивъ взоры на бѣлой розѣ:
«О, если бъ эта Роза, возвышаясь надъ прили-
чїемъ того свѣта, въ которомъ уже она не
живетъ, могла прервать свое горестное мол-
чаніе, и чистосердечнымъ признаніемъ под-
твердивъ догадки моего сочувствія, требовала
бы утѣшенія отъ того, кто вмѣстѣ съ нею

живаль въ святилищѣ одного сердца, нынѣ разрушенномъ грозою смерти, — я сказалъ бы ей: непролитыя слезы мучають живою душою, этъ слезы, кои хопяють лишься только на грудь существа, равнаго тебѣ любвию, поскою и великою потерей — пролей ихъ на мою грудь!... «Ради Бога! скажи мнѣ: кто ты?» воскликнула Розалія, въ испугѣ безпокойства сжимая мою руку въ своихъ трепещущихъ рукахъ; «какъ ты могъ перенять у него эптоу голосъ, это чувство, которые онъ завѣщалъ развѣ одному брату?...» — Мнѣ люди воспретили сказать тебѣ имя мое, Розалія! узнавай меня: я таинственный человекъ! я пришелъ возвѣстить тебѣ, что ты любовница ангела, который, во дни странствованія по землѣ, прожилъ съ тобою сладкое мгновеніе, и роднымъ языкомъ своимъ, безмолвнымъ языкомъ чувства, говорилъ тебѣ о своей безсмертной любви! Будучи опознанъ въ свою дальнюю отчизну, онъ мнѣ завѣщалъ свой голосъ, свое чувство — и завѣщалъ твою

имъ слезамъ лишся на грудь мою!» — Она вздрогнула, назвала меня по имени — и бросилась въ мои объятія! ея голова лежала на груди моей.... Ея прекрасныя слезы капились быспро по ланитамъ... ея всхлипываніе шерзало душу мою.... ея стоны опзывались въ моихъ нервахъ — мои слезы падали на нее! Пропекла минуша безмолвная — по все краснорѣчіе міра не досягнешь ея шоржесшвенной высошы! Подобной минушы одной довольно для чловѣческаго сердца: оно двухъ не снесетъ!....

«Успокойся, мой ангелъ!» умолялъ я Розалію, шы пролила опягошнпельныя слезы — шы должна бышь спуюкойна. Его любовь къ тебѣ служила мнѣ залогомъ швоей прекрасной, великой души — поэтому я и опкрылъ тебѣ имя мое!»

Тихо приподнявъ жаркое лице, влажнымъ сіяніемъ облишное, она воскликнула голосомъ, въ коемъ слышалась душа, проникнушая безконечною болію: «Брань моего

пезабвеннаго Вильгельма!» — Избытокъ чувства на минуточку прервалъ ся голосъ. — « Благодарю тебя: твое пламенное сочувствіе оживило мое помершвѣлое сердце! Въ безутѣшной горести я возсылала къ Господу молитвы и просила у Него души, могущей понять мою великую утрату, и съ печальнымъ воспоргомъ побесѣдовать со мною объ ангельскомъ другѣ: тебя я ждала, вспоминая каждое слово, что онъ о тебѣ говорилъ. Я знаю, что ты не осудишь меня за эту всемогущую любовь, что тебѣ одному дана волшебная власть: его священнымъ именемъ заклинаю мои жестокія спраданія! Смотри: я утѣшена, я спокойна!» — Ты спокойна! зачѣмъ же ты еще плачешь, Розалія? —

« Мой нѣжный, добрый отецъ! уже ли онъ думалъ, что звукъ твоего имени опасенъ для его злополучной дочери? Онъ далъ тебѣ чужое имя — но мое чувство узнавало тебя: твоей голосъ, жаръ твоихъ рѣчей, разительное сходство движеній — все превозмгло меня сладкимъ воспоминаніемъ о немъ! — Ты

его брата, тебя онъ пламенно любилъ — умоляю тебя: будь и моимъ братомъ! я дышать не могу безъ дружбы твоей — она духовная стихія, въ которой буду житьъ безконечною любовью къ нему — я на тебя гляжу, какъ на неоцѣненный даръ любви его — будь моимъ братомъ! . . . »

Нежность ея голоса, безсмертная прелесть ея скорби, эша спрастная, чистая душа — Розалія, жемчужина въ морѣ бѣдствій, и достойная украшанъ вѣнецъ Всевышняго — въ эту минуту я ожидалъ, что Провидѣніе пропущеное, какъ я, спрадальческою покорностію ангела, мнѣ позволишь моею смертію выкупить возрожденіе моего брата на землѣ — для счастья Розаліи! — Неумозимое Провидѣніе! . . .

« Милая, прекрасная сестра! » ошвѣчалъ я; мой голосъ замеръ, но слезы мои и долгое, пламенное лобзаніе досказали ей неконченную рѣчь. —

Мы сѣли въ розовой бесѣдкѣ. Несчастливая дѣва казалась покойнѣе; она уже не плакала, внимая разсказу о любви моего брата къ ней —

она только улыбалась печально. « Необыкновеннымъ образомъ узнали, что я люблю его, » сказала она; « вѣсть о его смерти поразила меня, я занемогла — и доподль свято и строго хранимая тайна, въ часы бреда излилась въ безумныхъ словахъ: я будто сказывала со слезами испущенія, какъ трудно, какъ ужасно трудно мнѣ было, столько времени скрывать свою любовь, которая жаждала признанія равночувствующей со мною душѣ! Богъ знаетъ, что я говорила: я ничего не помню! Мнѣ жаль моего добраго отца, коего я въ то время лишала дней веселыхъ и покойныхъ ночей! Мнѣ жаль, если моя прекрасная тайна, бышь можетъ, безчувственнымъ людямъ предана на поруганіе! Но я счастливые ихъ: мое земное горе преобразилось въ тихую покорность Промыслу, въ небесное мечтаніе! Религія, любовь къ ангелу, швоя, я знаю, до гроба неизмѣнная дружба » — при этихъ словахъ она прижимала мою руку къ груди своей, и я чувствовалъ полное бѣненіе дѣвственнаго сердца — « повѣрь

мнѣ: я спокойна!» — Розалія! благодарю тебѣ за прекраснѣйшую минуточку моей жизни: въ опустошенномъ сердцѣ моемъ ты сотворила рай! —

Мы возвратились въ залу. Она открыла рояль. Сидя подлѣ нея, я вслушивался въ ея божественное пѣніе, душа моя, потрясенная торжественностію предыдущей сцены, сладостно опдыхала, качаемая волнами гармоніи. «Русскія пѣсни и голосъ Розаліи!» воскликнулъ я.

Наконецъ явился Баронъ, съ извиненіемъ въ помѣ, что долго проспалъ! «Не долго!» опвѣчалъ я; «минутокъ съ десять!» — Что ты? — «Я дѣлилъ время съ милой собесѣдницей: не болѣе десяти минутокъ досталось на мою часть!» Розалія, взявъ меня за руку и представляя опцу, съ печальнымъ, но возвышеннымъ спокойствіемъ, тихо и ясно произнесла мое имя. Онъ изумился. «Я узнала его; я все ему рассказала: онъ поклялся бытъ моимъ братомъ и другомъ!» — Моя Розочка, какъ я радъ, что

пы покойна! — Онъ тѣжно прижалъ се къ сердцу. . . слеза дрожала во взорѣ, возведенномъ на портретъ супруги — онъ обратился ко мнѣ: «Я имѣлъ пашерыхъ дѣшей — и бошь все, что мнѣ ошалось ошъ моей Аделаиды! Дочь моя уредила меня: и я все бы разсказалъ тебѣ! шенерь ты знаешь причину моей спральной просьбы. . . Дай руку — да разскажи, по чему она узнала тебѣ, и какимъ чудомъ тебѣ удалось пересоздать мою милую Розочку, послѣ болѣзни раздражительную, какъ недошрога! . . .»

Я ошался до другаго дня. Давно я не вкушалъ такого крѣпкаго, сладкаго сна. Я проснулся рано, открываю окно; солнце шолько чшо всходитъ! Какъ небо чешо, какъ весела природа! Дыханіе ушра обѣвваетъ меня восхишительной свѣжесшію! Какъ шихо и свѣшло въ душъ моей! Оба прекрасны, небо и земля: оба имѣюшъ своихъ ангеловъ. . . оба шоржесивуюшъ со мною праздникъ дружбы! . . . Розалія! мое сердце исполнено сладкой, теплой

жизни! Я еще увижу тебя предъ отъездомъ; еще разъ поклянусь тебѣ въ безмерпной дружбѣ, милая, прекрасная Розалія!

Думалъ ли я, когда разспался съ малюпкой-Розой, что встрѣчусь съ нею на темномъ пути спраданій, что сроднюся съ нею чувствомъ, новымъ для меня! Это не любовь къ сестрѣ, не любовь къ любовницѣ — она выше обѣихъ! Это восторгъ-любовь къ изящному произведенію Небеснаго Художника!...

Мой незабвенный братъ! я мечпюю искалъ тебя на небѣ — и я нашелъ тебя въ числомъ, прекрасномъ небѣ — въ сердцѣ пвсей Розалии! ты почіешь въ дальней, сирой могилѣ — но ты почіешь на розахъ любви!

Скоро увижу нашу родину, мой Вильгельмъ, гдѣ всякое мѣсто ознаменовано воспоминаіемъ о тебѣ! Исполню пвое завѣщаніе: хочу утѣшашь нашихъ скорбящихъ родителей — ибо я самъ утѣшенъ! все исполню, чего ты желалъ — и буду кланяться могилѣ Миньоны!...

А Д Ъ и Р А Й

МАГОМЕТОВЪ.

(Посвящено И. П. П.)

I.

Клянуся ночи шемпоной,
Клянуся солнцева восхода
Невыразимой красоной:
Воскресемъ мы и вся природа! —
Еще ль безъ снраха, безъ стыда,
Еще ли, смершнй дерзновенный,
Ты въ день не вѣруешь суда?
Суда день близокъ несомнѣнный!
Воззри, какъ землю зной палишь
Въ разсѣлинь безплодной, горной;
Но дождь пролился благотворной
И землю вновь животворишь.
Не зришь ли, полонъ изумленья,
Тамъ плодъ для вкуса, цвѣпъ для зренья?...

Главой подпершій сводъ небесъ,
 Подъялся величавый лѣсъ:
 Мы такъ подыдемся изъ плѣнья.
 Еще ль въ душѣ пвоей сомнѣнья?
 Отбрось кичливья мечны:
 Или не прахъ ничтожный пы?
 Иль пы для Бога подвигъ трудный?
 Почто жъ нѣтъ вѣры въ день суда?
 Погибни, грѣшникъ безразсудный!
 Увѣруешь, но лишь тогда,
 Какъ въ сонѣ погрязнешь безпробудный
 И свѣтъ умреть въ пвоихъ очахъ;
 И не удержишь на устахъ
 Души, копорая развила
 Оплепа жаждущія крила. —
 Не Онъ ли положилъ предѣль
 Между землею и водами;
 Облекъ ихъ пышно небесами,
 И росу съ пверди къ намъ низвелъ?
 Не Онъ ли мощною десницею
 На небѣ пемномъ засвѣпилъ
 Полки безчисленныхъ свѣпиль
 И почи мракъ смѣнилъ денницей?
 Не Имъ ли быспряя рѣка

Озеленяешь лугъ и поле?
 Не по Его ль всецѣльной воле
 Сгущаешь вѣтеръ облака?
 Онь надъ горящими степями
 Прольешь обильный дождь ручьями,
 Сирапу изсохшую живишь;
 И насъ подобно воскресишь. —
 О смертный! грѣхъ, побой свершенный,
 Будь онь великоспью своей
 Огромнѣ мировъ вселенной,
 Будь онь быльника для очей:
 Всевѣдцу явешь сокровенный,
 Богъ видишь дно души пвоей! —
 Когда бы восхопѣль Онь, своды
 На землю пали бы небесъ
 И самый прахъ бы пвой исчезъ
 И въ сушу бь обратились воды!
 Онь рекъ — иныя племена
 Уже лице земли покрыли.
 Такъ моря бурнаго волна,
 Подъемя облакъ влажной пыли,
 Ревешь, спремившя и кипишь
 И вдаль, и вдаль волну шѣснишь!
 Но если вѣчной почи събно

Покрынь васъ восхошѣль бы Богъ,
 Свѣтъ кшо бы вамъ ондашъ возмогъ?
 И по чьему бы мановенью, —
 Пошли Онъ вамъ безсмѣнный день, —
 Просперлась мирной ночи сѣнь,
 Да предадишесь бѣдѣ забвенью?
 Повѣдай, дерзновенный, мнѣ,
 Кшо неизмѣнное печенье
 Блеснящей предписалъ лунѣ?
 И солнце движенъ въ вышнѣхъ
 Чье всемогущее вѣлѣнье?
 Извѣдай силы: соврани
 Луну иль солнце съ ихъ пуши!
 Небесъ лазурныхъ исполны,
 Онъ сонворенія земли,
 Осіявая мѣръ, шекли —
 И лучъ погибъ ли хощь единый?
 Но слово лишь Его одно,
 Его едино мановенье,
 И все разсыпался въ испѣленье!
 Такъ поздней осени зерно
 Валится на земь; спясей врапы
 Такъ ниспадающъ съ облаковъ.
 Вошщѣ пошщене слѣдовъ,

Гдѣ прежде были Океаны,
 Утесовъ цѣпи, сѣнь лѣсовъ,
 Дуга, поля, холмы, долины
 И пѣны блестящія свѣтилъ
 И неба синія равнины:
 Все обратилось въ прахъ единый,
 Все въ смрадный, зыблющійся илъ!

II.

Клянуся молніей полной тучей,
 Луной, плывущей въ небесахъ,
 И вихремъ, къ небу вынощимъ прахъ,
 И громомъ и звездой падучей:
 Наспаненъ непреложный судъ!
 Есть время; чиснѣя моленья
 Еще до Вышняго дойдутъ
 И Онъ опуститъ пресшупленья!
 Но горе злымъ племенамъ,
 Змѣи нечестія сынамъ:
 Мечъ близокъ роковой godziny,
 Вѣка промчался рѣкъ быспрѣй:
 И семь небесъ, какъ съ горъ ручей,
 Падутъ, сольются въ сводъ единый;

И уніюся не виномъ ,
 Смяпьемъ уніюся роды ,
 Когда Власпишеля природы
 Раздася гласъ , какъ неба громъ ;
 Міръ сопрясешя , — измозженный
 Разспушишя небесный сводъ ,
 И , какъ въ горнилъ разкаленный
 Клокочущій мепалъ , какъ водъ
 Пошокъ спремишельный и ярый , —
 Прольепъ и пламень и пожары .
 Осядутъ рыхлою волной
 Гранишъ и горъ хребты высоки ,
 Ревущей ринушя рѣкой ,
 Разспаюшъ въ океанъ глубокій .
 Дымъ пламенный и душный смрадъ
 Вселенной изойдетъ изъ зѣва ;
 Объяпшя друга кинешъ дѣва
 И брата не познаешъ братъ ;
 И маперъ побѣжитъ смященна
 И въ сиротспшъ покинешъ чадъ .
 Тогда содрогнешя вселенна
 И свѣспозарный свой черпогъ
 Изъ праха вмигъ созиждешъ Богъ .
 Тогда промчитшя по лазури ,
 Быспрѣй громовъ , быспрѣе бури .

Духовъ и Ангеловъ соборъ:

Въ то время смертныхъ робкій взоръ ,

Взоръ, сокровенный мглой дошолъ ,

Владыку узрѣтъ на престолахъ.

Онъ, судія и Царь Царей,

Царь суши, неба и морей ,

Блаженныхъ сонмомъ окруженный ,

Свершася судъ дѣламъ мірскимъ ,

И души смертныхъ передъ Нимъ ,

Какъ лѣсъ онъ древа опинорженный

Раздася первый трубный гласъ :

Живое все подъ небесами

Надешъ безжизненно , какъ класть ,

Жнецовъ подстѣченный серпами.

Раздася снова гласъ трубы :

Онъ сна могильнаго воспрянутъ

И предъ судилице предстанутъ

Усопшихъ блѣдныя тѣлы . —

Се восемь Ангеловъ десницы

Проснерли къ книгѣ роковой :

Уже непренены душой ,

Вращаюшъ вѣщія сираицы

« О! раздери , Всесильный , Ты

Сѣи зловищіе лѣсны ! . . .

О! если бы на вѣкъ могила
 Насъ вновь ожившихъ поглотила,
 Да скроемъ спыдъ средь *темноты!*
 «Почто оставили мы гробы?
 Почто не вѣрили, рекутъ
 Сыны нечестія и злобы,
 «Что сей насшупинитъ грозный судъ?
 Намъ, было, вѣянь словамъ Пророка!
 Не ала злапа одного,
 Мы уснражнялись бы порока
 Бѣжали бѣ далье его,
 Чѣмъ онѣ закана до востока!» —
 Грѣха вы грѣшныи сыны!
 Днесь не искупини вины
 Ни блескомъ камней, пикаью цѣиной,
 Ни златомъ, собранымъ съ вселенной,
 Ни ваней дочерью, ни женой:
 Почто вы испини свяшой
 Въ своемъ нечестыи не винмали?
 Почто спосуной клеветной
 Женъ непорочныхъ поражали?
 Иль мнили: слезы нищеты
 Творца на кару не подвигнутъ
 И вопли сирыхъ не достигнутъ

Его престола высоки?

И нѣтъ и роскоши въ жилищѣ,

Окружены толпой ошрадѣ,

Вы не внимали, какъ у врачѣ

Снопаль, помился гладомъ нищій;

Снопаль; но непривычный слухъ

Склонили ль вы къ его моленью?

И не по вашему ль велѣнью

Толпой жестокихъ прогнанъ слугъ,

И безъ приноша и безъ хлѣба,

Онъ издыхалъ подъ кровомъ неба?

Владыки гордые земли!

Иль удѣлишь опѣ вашихъ брашенъ

Ему крохи вы не могли?

Иль гнѣвъ Творца вамъ не былъ спрашенъ?

Почто безродной сироты

Вы не прикрыли наготы?

Почто богащевѣ однихъ алкая

И голосъ сердца заглушая,

Смѣялись воплямъ нищезны,

Да бродишь по міру нагая?

Вы мнили скрышь свои вины?

Усна пуснь смолкнушь — молвяшь руки,

Въ своей вишѣ уличены!

Примните жь кару: — ада муки
 Кровавыя вамъ суждены! » —
 И вонъ — съ поникшими главами,
 Идуиъ преснуишики шолнами
 Къ ошверенымъ адовымъ врачамъ
 Прииши возмездье по грѣхамъ,
 И спираха блѣдносною покрыви
 Печесья виалыя ланины;
 Дошолъ свѣшлый, гордый зракъ
 Уже объемлеть ночи мракъ.
 Уже пылающія цѣпи
 Оиъ погъ виоиса и до рукъ;
 Дымъ смрадный, воспалясь, вокругъ
 Разлился: шакъ сухія сшени,
 Объемлеть огненной рѣкой,
 Въ палящій, неспернимый зной,
 Проходимъ пламень позабышый,
 Возставшей бурейо развишый.
 Къ плодамъ, виещимъ надъ главой,
 Просирупъ ли прененныя длани,
 Да прохладяиъ огонь горшани, —
 Въ ушробахъ воскниши смолой,
 Умножашъ мѣру ихъ спраданій!
 Среди мученій сихъ и бѣдъ,

Воспоминанье злаго дѣла
 Всегда идешь за ними въ слѣдъ,
 Какъ пѣнь во слѣдъ спремншея шѣла.
 Но вопль — безмѣрныхъ рядъ кошловъ
 Книпшъ; клокоченъ, вѣшенъ пѣна...
 И скрежетъ слышншея зубовъ
 И быюшея слышншею колѣна;
 Но бурнестономъ заглушёнъ
 Невѣрныхъ дикій вопль и сночь!...
 Мольбы напрасны о пощады!
 Уже Всевышній судъ изрекъ
 «Вы водворитесь вѣчно въ адъ:
 Тамъ вамъ спрадаць изъ вѣка въ вѣкъ!»

III.

Клянуса воемъ непогодъ,
 Клянуса неба яснѣмъ сводомъ
 Землей и моремъ, полнымъ водъ,
 Благимъ и вѣрнымъ мнѣ народомъ!
 Блаженъ, кто исполнялъ завѣшь
 И вѣрой чинилъ его свашною,
 Кто въ мѣръ нудимъ нищенною,
 Грѣха бѣжалъ, какъ почи свѣшь;

Кто съ пеплыми къ Творцу мольбами
 Вспрѣчалъ и день и дня закапъ:
 Правдивый Богъ, какъ милыхъ чадъ,
 Васъ въ равъ ороситъ волнами
 Пензчерпаемыхъ опрадь.
 Блаженны, коимъ гласъ печали
 И гласъ, спраданья не былъ чуждъ,
 Кошорые подъ игомъ нуждъ.
 Нужды другихъ не опвергали;
 Вы, конхъ каждая кроха
 Кропилась потомъ и слезами;
 Вы, непричастные грѣха,
 Прославыше Господа хвалами:
 Онь, Благослнный, опверзешъ вамъ
 Свой свѣнозарный неба храмъ!
 Украсятъ ваши перси, длани
 Алмазы, лхонпъ, изумрудъ.
 Васъ въ жемчугъ, въ пурпурныя шкани
 Въ виссонъ и въ златю облекущъ;
 И опроки, снзъ бѣлизною,
 Введунъ васъ въ райскій вериноградъ;
 Васъ окружащъ душисшой ньюмою,
 Мирпъ пышный, радосный грананъ,
 Вамъ безъ шиповъ колючихъ розы

Прольюшь свой дивный аромашъ,
 И воды, чистыя какъ слёзы,
 У вашихъ ногъ просирушь свои
 Прозрачно-хладныя спруи.
 Какъ сполтъ жемчужный, серебристый,
 Взнесется къ небу водомешъ,
 И заспируится покомъ медъ
 Прозрачный, свѣпмый и душистый.
 Здѣсь вьется съ шопономъ рѣка
 Густаго, чистаго млека;
 Тамъ перерѣзана долина
 Блещащимъ и цвѣпнымъ ручѣмъ:
 Онъ кашипъ сладостныя вина,
 Вдымая пѣну жемчугомъ.
 Межъ нѣмъ на берегахъ пушистыхъ,
 Въ шѣни мускаповъ, миршъ душистыхъ,
 На алыхъ бархатныхъ коврахъ,
 Какъ розы упра подъ росою,
 Блещащихъ дивною красою,
 Съ привѣшомъ сладкимъ на устахъ
 Вы гурій узрите прекрасныхъ:
 Какъ сладки звуки ихъ рѣчей!
 Какое пламя изъ очей
 Пльнишельныхъ и сладострасныхъ!...
 И дѣвъ небесныхъ пылкій взглядъ

Не обольстятъ ниаго взгляду,
 И вѣрность, вѣрности награду,
 Мужьямъ навѣки сохраняя. —
 Прелесный цвѣтъ полуразвиный,
 Вонь опроковъ молодыхъ соборъ:
 Какъ небеса, ихъ свѣпелъ взоръ,
 Какъ жаръ, горятъ у нихъ ланшы;
 Блѣе снѣга тѣло ихъ;
 Они въ одеждахъ шелковыхъ,
 Блесня алмазомъ, изумрудомъ,
 Съ лапымъ папысннмъ сосудомъ,
 Пдупъ вдоль бархатныхъ береговъ;
 Здѣсь посреди двойныхъ ковровъ,
 Межъ благовошными цвѣнами
 Обносятъ черноокихъ дѣвъ,
 Сѣдацихъ въ шгъ, подъ фанами,
 Въ шѣни привѣшной райскихъ дровъ.
 Испьене алыми ушами
 Чудесной сладости вино, —
 И не спрашитесь уносня:
 Не омрачатъ главы оно,
 Лишь жаръ умножитъ наслажденья;
 И солнечный лучъ золотой,
 Упранивъ несперпимый зной,

Паденъ живительный, со свода,
 Какъ ушромъ майскимъ въ часъ восхода;
 Луна въ урочные часы
 На небесахъ засеребрился,
 Оспрадной свѣжесью росы
 Природа снова оживишя.
 Благоуханіемъ дыша,
 Зефиры разольютъ прохладу:
 Пензрѣченную оспраду
 Оцущиши праведныхъ душа;
 И нѣсню сладкой дѣвъ незримыхъ
 Илѣниши, обворожиши вашъ слухъ
 И въ радостяхъ невыразимыхъ,
 Въ восторгахъ вашъ поносите духъ.
 Тогда падите ницъ предъ Вѣчнымъ
 И съ уносіемъ сердечнымъ
 Воскликните: « Творцу хвала!
 Онъ намъ за добрыя дѣла
 Воздалъ блаженствомъ безконечнымъ! »

И. Манассинъ.

Апр. 1828.

кой, пространный площади, на которую вступала. Но, когда первый воспоргъ, по занятіи Москвы, исчезъ вмѣстѣ съ дымомъ сожженной столицы, сія армія увидѣла, что такое она въ самомъ дѣлѣ была, и въ какомъ положеніи находилась! — Погрузясь въ пространство занятой ею земли, армія Наполеонова уныла духомъ, какъ человекъ, заперевшійся въ пуспныи! — Опступленіе, давно предпринимаемое, сдѣлалось рѣшительнымъ, послѣ жаркаго боя при Маломъ Ярославцѣ — небольшемъ, уѣздномъ городкѣ Калужской губерніи, копорый *восемь* разъ переходилъ изъ рукъ въ руки, отъ одного войска къ другому. Два случая, въ отношеніи къ непостоянству счастья и достоинства земныхъ вещей, можно было замѣнить въ Маломъ Ярославцѣ. Тутъ храмъ Божій сдѣдался мѣстомъ посной для лошадей, и домикъ одного мѣщанина — мѣстомъ засѣданія Верховнаго Совѣща Императора, двухъ Королей и нѣсколькихъ Маршаловъ, съ великодушными титулами Герцоговъ и Князей

При самомъ входѣ (со стороны Калуги) въ городъ, на правой рукѣ, изъ груди пепла, усѣянаго обожженными трупами, возвышалась, среди разспрѣянной ограды церковь, на которой надписано было рукою оповодчика кварциръ: «конюшня Генерала Г» (*écurie du général G*) Я не называю полнымъ именемъ сего Генерала, который, и до сихъ поръ, служа съ честью и съ большимъ оплчиѣемъ его опечесиву — Франціи, можетъ быть и не виновенъ въ неоспорожности своихъ деньщиковъ. — Такъ поступлено въ отношеніи къ религіи. Съ другой стороны, вся полиппика Европы, судьбы царей и народовъ, сосредоточились подъ кровомъ убогой хижины, надъ которою конечно колебались *вѣсы Высихъ Судебъ*.

Наполеонъ, Мюратъ, Евгений и при Маршала вошли въ бѣдный домикъ одного посадекаго, и заняли мѣста для общаго, верховнаго совѣщанія, на проспектахъ лавкахъ, вокругъ спараго домашняго стола, за которымъ до того соеди-

нялось семейство, можетъ быть, наименѣе извѣстное въ мірѣ. — Наполеонъ сидѣлъ спиною къ свѣту. Облокотясь на столъ, который былъ довольно высокъ для его роста, онъ съ намѣреніемъ или пенарочно, поклонилъ голову на обѣ руки. Лица его не видно стало, и все, что на немъ тогда изображалось, осталось тайною для попомства, для испоріи. Императоръ молчалъ. Вошедшіе съ нимъ также оставались безмолвными. Но первый началъ говорить Давустъ. — Какъ мужъ испытанный въ ратномъ дѣлѣ, какъ человекъ исправный въ походномъ хозяйствѣ, имѣвшій славу великаго распорядителя (*administrateur*), онъ прежде всего озабочился о способахъ продовольствія, и предложилъ произвести општеупленіе (которое уже было рѣшено!) черезъ Медвнѣ, Юхновъ, къ Ельнѣ, и на Смоленскъ. — Сямъ указывалъ онъ на край сыный, запишный, удаленный отъ большой дороги, гдѣ дубъ, липа, кленъ, а мѣстами орѣшникъ и дикія яблони, свободно произрастающія, показыва-

ющъ качество почвы, удобной для великихъ заборовъ. Тамъ живутъ помещики изъ древнихъ родовыхъ дворянъ, получивше, по прямому наслѣдію еще отъ дѣдовъ, часть обычаевъ, не вовсе уничтоженную новымъ образомъ жизни, и большіе запасы всего, что составляетъ существенное богатство боярской усадьбы. Въ особенности же ихъ жилища присыпаны хлѣбомъ въ зернѣ, сберегаемомъ отъ давнихъ лѣтъ, а погреба, анбары и кладовыя, при ихъ старинныхъ хоромахъ, наполнены всякаго рода припасами для изобильныхъ угощеній; ибо гостепріимство есть ихъ любимая и наслѣственная добродѣтель. — Край сей (былая Украина Смоленской области), былъ некогда пограничнымъ съ Польшею. Удалыцы изъ вольницы Польской, обходя окольными дорогами, нередко дѣлали набѣги изъ-за темныхъ лѣсовъ, безъ дозволенія Короля и Сейма. Для сего правительство имѣло, по границѣ, высокія брусчатые каланчи, (спорожевыя или подзорныя башни), къ которымъ шляхта Смо-

ленская (земское ополченіе, получавшее отъ правительсва земли вмѣсто жалованья), съ своими Полковниками, носившими еще Польскіе кунтуши, ходили на шестп - мѣсячный срокъ для содержанія карауловъ.

Десна, Сожъ, Угра, и другія менѣе извѣсныя рѣки, протекали уединенно, подъ тѣнію спокойныхъ, древнихъ лѣсовъ, въ коихъ дикія пчелы перѣдко оронали древа краснымъ и бѣлымъ медомъ, (*) избирая пустошы ихъ для складки своихъ соповъ, и гдѣ жили семьями медвѣди, лоси, и водились рысь, куница и желтая лиса. Но съ умноженіемъ народонаселенія, когда огонь и сѣкира разрушили пайну сихъ лѣсовъ, въ нихъ открылись признаки какихъ-то древнѣйшихъ жилищъ народовъ прежняго міра, едва памятныхъ Испоріи. Тутъ жили,

(*) И понынѣ еще нѣ мѣсна обильны медомъ, особливо окрестности Медыни, или Мядыни, коптой и *гербъ* соснавленъ изъ голубаго щипа, усѣянаго *золотыми пчелами*.

по сказанію, *Кривити*. На сей чергъ былого поселенія, въ разныхъ мѣстахъ, встрѣчаюшя курганы и насыпи, нмѣющіе иногда очерчаніе окоповъ. Ихъ называютъ въ народѣ: *городища*. Около такихъ мѣстъ произрастаетъ лѣсъ лучшаго качества, и пивы даютъ богатѣйшую жатву, какъ вообще на почвѣ, удобренной разрушеніемъ органическихъ пѣлъ.

Тамъ-по, при началѣ опечесивенной войны, почши не было еще Французовъ, державшихся болѣе сполбовой Московской дороги, а слѣдовательно не могло бытъ и разоренія. И такъ совѣтъ Маршала Давусна былъ нѣмъ болѣе благоразуменъ, чно легко было привести его въ дѣйствіе, и воспользоваться продовольствіемъ вѣрнымъ.

Но пыкій, неперѣлливый, давній соперникъ его, Король Неаполитанскій, мечпашельный Мюрашъ, думалъ иначе, желалъ иного. « *Храбрость* должна опворить намъ выходъ изъ Россіи. Зима и голодъ идутъ за нами по пятамъ. За Калугою лучшій край, лучшій кли-

мать ожидаютъ насъ! Не скупитесь конницею! Дозвольте мнѣ собрать ошанки эскадроновъ, я кинусь на Русскихъ, собью ихъ съ большой дороги! Мнѣ помогутъ отвага и нечаянность. Разобьемъ непріятеля; пройдемъ на Калугу и, если не самымъ короткимъ, но самымъ выгоднымъ путемъ, соединимся съ нашими вспомогательными средствами!» — Оспальные изъ присуществовавшихъ принимали по шую, по другую сторону; Наполеонъ молчалъ. . .

..... 12-е число Октября пребудетъ до-спомятымъ для Россіи: въ этотъ день первопрестольная столица наша получила свободу. — Иловайскій 4-й въѣхалъ въ Москву, попрясенную взрывами Французскихъ подкоповъ. Въ 9-мъ часу утра, въ этотъ самый день, Генераль Милорадовичъ, командовавшій сильнымъ авангардомъ, и большею частью кавалеріи, находился еще въ Тарушинѣ, между тѣмъ какъ Фельдмаршалъ, за сушки и бо-

лѣе передь пѣмъ, какъ искусный игрокъ на великой шахматной доскѣ — между Москвою и Калугою предпринялъ важный ходъ, чпобъ заслоня южныя губерніи, предупредишь искусство искусствомъ, и намѣренію прошивника прошивопоставишь свое. — Вдругъ все всполохнулось на Тарупинской позиціи. Пришло извѣстіе, что Докшоровъ (съ 6-мъ корпусомъ), опъ села Оминскаго устремился къ Малому Ярославцу, и едва успѣлъ предупредишь 4-й Французскій корпусъ, съ которымъ опчаянно схватился въ самомъ городѣ. Опъ Тарупина до Малаго Ярославца по крайней мѣрѣ 35 верстѣ; нныя войска были верстахъ въ 10-ти за Тарупиннымъ, а кавалерія еще далѣе. Но разстояніе сократили быстротою хода. Болѣе 15-ти верстѣ вся кавалерія, — огромною, звонкою полною — неслась на рысяхъ. Начальникъ авангарда велъ ее самъ. Пѣхопа шакже, съ однимъ только легкимъ расшагомъ, прошла до 45 верстѣ! — Передь вечеромъ, на краю горизонша, зачер-

пѣлось подвижное пѣшно, росня и развиваясь съ приближеніемъ, и — вскорѣ вся громада кавалеріи примчалась, не давъ еще солнцу закатиться... Генераль Милорадовичъ приказывалъ Конной Артиллеріи, топчась съ походомъ, занимать позиціи и стрѣлять; а самъ скачешь, по вязкому полю, на возвышеніе къ Главнокомандующему. Фельдмаршалъ изъявилъ изумленіе, дружескивенно просянулъ руки, и привѣпливо воскликнулъ:» Ты уже здѣсь, *наши крылатый?* (*) Ну, право, Михаилъ Андреевичъ! Не просно ты Михаилъ: ты прилетѣлъ какъ Михаилъ-Архангелъ, и скоро, и впору! Дай мнѣ себя обнять, другъ мой!» — Такъ говорилъ Михаилъ Ларионовичъ, просяж-

(*) Генераль Милорадовичъ, слѣдуя съ войсками изъ Калуги ко Гжашку, по призывному письму Барклая-де-Толли, сдѣлалъ переходъ *въ полторы сутки* — 200 верстъ! Разумѣется, что шаковый переходъ сдѣланъ не безъ помощи *обывательскихъ* подводъ.

но, съ легкимъ восклицаніемъ, тонкимъ ласковымъ голосомъ, кошорый по временамъ, казалось, прерывался опть избытка чувспва, и крѣпко обнялъ Милорадовича. Принявъ привѣпную ласку опть Фельдмаршала, опть поскакалъ въ сраженіе; приказалъ искусному и храброму Капипану Граббе спавипть башарен, кошорыя бы обспрѣливали правый флангъ, и защищали протяжное движеніе обозовъ и пѣхоты; придвинулъ войска свои на ружейный выспрѣлъ къ городу, и обночлежился. Французы также унизали бивачными огнями всѣ высоты и скапы лѣсиспыхъ овраговъ на пропивномъ берегу рѣчки *Лужи*; въ срединѣ же, однимъ, цѣльнымъ, огромнымъ пламенемъ горѣлъ городъ, въ кошоромъ всѣ почпи спренія были деревянныя. Но, не довольспвуясь симъ, спрѣлки непріятельскіе, ввиду нашемъ, принеся пуки соломы, легко подождли кирпичные заводы, крытые сухою дранью, подлѣ самой нашей линіи, по собираясь кучками, по мелькая поодиначкѣ, какъ спранныя, ночныя

привидѣнія, за высокою грядою свѣшлаго пламени, они безпреспанно пускали въ нашихъ пули на удачу... Не доставало цѣли... Она явилась... Генераль Милорадовичъ выѣхалъ съ своею свишою, и спалъ впереди всѣхъ. Онъ оставался на эпомъ мѣспѣ долго, безъ всякаго дѣла, изъ одного удовольствія — бышь подъ выспрѣлами. Пули спали сновашь чаще и, одна за другою, визжали мимо ушей адьюпаншовъ, изъ коихъ нѣкошорые говорили между собою: «справедливо сказалъ и самъ неуспрашимый Алексѣй Песировичъ Ермоловъ, что надобно имѣшь *запасную жизнь*, чшобъ бышь вездѣ подлѣ Генерала Милорадовича.» (*).

(*) Не безъ любопытства можно замѣнить, что Адьюпаншами Милорадовича были: *де-Юнкеръ*, служащій и нынѣ съ отличіемъ въ чинѣ Генераль-Маіора; *Граббе* - чрезвычайно образованный офицеръ, котораго личная храбрость, въ одно время, вошла въ пословицу; *Киселевъ* — носившій съ достоинствомъ званіе начальника главнаго Штаба 2-й Арміи; *Сакель*, тогда безстраш-

Между тѣмъ, Русская осенняя ночь сошла на поля сырыя, въ разныхъ направленіяхъ перегороженные сельскими плетеными изгородами, по мѣстамъ изрытыя канавами и, между всѣмъ

ный, любезный юноша, нынѣ заслужившій уже прочую славу въ войнѣ Азіятской, особенно при завоеваніи *Ахалкалака* и на странномъ штурмѣ *Ахалциха*. Позднѣе былъ извѣстный по блестящимъ дѣйствіямъ близъ *Видина*, Баронъ *Гейсмаръ*, который и тогда отличался уже методическими познаніями въ военномъ дѣлѣ, и наконецъ, въ числѣ наименованныхъ, находился и *Д. П. Бутурлинъ*, написавшій Исторію XII года, о которой можно сказать (особливо въ Рускомъ переводѣ оной, обогащенной *заметканіями* Переводчика) по же, что Мусульмане говорятъ о своемъ Алкоранѣ, *ш. е. къ ней ничего нельзя прибавить.* — Кромѣ сихъ, при Ген. Милорадовичѣ былъ въ эту незабвенную кампанію Князь *А. Б. Голицынъ*, отличавшійся тогда смѣлостію въ исполненіи военныхъ порученій, нынѣ служащій, въ чинѣ Генераль-Маіора, подъ знаменами Эриванскаго.

эпимъ, уставленныя биваками, парками аршилерин и обозами, кои уже начинали прогаться, получа другое назначеніе, которое и вся армія должна была исполнить нѣсколько позже.

Съ двухъ сторонъ одного огня, мимо кошаго и особы высшихъ чиновъ проходили не иначе какъ съ осторожностію, основанною на какомъ-то чувствѣ уваженія, лежали на землѣ, посланной бурками, два Генерала. Одинъ, навзничъ, склоня голову на колѣни къ казаку, казалось, дремалъ: огонь бивака освѣщаль его сѣдины, и лице упругое, но спокойное — это былъ Фельдмаршалъ. Другой, по лѣвую его руку, у того же огня, только съ другой стороны, былъ также человекъ преснарьый, высокаго роста, сухощавый, одѣтый въ шинель, по верху подпоясанную скрученнымъ шарфомъ; на головѣ его былъ сѣрый теплый колпакъ, прикрытый шляпою: такъ ѣздилъ онъ и въ сраженія, гдѣ отличался мужествомъ и запальчивостію, даже не по лѣшамъ — это былъ Дежурный Генералъ,

Петръ Петровичъ Коновницынъ; онъ лежалъ, опершись на правую руку, надъ развернутою каршою, въ кошорую прилежно смотрѣлъ, и подзывая къ себѣ ординарцевъ, отдавалъ приказанія, изъ коихъ нѣкоторыя и самъ, по временамъ, получалъ опъ Фельдмаршала, пробуждавшагося опъ мнимой или дѣйствительной своей дремоты. Одно изъ таковыхъ приказаній имѣло послѣдствіемъ перемѣщеніе арміи на другую позицію; другое — посланное къ Генералу Платову — заставило его, въ той же ночи, сдѣлать круговой обходъ въ пяти верстахъ за Малымъ Ярославцемъ, и перейдя рѣчку Лужу, съ десятию полками своихъ Донцовъ и однимъ егерскимъ, отважиться на такое предпріятіе, которое, какъ мы увидимъ, могло бы рѣшить судьбу всего похода, и принести пользы неизчислимыя.

На разсвѣтъ другаго дня, когда едва только забрезжелось утро, съ биваковъ непріятельскихъ увидѣли, что подъ тѣнью упренныхъ сумерковъ, изъ-подъ тѣни лѣсовъ, двига-

лось что-то плавно, опдѣляясь опть опушки
лѣса, въ видѣ длинной линіи, и принимая на-
правленіе на правое крыло Французовъ, гдѣ
почевала ихъ артиллерія. Надо знать, что
Наполеонъ безпечно обнажилъ свое правое кры-
ло, опсправивъ, еще изъ Ѳоминскаго, Ки. По-
пяшовскаго къ Вереѣ, пріискивая удобнѣй-
шаго пути къ опспуленію. Говорятъ, что
Наполеону доложили о чемъ-то приближав-
шемся со стороны непріятеля, но онъ не обра-
тилъ на это вниманія, сѣлъ на лошадь и, за-
думчиво смотря на восходящее солнце, поѣхалъ
(изъ своей главной квартиры), по большой
Калужской дорогѣ, къ Малому Ярославцу. —
Четыре эскадрона его пѣхотинцевъ, не
досмотрѣвъ его выѣзда, сѣли на коней позже.
Небольшая свита сопровождала Императора.
На дорогѣ была настоящая ярмарка. Фургоны,
пушки и великолѣпные экипажи — позднѣйшая
добыча Красенскихъ боевъ и гибельной пере-
правы черезъ Березину — шли спокойно;
всякой шелъ по домашнему, безъ оглядки.

Геній Наполеона бодрствовалъ, звѣзда его свѣтила... чего было бояться? —

Но, вдругъ всѣ головы обратились на право... Послышали гиканье; увидѣли сперва кучки, а потомъ длинную лаву (такъ называютъ Казаки фронтъ свой) изъ десяти полковъ Казачьихъ; за ними вдали сверкали ружья пѣхоты, которую велъ Кайсаровъ.

Тутъ началась страшная сумятица. Женщины и дѣвочки, ни на кого не смотря, бѣжали какъ полоумные. Длинная веревка экипажей остановилась, зашумала; дышла прещали, упряжь рвалась, лошади бросались въ стороны... Все суешилось... Одинъ Наполеонъ былъ спокоенъ и, усмѣхаясь, все подвигался впередъ. Онъ конечно полагалъ, что превога была ложная. Сомнѣнiе было не надолго! Близкое гиканье рѣзко опоздалось въ ухахъ. Запрыгали дрошки; зачохали пистолетные курки; закипѣли выстрѣлы; пули свистали почти въ самое лице. «Эпо *они*, Государь! Спасайсь!» закричалъ, отъ души, Генераль

Раппъ, искренно приверженный къ Наполеону. По чувству ли гордости, или не дослышавъ, Наполеонъ не хотѣлъ уходить, и стоялъ на томъ же мѣстѣ. Тогда Раппъ схватилъ за узду его лошадь, и пощипалъ ее насильно въ во. Однако Неполеонъ, рѣшительно, не думалъ спасаться бѣгствомъ. Онъ посторонился, обнажилъ шпагу и спалъ, изгоповясь къ бою, съ важностію и спокойно. Принцъ Невшательскій, Раппъ и еще двое Генераловъ, также обнаживъ шпаги, окружили своего Императора.

Федоръ Глинка.

(ИЗЪ ГАФИЗА.)

Не плѣнляйся брашною славой,
О красавецъ молодой,
Не бросайся въ бой кровавой,
Съ Карабахскою толпой!
Знаю, смерть тебя не вспирѣшишь:
Азраэль, среди мечей,
Красоту твою замѣшишь —
И пощада будешь ей!
Но боюсь: среди сражений
Ты утратишь навсегда
Скромность робкую движеній,
Прелеснь иѣги и сшыда!

А. Пушкинъ.

5 Юля 1829.

Лагерь при Евфратѣ.

Н Е В Ъ С Т Ъ .

(А. Я. В.)

Не разъ Гимена клеветали —
Его бездушнымъ шорговцомъ,
Брюзгой, ревнивцемъ и глупцомъ,
Почеремвѣнно называли . . .
Какъ свѣтъ его ни назови,
У васъ онъ буденъ, безъ сомнѣнья,
Доспойнымъ сыномъ уваженья,
И бранномъ пламенной любви!

Е. Б — ѳѳ.

Роченсальмъ.

1824.

ПАДШІЙ СЕРАФИМЪ.

Сраженный праведнымъ укоромъ,
 За райскимъ воленымъ заповоромъ
 Скинался падшій Серафимъ,
 Не смѣя возмущеннымъ взоромъ
 Взыванъ къ обителямъ святымъ.
 Ему Владѣющій вселенной,
 Творецъ земли и горнихъ силъ,
 За духъ кичливый и надменшой,
 Перуномъ крылья опалилъ:
 Съ штыхъ поръ, — какъ грустное мечтанье, —
 Кляня свое сущеспвованье,
 Вдали Эдема онъ бродилъ.
 Тоскою сердце въ немъ кишѣло,
 Надежды крошкѣй лучъ исчезъ
 Но вдругъ на мигъ съ свясныхъ небесъ
 Къ нему раскаянне сленгло,
 И сердце хладное согрѣло
 Своей небесной шеплоной:

Съ улыбкой тихой состраданья,
 Давно забытыя мечтанья
 Надъ нимъ взорилися полною ...

Поникнувъ мрачною головою,
 Въ раздумьи пляжкомъ онъ споялъ:
 Его поскользящей душою
 Какой-то прененъ обладалъ.
 Увы! опроверженный сказалъ,
 Не мнѣ блистать въ эдемскомъ свѣтѣ,
 Не мнѣ Предвѣчнаго любовь!
 Я крылья опалилъ въ полетѣ —
 Могу ль лепетѣ къ Эдему вновь?

Сказалъ — и слезъ ручей обильный
 Ланины блѣдныя свѣжишь:
 Такъ цвѣтъ увядшій надмогильный
 Роса вечерняя живишь.
 И чино же? дивной красотою
 Его шеснѣ крыльсѣвъ вновь цвѣтнушь —
 И онъ лепетишь . . . пуда, гдѣ ждущъ
 Прощенныхъ милостью свяшою. . .

М. Деларю.

Царское Село.
 Лицей.
 1827.

•••••

БОРЬБА.

Надъ цѣлымъ міромъ возвышенный,
 Тишановъ зрится грозный сынъ, —
 Подъ орнфламмой распущенной,
 Въ горящихъ лапахъ, исполнишь!
 Перунъ въ десницѣ; брацной славы
 На немъ цвѣшенъ вѣнокъ кровавый,
 И всюду рабство, смерть и страхъ —
 И разрушенья дымъ и прахъ!

*

Грустна державныя природы
 Опечаленная краса!
 Въ великомъ ужасѣ народы
 Съ небесъ низводятъ очеса:
 Тамъ огневласою кошеной —
 Грядущихъ, новыхъ бѣдъ примѣшой —
 Его звезда зажглась... и *тамъ*
 Надежды пѣнь — а здѣсь онъ самъ!

*

Непобѣдимъ людей каранель!
По день возмездія грядешь
Уже Орель-громомешашель
Кругами по небу пльвенишь!
Ты дремлешь, міръ! опверзи вѣжды:
Лучемъ божешвенной надежды
Горнишь громовая спръла
Въ когпяхъ двуглаваго Орла!

*

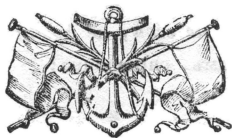
Конецъ да будетъ днямъ печальнымъ!
Земли согласныя мольбы
Звучать папѣвомъ погресбальнымъ —
Наспаль великій часъ борьбы!
Тишанъ вземнуль перупъ кровавый
Орель содрога величавый,
Небеснымъ громомъ засверкаль —
Непобѣдимый палъ . . . онъ палъ!

*

Онъ вспрянуль вповь — онъ жаждень боя!
Орель низвергнулся скалой,
Съ высоты величья сбиль героя,
И взвился на небо спрълой. —

Съ Тифаномъ буря улещася
Межъ волнъ и шучь — и мiръ взирася:
Во блескъ радужномъ чудесъ
Свободы свѣшлый богъ воскресъ!

Баронъ Розенъ.

ОЛОНЕЦКАЯ ПѢСНЯ.

Надъ озеромъ, *Габъ-озеромъ*,
 Сидишь, груспишь унылый птахъ,
 Не здѣшній онъ: изъ дальнихъ странъ!
 Пришибень онъ невзгодою;
 Привязанъ онъ хворобою!
 Сидишь, груспишь заленный птахъ!
 Никто ему *не свой*, не братъ!
 Одинъ однимъ, сиропочка!

✱

Лепяшь, шумяшь въ поднебесьѣ
 Снада его поварищей;
 И веселы и радостны,
 Лепяшь, спѣвашъ на теплый югъ.
 Какъ взгворишь къ нимъ бѣдный птахъ:
 «Ахъ, брашцы вы, поварищи!
 Вамъ весело въ поднебесьѣ,
 Въ поднебесьѣ безоблачномъ,

Близь солнышка, близь краснаго,
 Близь краснаго, межённаго
 И я лешаль, и я бываль
 Сопушникомъ и брашомъ вамъ,
 Ахъ, сжалышеса надъ гореснинымъ!
 Вы скиньте мнѣ по перышку,
 По перышку, по легкому,
 Чпобъ крылышки, чпобъ *новья*
 Снесли меня на родину,
 Къ роднымъ, къ друзьямъ, въ *природный* край! »

*

И перышки посынались!
 Забилося сердечушко
 У бѣднаго, у хвораго. . .
 Но гдѣ возмись *шелойникъ-вѣтръ* (*)
 Шелойникъ-вѣтръ порывисный:
 Разсѣялъ онъ всѣ перышки. . .

*

И взгѣворилъ несчастный ишахъ:
 « Судьба моя, судьбинушка!

(*) Такъ называется у шугемцевъ Юго-Западный вѣтръ.

Другимъ ны мать, мнѣ мачиха!
Сама ль велишь шерстьшь папасть,
Терстьшь папасть, изныть, пропасть
Мнѣ бѣдному, мнѣ горькому,
Въ чужой странѣ, нерадосшной! »

СЕЛО ИВАНОВСКОЕ.

Не далеко отъ Мурома, въ богатомъ селѣ Ивановскомъ, жилъ помѣщикъ Пронской. Всякое Воскресенье собирались къ нему полнами госпи; — правда, онъ былъ хлѣбосоль, въ обширныхъ погребахъ его водились дѣдовскія вина — но не вкусныя блюда, но не старыя вина влекли къ нему полны госпій: онъ имѣлъ прелестную дочь; въ большихъ, темно голу-быхъ глазахъ ея была какая-то очаровательная томность, по лицу ея, бѣлому какъ мраморъ, разливался легкій румянецъ и розовыя уста дышали неописанною сладостию. —

Изъ всѣхъ посѣщителей Пронскаго, Капитанъ Славинъ чаще всѣхъ задумывался, смотря на прелестную дочь его; она также на него заглядывалась. — Еще они не говорили

другъ другу ничего, кромѣ обыкновенныхъ привѣтствій, еще съ шрудомъ понимали взаимныя чувства, а уже молва пропрубила ихъ сужеными. Уже мужчины подсмѣивались надъ Славнымъ, а дѣвушки съ завистью смотрѣли на Анну. «Славная пара,» говорили добрыя старушки. «Славная бы пара,» думали также родители Анны. —

Славинъ догадался, что не даромъ ласкаютъ его, и однажды, рано по утру, когда Пронскій османивалъ поля свои, онъ признался ему въ любви къ его дочери и просилъ ея руки. Пронскій съ удовольствіемъ принялъ предложеніе и позволилъ ему самому объясниться съ Анной. — Почти увѣренный въ своемъ благополучіи, Славинъ въ восторгѣ сѣвшилъ воспользоваться этимъ позволеніемъ. — Анна гуляла въ саду; влекомый какимъ-то инстинктомъ, онъ пошелъ туда же.

Между тѣмъ сказами женъ Пронскаго, что Славинъ пріѣхалъ и прямо пошелъ въ садъ; она догадывалась, за чѣмъ, и сѣвшила за нимъ

послѣдовать. Входишь въ садъ; счастливицы ея не замыслили : видишь Славина, спрашно цѣлующаго руку Анны, видишь удовольствіе, блестящее въ глазахъ своей дочери, видишь жаркій румянецъ, обхватившій лица любовниковъ . . . Нѣсколько минулъ спояла она неподвижно, чувства удовольствія и негодованія волновали ее, наконецъ рѣшилась она подойти къ нимъ. Анна, увидѣвъ мать свою, бросилась къ пей въ объятія и Славинъ спѣшилъ рассказать ей, что отецъ и дочь согласны, и что пенерь только отъ нея зависитъ его благополучіе. « Это другое дѣло, » сказала мать, кладя руку Анны въ руку Славина ; « по моему, давно бы шакъ. »

Тамъ и сямъ поговаривали объ войнѣ ; одни увѣряли, что мы будемъ имѣть войну съ Турками, другіе, что съ Наполеономъ, шрепши, чепвершые, — всѣ говорили разное, и какъ часто случается, всякій съ жаромъ защищалъ по мнѣніе, которое прежде пришло ему въ голову. Счастливые любовники ничего не слы-

шали; да и до того ль имъ было, чпюбы думать о всякихъ новоспяхъ? ихъ обручили, и черезъ двѣ недѣли назначена была свадьба. Однажды, поздно вечеромъ, Славинъ возвратился домой; вдругъ вбѣгають къ нему нѣсколько Офицеровъ и радостно кричатъ: «Въ походъ! Въ походъ!» — «Походъ! когда?» — спросилъ, измѣнившись, Славинъ; блѣдное лице его спрранно гармонировало съ радостными лицами его товарищей. «Чего жь ты спрусилъ? черезъ два дни выступаемъ, а куда, Богъ знаетъ. Прощай!» — И спѣшатъ молодые храбрецы разносить радостную вѣсть къ другимъ своимъ товарищамъ. — «Что сдѣмалось съ Славинымъ? сказалъ одинъ изъ нихъ, вышедъ на улицу: бывало, онъ не морщился отъ пули.» — «Чортъ возьми,» подхватилъ первый, «я гошовъ бросилъ всѣхъ красавицъ въ мѣръ за удовольствіе порѣзаться съ бусурманами.» Между тѣмъ, Славинъ ходилъ большими шагами по компань. «Въ походъ! черезъ два дни! вопъ какъ судьба иг-

раешъ нами; - говорилъ онъ въ сильномъ волненіи, и уже было за полночь, когда, ушомленный мрачными мыслями, онъ заснулъ. Спрашныя сновидѣнія превозжили безпокойный сонъ его; передъ самымъ разсвѣтомъ, онъ увидѣлъ Турецкія войска и не въ далекѣ отъ нихъ Русскія; загрѣмѣла военная музыка и Русскіе бросились въ шпыки на опчаянныхъ Турокъ; еще храбро дрались съ обѣихъ сторонъ, еще успѣхъ былъ сомнителенъ, когда вошедшій Полковникъ разбудилъ его. Съ жаждою биввы проснулся Славинъ, въ душѣ его пробудились знакомыя чувства; онъ не забылъ Анны, но желаніе биввы уравновѣсилось съ любовію. «Пора вставать, сказалъ Полковникъ, поправлявая его за плечо; «полно тебѣ волочиться, пойдемъ-ка въ походъ.» Пополковавъ часа два съ Полковникомъ о пригошвеніяхъ къ походу, о сраженіяхъ, о надеждахъ, Славинъ поѣхалъ къ Пронскому. Уже тамъ все знали; отецъ морщился, мать

горевала, и опуманилось прелестное лице дочери. —

Долго, до глубокой ночи сидѣлъ Славинъ съ своею невѣсткой; казалось, они не могли наговориться, не могли взглянуть другъ на друга. «Если буду живъ, то черезъ два года я возвращусь,» сказалъ Славинъ, прощаясь съ Анной, и уѣхалъ, провожаемый слезами всего семейства.

Прошло два года; о Славинѣ ни слуху, ни духу; бывало, хоть въ мѣсяць одно письмо, а теперь.... Но по чему знать? можетъ быть уже давно нѣтъ его на свѣтѣ, думала Анна, и крупныя слезы капились по блѣдному лицу ея. «Что ты всё горюешь, сказалъ ей однажды отецъ;» ну что жъ, развѣ не найдемъ мы тебѣ жениха, кромѣ Славина? Да и что вамъ дались военные: живъ и здоровъ сегодня, но кто поручится, что завтра пуля не пробьетъ ему головы.... Вопль, на пр., Графъ Н. и богатъ, и ловокъ, и уменъ; да кажется, и часенъко на себя поглядываешь...»

Съ изумленіемъ Анна взглянула на отца; въ первый разъ говорилъ онъ ей о Графѣ. «Что вы говорите, бапюшка! развѣ вы не обѣщались Славину дожидаться его?» — «Вошъ уже два года я дожидаюсь; тебѣ двадцать лѣтъ, а въ эти годы пора быть за-мужемъ.» Анна плакала, и клялась въ душѣ не быть ни за кѣмъ, кромѣ Славина; на Графа всегда смотрѣла она съ какимъ-то ужасомъ.

Прошелъ еще мѣсяць; посѣщенія Графа спановились чаще, отецъ чаще говорилъ объ немъ съ Анной, и однажды рѣшишельно сказалъ ей: «Полно упрямиться, Графъ сдѣлалъ мнѣ предложеніе, и я принялъ его.» Анна хотѣла говорить, но отецъ перервалъ ее: «Я надѣюсь, что ты не будешь противиться, что не захочешь сдѣлать меня обманщикомъ.» Тутъ пришла мать, и общія ихъ убѣжденія наконецъ довели Анну до того, что она рѣшилась выдти за Графа: ей было все равно, за кѣмъ ни быть, если не за Славнымъ; но что бы оставивъ себѣ хоть малѣйшій лучъ надеж-

ды, она просила опца на мѣсяць ошерочить свадьбу. —

Какая спранныя вещь — время! Желай, что бы скорѣй прошло оно — не пусть - то было: часы кажутся тебѣ днями, дни мѣсяцами; пожелай продолжись его, — какъ нарочно дни покажутся часами, а мѣсяцы днями; даже годы прошекушь непримѣнно. Такъ было и съ Анной: Каждый день шинулся для нея годомъ, но непримѣнно прошелъ мѣсяць, и покорная воля опца, она обручилась съ Графомъ.

Среди знойнаго лѣшняго дня, дорожная повозка остановилась у широкаго крыльца Пронскаго; изъ нея вышелъ Славинъ. Всѣ пошли встрѣчать госня, но одна только Анна ему обрадовалась; она забыла, что обручена другому; всѣ ея мысли слились въ одну, и эта мысль была радость о прїездѣ любезнаго. Но опомнившись опъ восторга свиданія, по взгля-

путь на Графа, изумленнаго ея радостію, она поблѣднѣла и вышла; Графъ пошелъ за нею.

Славинъ никогда не видалъ Графа, даже не слыхалъ объ немъ; какія же горестныя мысли овладѣли имъ, когда узналъ онъ, что Графъ женихъ Анны и что на дняхъ будетъ ихъ свадьба. Какъ безумный смотрѣлъ онъ на Пронскаго, полковавшаго ему, что назначенный срокъ давно прошелъ, и что всѣ счипали его убишымъ. — «Но охотно ли дочь ваша идетъ за Графа?» — «Она всегда охотно повинуется волѣ родителей.» — «Волѣ родителей? повпоришь Славинъ,» и негодованіе выразилось во взорѣ, омраченномъ до полнѣ печалію. —

«Чего жь еще дожидаясь я здѣсь?» думалъ онъ, оставшись одинъ: «она охотно повинуется волѣ родителей. Но что же значитъ радость, съ которою она меня встрѣпила? Что значитъ блѣдность, замѣнившая эту радость? Нѣтъ, она не охотно повинуется ихъ волѣ. Я останусь здѣсь: можетъ быть най-

ду случай поговорить съ нею, и тогда все откроется.»

Этотъ случай скоро представился; на другой день, рано по утру, Славинъ пошелъ въ садъ. Вотъ, говорящъ, въ человекъ нѣтъ инстинкта! Анна ходила тамъ же. Они встрѣтились; какія воспоминанія пробудило въ нихъ мѣсто ихъ встрѣчи: здѣсь въ первый разъ сказали они другъ другу о любви, здѣсь ихъ благословила мать, а теперь — теперь она невѣста другаго. —

Они молчали, но взоры ихъ высказали ихъ чувства; «Славинъ, я люблю тебя какъ прежде;» начала Анна: «за чѣмъ же взоры твои исполнены упрёка; я сделаю, что могу, я упаду къ ногамъ родителей, скажу имъ, что они губятъ меня, если выдадутъ за Графа.» — «Но если они не послушаются просьбъ твоихъ?» — «Нѣтъ, они добры, они не захотятъ погубить меня.» — «Но если;» повторилъ Славинъ съ умоляющимъ взглядомъ. Анна съ минушою задумалась, потомъ сказала:

« Вечеромъ дожидайся меня здѣсь; ты узнаешь, чѣмъ это кончится. »

Она ушла; какъ очарованный, остался Славинъ; онъ увѣрился, что его любятъ, и что можетъ быть пріятнѣе этой увѣренности? « Да, » думалъ онъ, « если родители захотятъ погубить ее, такъ я спасу — она обрученная мнѣ невѣста. » — Еще было рано, онъ возвратился въ свою комнату и не раздѣваясь, заснулъ на софѣ. Солнце было высоко, когда онъ проснулся. Все общество завтракало въ саду; казалось, никто не былъ радъ его приходу; сама Анна не смѣла поднять на него глазъ.

Какъ цѣлый вѣкъ, тянулся этотъ скучный день для Славина; наконецъ спемнѣло; онъ велѣлъ своему челоуѣку дожидаться его съ повозкой у калипки сада, и пошелъ на мѣсто, назначенное для свиданія. Долго ходилъ онъ по темнымъ аллеямъ; вдругъ что-то мелькнуло вдали, и его сердце узнало Анну; но не радостныя вѣсти она принесла ему: отецъ и

мать не хотѣли и слышать, чинобъ опказашь богатому Графу. «Жеспокіе!» сказалъ Славинъ; «но оставь ихъ, уѣдемъ со мною!» — «Чню пы хочешь опъ меня?» спросила Анна, поднявъ на него изумленный взоръ. «Рѣшайся,» продолжалъ Славинъ, «или я умру опъ твоего опказа...» Вдругъ нѣсколько голосовъ раздались въ саду, испуганная Анна безъ чувствъ упала въ объятія Славина; онъ отнесъ ее въ повозку и велѣлъ ѣхать. «Гдѣ я?» спрашивала она, опомнившись. «Со мною,» отвѣчалъ Славинъ, и спрассный поцѣлуй заградилъ уста, хотѣвнія произносить жалобы.

Верспахъ въ прехъ отъ Мурома спонитъ уединенная церковь; когда - то богатое село окружало ее, но пожаръ выжегъ село, и пощадилъ только храмъ Божій; въ прехъ домикахъ, построешныхъ послѣ пожара, жили причешники; у крыльца одного изъ нихъ оспановилась повозка. Славинъ разсказалъ жившему тамъ Священнику, что онъ былъ уже обрученъ съ Анною, и что теперь на-

сильно хощающъ ее выдать за другаго, и добрый Священникъ согласился обвинячь ихъ. Они пошли въ церковь; уже роковое *да* было произнесено, уже размѣненные кольца надѣшны имъ на руки, какъ вдругъ двери церкви съ шумомъ опворились; Пронскій и Графъ N., сопровождаемые множествомъ слугъ, вошли въ нее. Графъ бросился къ Аннѣ, она упала въ обморокъ, но уже обрядъ конченъ, уже она супруга Славина. «Что вамъ надобно?» спросилъ его величественно Священникъ. — Какъ что? она моя невѣста! — «Нѣтъ, она уже жена другаго.» Но ни увѣщанія Священника, ни мольбы Славина не дѣйствовали надъ взбѣшеннымъ опцемъ: онъ силой вырвалъ дочь свою изъ объятій ея мужа и полумертвую увезъ съ собою.

Положеніе Славина было самое ужасное. Тщешны были его усилія возвратишь жену свою: Пронскій не хощѣлъ его видѣшь; а какъ свадьба была починъ безъ свидѣтелей, то онъ не могъ прибѣгнушь къ покровитель-

спву законовъ. Въ Муромѣ, Славинъ остановился у одного спариннаго пріятеля, чпобъ бытъ покрайней мѣрѣ ближе къ своей женѣ. Огорченія и шревоги душевныя сильно подѣйствовали на его здоровье: онъ впалъ въ изнуришельную горячку. Между шѣмъ, добрый пріятель Славина освѣдомлялся о женѣ его, и узналъ, что Пронскій, Графъ, Анна вдругъ всѣ пропали; но куда дѣвались они? не могъ онъ дойтишься. Такъ прошли двѣ недѣли. Болѣзнь Славина въ это время, послѣ счастливаго перелома, начала проходить; оставалась въ немъ только сильная слабоспъ и задумчивоспъ — слѣдспвіе прежнихъ его гореспей и безвѣспноспи о судьбѣ Анны. Однажды Славинъ сидѣлъ съ утѣшавшимъ его пріятелемъ, вдругъ отворилась дверь и Пронскій бросился къ нему въ объятія. Другъ нашъ! Ангелъ хранишель! простишь ли ты намъ?» говорилъ онъ ему съ слезами. Славинъ молчалъ, изумленіе отняло у него и языкъ и память; блуждающіе взоры его останавливались по на

его другъ, то на Пронскомъ. «Что все это значить?» спросилъ онъ, опомнившись. — «Ты все узнаешь; я привезъ тебѣ мою дочь, твою жену, спасенную побою!» Въ это время вошла Анна и упала въ объятія своего мужа; прудно выразить чувства, волновавшія тогда его душу; мудро ли, что онъ ничему не вѣрилъ, что ему казалось, будто все это видѣлъ онъ во снѣ и боялся проснуться? — Когда всѣ нѣсколько успокоились, Пронскій, взявъ руку Славина, началъ говорить: «Еще разъ прошу у тебя прощенія; выслушай, какъ я жестоко былъ обманутъ:

«Мѣсяца за три до своего прѣзда, познакомился со мною Графъ Н. По его блестящему экипажу, по безчисленнымъ издержкамъ, копорья дѣлалъ онъ; я судилъ объ его великомъ богатствѣ. Онъ бывалъ у меня очень часто, наконецъ я замѣтилъ, что онъ имѣлъ виды на дочь мою; ты долго не ѣхалъ, Аннѣ минуло двадцать лѣтъ, Графъ былъ очень богатъ, имѣлъ, по словамъ его, знатныя связи.

Мудрено ли, что я съ удовольствіемъ выслушалъ его предложеніе, и не смотря на сопротивленіе дочери, далъ ему слово? Твой пріѣздъ помѣшалъ намъ; но мы думали, не надолго; наконецъ ты увезъ дочь мою, женился на ней — и мы уже не знали, что дѣлать. Спустя недѣлю послѣ этого происшествія, сидѣли мы всѣ вмѣстѣ, исключая жены твоей, которая, бывъ больна, не выходила изъ своей комнаты; Графъ говорилъ, что ваша свадьба была безъ свидѣтелей, что обрядъ, можетъ быть, не былъ конченъ, и что можно все уладить по нашему желанію. Между тѣмъ я нечаянно взглянулъ въ окно и увидѣлъ, что опрядъ конницы окружилъ домъ мой. «Что значить это войско?» спросилъ я съ удивленіемъ Графа. Онъ взглянулъ въ окно и смертная блѣдность разлилась по лицу его. «Спрячь меня!» закричалъ онъ мнѣ спрашивнымъ голосомъ; у меня опнялись и руки и ноги. «Спрячь же!» повпорилъ онъ, замахнувшись на меня рукою; но въ это время нѣ-

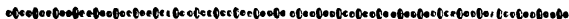
сколько человекъ солдатъ вошли въ компану, схватили насъ и съ связанными руками, порознь отвезли въ городъ; здѣсь цѣлую недѣлю сидѣлъ я въ мрачной пюрэмѣ, не зная, что со мной дѣлается; еще такая жъ недѣля, и я сошелъ бы съ ума; но сегодня призвали меня въ судъ. Тамъ объявили мнѣ, что мнимый Графъ N. былъ ашаманъ разбойниковъ, давно уже поселившихся въ Муромскихъ лѣсахъ; что недавно разбили его шайку, и опъ сообщниковъ его узнали, гдѣ скрывался Ашаманъ ихъ; но что кляпвенными показаніями самого разбойника и свидѣтельствомъ всѣхъ моихъ сосѣдей, судьи увѣрились, что я считалъ его за Графа N. и пошому меня освободили. Дочь же моя все это время жила у шепки, копорая, узнавъ о моемъ несчастіи, взяла ее къ себѣ. » —

Теперь не по время, что было прежде; теперь можно объѣхать всю Россію и на каждомъ деревѣ Муромскихъ лѣсовъ напи-

сать свое имя, не вспрѣпивъ ни одного разбойника, а пошому многимъ чипашелямъ покажется невѣрояшною повѣсть моя; но давно ли спарушки креспились, а молодые люди съ заботливостію осмапривали пшполешы свои, въѣзжая въ необозримые лѣса Муромскіе? — Тамъ, въ самомъ Муромѣ, слышалъ я повѣсть, которую разсказалъ шеперь.

А. Влidyге.

ОТРЫВОКЪ

ИЗЪ ДРАМАТИЧЕСКОЙ ПОЭМЫ ЮСИФА
КОРЖЕНЕВСКАГО: *Ангелика.*

ДѢЙСТВІЕ I.

ЯВЛЕНІЕ 4.

Ангелика, Соня, пошомъ Густавъ.

Соня (*отпираетъ дверь.*)

Сестра, Гуснавъ идетъ. (*закрываетъ дверь.*)

Ангелика (*одна.*)

Благодарю

Тебя, Господь! Его опрадный голось

Спокойствіемъ наполнишь душу мнѣ.

(*Смотритъ въ окно*)

Что вижу я? Что сдѣлалось съ нимъ?

Онъ никогда такъ грушенъ не казался.

Вопль онъ идетъ впередъ, и вопль опять
 На прежнее вдругъ мѣсто возвращаясь,
 Спаль, погруженъ въ глубокое раздумье!
 Тогда, какъ я на крыльяхъ голубицы
 Хопъла бы къ нему лепынь — а онъ
 Идетъ сюда такимъ лъпнымъ шагомъ!
(Отъходитъ отъ окна)

Ужели все прошивъ меня возспало?
 Мой духъ смущенъ какою-то поскою...
 О женщины! зачѣмъ перзашься вѣкъ
 Предчувствіемъ — незнающимъ послѣдствій?
 Иль не могу сказать превогъ шайной:
 Молчи?... Мой долгъ — его печаль развѣять,
 А не ипшашъ печалію моей.

(Густавъ, войдя, останавливается у дверей; Ангелика, погодя нѣсколько, приближается и беретъ его за руку.)

О милый другъ, не вышло ли чего?
 Съ недѣлю ны со мною не видался —
 И вдругъ даришь привѣсномъ ледянымъ!

Густавъ *(улыбался.)*

Напрасно ны превожимъся, въ себѣ
 Не вижу я малѣйшей перемѣны.

Ангелика.

Любовь зорка, любезный мой Гуснавъ,

Повѣрь, швоей улыбки принужденной
 Не сердце мань. Но пѣпъ, прости меня!
 Быпъ можепъ, я ошиблась въ заключеньи —
 Ты высоко споншь, со всѣхъ сторонъ
 Тебя разипъ пакія спрѣлы могушь,
 Копорья насъ, въ скромномъ семъ пріоншъ
 Не досягнушь; о милый, вспомни лишь,
 Чпо пы со мной, и чпо за сей порогъ,
 Здѣсь, ни одно изъ позлащенныхъ копій,
 Какія въ васъ пакъ часно злоба мещешъ,
 Не залепишь. Молю! покоенъ будъ
 И проясни угрюмое чело —
 Тумапъ ему ни сколько не приспаль.
 Знай, милый другъ, чпо радоспъ — даръ небесный,
 Чпо попъ грѣшишь, чья гордая душа
 Подарокъ сей надменно отвергаспъ.
(Густавъ отвораживается; Ангелика, погода нелино-
го, продолжаетъ)

Несчастливо я начала мой день!

ГУСТАВЪ.

Несчастливо? скажи мнѣ, по чему?

АНГЕЛИКА.

Сегодня кшо ни подойдешъ ко мнѣ,

Всякъ говоришь, всякъ смотришь шакъ сурово —
 Какъ будто бы хопъль ограбить сердце
 И у меня опнять надежды всѣ.
 Иль будто бы грозящую мнѣ участь
 Онъ съ ужасомъ въ лицѣ моемъ чинялъ.

Густавъ *(глядя на нее улыбно.)*

Мнѣ жаль тебя.

Ангелика *(съ восторгомъ.)*

Высокая душа!

Сей взоръ мой разсѣялъ опасенья
 И сердце вновь и бьется и цвѣшетъ,
 Какъпой весной, когда оно впервые
 Въ груди моей забилося для тебя.
 О, какъ тебѣ была я благодарна!
 Въ какую ты прелестную одежду
 Природу всю незанно нарядилъ!
 Все ожило для счастливаго сердца,
 И каждый листъ весенній о тебѣ
 Мнѣ говорилъ, въ лепючкѣ каждомъ розы
 Мнѣ видѣлся предвѣстный цвѣтъ любви.
 Какъ часто я по вспоминаю время!

Густавъ.

Но истинъ, оно прекрасно было!

АНГЕЛИКА

Пльнишельно, какъ бы разсвѣта часъ
 Дорожному, спѣшащему въ свояси. —
 Какъ высоко меня онъ превознесъ!
 О! часно здѣсь, у этого окна,
 Томилась я превожнымъ ожиданьемъ;
 Когда же вдругъ швой опѣсенный конь
 Примчавъ шебя, покорный господицу
 Шагъ умѣрять, и повернувъ лице,
 Ты взглядываль провздомъ на окно,
 Едва могла, едва дерзала вѣрншь,
 Чшо цѣлю швоихъ прогулокъ — я! —
 Телерь, Густавъ! о нѣтъ! я и шелерь
 Сама себя порою вопрошаю:
 Счастливица! чѣмъ заслужила ты
 Такою честь, шакое предпочтенье? —
 Ошвѣстшуй мнѣ, — и по какому праву,
 Царь юношей, и знашый и богатый,
 Предметъ мечпы привыкшихъ къ блеску женщинъ,
 Тебѣ одной принадлежить навѣки?

Г у с т а в ъ .

Ты сладко льснишь!

АНГЕЛИКА.

Какая мысль! спыдись —
 Лесть — ложь, Гуславъ! уже ли я способна
 Мои усна неправдой осквернить?
 Ты долженъ знашь мысль каждую мою.
 Призваніе меня не унижаешь:
 О! кино со мной, какъ Ангель благодашный
 Здѣсь дѣлился сіяніемъ своимъ,
 Предъ шѣмъ главы покорной преклоненье
 Еспь для меня священный, сладкій долгъ;
 (*Робко*)
 Но шы меня не внемлешь — умолкаю ...

ГУСТАВЪ.

Излишне шы мнѣ кажешься скромна:
 Хопь спраннымъ я, жеспокимъ покажусь —
 Ты не дивись, просиши мнѣ, Ангелика,
 Но чувспвовашь, дѣлишь швой восшорги
 Я не могу.

АНГЕЛИКА (*въ испугѣ.*)

Чшо слышу я, о Боже!

ГУСТАВЪ.

Такъ! У меня въ сей мигъ не досшаешь
 Для самого себя ни чувспвъ, ни мыслей.

Недоспасишь ни для себя самой. —
Душа моя полна печали друга.

А Н Г Е Л И К А .

О мой Густавъ, всегда чужое горе
Ты ощущалъ живѣе своего.

Г у с т а в ъ .

Не по. Сей другъ, опъ юношескихъ дней
Любезенъ мнѣ, съ нимъ каждое спраданье
Обязанъ я по брашски раздѣляшь.

А Н Г Е Л И К А .

Но что жь ему такое приключилось?

Г у с т а в ъ .

Нерѣдко насъ въ юдоли сей мяшежной
Терзаетъ сонъ, шерзають люди. случай;
Но шопъ еще несчастный во сно крашь,
Кшо для себя ихъ мѣсто заспушилъ,
Кшо своему спавъ сердцу непослушенъ,
Душевныхъ силъ своихъ не испытавъ
И быніе всѣхъ прелестей земныхъ
Въ безумствеа мигъ лишая безразсудно,
Боженственнѣй, природой подносимѣй,
Ошь уснѣ своихъ напипокъ опшолкнулъ.

АНГЕЛИКА (*всплываясь въ него.*)

Какое ты примешь въ немъ участие!

ГУСТАВЪ

Живѣйшаго онъ спойтъ сожалѣнья!

О! грудь его исполнена была

Любви къ добру и правдѣ благородныхъ!

Нерѣдко мысль его рвалась къ дѣламъ,

Которыя способенъ предпринять

Лишь юноша опважный, а свершить —

Высокая душа героя. Смѣло,

Но, можетъ быть, онъ слишкомъ посѣцать

Справу мечты, — шопъ поясъ распаленный,

Котораго цѣпы и существа

Не могутъ жить въ холодномъ нашемъ мѣрѣ.

АНГЕЛИКА

О какъ сей другъ, Густавъ, тебѣ подобенъ!

ГУСТАВЪ.

Несчастный сей, едва достигнувъ лѣтъ,

Когда начнеть поминься сердце жаждой

Нѣжнѣйшаго изъ чувствъ, когда оно

Предчувствуетъ любви все блаженство,

Исполненный восторгомъ неземнымъ,
 Небесную жену онъ создалъ. Свѣшлый,
 Прелестный ликъ ея онъ написалъ
 Волшебницы - мечны чудесной кистью,
 И ангельской душою ожививъ,
 Запечатлѣвъ въ груди своей глубоко.
 Безмысленный! Воображенья плодъ
 Онъ пожелалъ одѣтъ въ земное шѣло
 И въ образъ невинной, чистой дѣвы
 Свой идеалъ онъ жарко полюбилъ!
 Но коротко очарованье было;
 Такъ, съ пляжесью ошибки онъ узналъ
 Всю желчь ея — и сердце - власполюбецъ
 Напомнило ему свои права!
 Оно ему незанно указало
 На ликъ иной — и сновъ злыхъ созданье
 Должно было сѣ въ многомъ уступитъ!
 Въ груди его, какъ вѣкій бурный пламень,
 Спирасъ новая — огонь истинной любви
 Забушевалъ, — но поздно!

АНГЕЛИКА.

Зналъ ли ты
 Несчастную, которую такъ пышно
 Онъ нарядилъ, чшобы свесни — въ могилу?

Густавъ.

Я зналъ ее. Крошка и благородна,
 Другому бышь могла бы божествомъ,
 Ему жь она — вины воспоминашь,
 И каждое несчастной дѣвы слово
 Ему какъ звукъ Архангела трубы,
 А каждый взоръ — ему во лжи укоромъ.
 Напрасно онъ сражаешь съ собой,
 И хладный умъ напрасно созидаетъ
 Изъ ничего храмъ счастья для него;
 Не миновать ему сужденной казни!
 Сама собой родясь, какъ неба огонь,
 Любовь душой самодержавно правяшь,
 Не вѣдая господства надъ собой.
 Сколь жалокъ пошь, о горе несчастливцу! —
 Кто за нее приемень пѣнь ея —
 Бездушное днѣя воображенья!
 Кто применъ цѣнь, безъ вѣдома ея, —
 Цѣнь скованную имъ, онъ первой вспрѣчьной!
 Напрасно онъ украситъ свой предметъ
 Блещущими цвѣтами дарованій,
 Вошце его съ избыткомъ надѣлнитъ
 Приманчивымъ приданнымъ чувствъ и мыслей,
 Упрямое не запрепещетъ сердце!

Опъ впуитъ ждепъ воспорговъ спраспныхъ пѣхъ, —
Когда рука влюбленнаго сжимаетъ
Дрожащую подруги юной длань
И вздохи ихъ сляся, во едино
Ихъ души вдругъ и помыслы сольютъ.
Борясь съ собой, влачипъ опъ грустный вѣкъ
И жизнь ему — горька и ненавистна.
*(Ангелика слабѣетъ и садится, Густавъ быстро
подбѣгаетъ къ ней)*
Что такъ блѣдна?

Ангелика.

Я поняла тебя.

Густавъ.

Мой другъ! ...

Ангелика.

Молчи. Сего я знаю друга
И блѣдную я эту дѣву знаю.
И такъ скажи, уже ли для тебя
Любви ея проспаго сердца мало?
Увлечено оно не самолюбьемъ,
Оно въ тебѣ любило — лишь тебя.
О! не счинай его ты неспособнымъ

Пожертвованъ для счастья своего
 Спокойствіемъ своимъ. О! не спрашайся
 И лучшую прими ты душу въ лоно;
 Пускай она тяжелыя желѣзы
 Цѣпочными вѣнками замѣнитъ.
 Покоень будь. Моихъ роптаній, жалобъ,
 О милый другъ, ты не услышишь вновь.
 Предчувствую — забудешь скоро дѣву,
 Которая тебя лишь одного
 Воспорженной душой богошворила,
 Которая въ сей самый, грозный мигъ —
 Когда се съ небесъ свергаешь въ бездну
 За нѣсколько мгновеній сладкихъ сна —
 У ногъ твоихъ благодаритъ слезами.

*(Хочетъ упасть къ его ногамъ, но Густавъ проти-
 витъ ся тому, отскакиваетъ на нѣсколько шаговъ
 и остается безмолвенъ.)*

Свободенъ ты, покинь меня

*(Погодя нѣсколько, зарыдавъ бросается къ нему на
 шею)*

Гуснавъ!

Густавъ *(держитъ ее въ объятіяхъ
 и глядя вверхъ)*

Елена, другъ! *(оттолкнувъ ее слегка, — убѣгаетъ.)*

Ангелика.

Что сдѣлалось со мной?

Такъ вы сбылись, предчувствія мои;

За чѣмъ, душа, въ слезахъ ты не распаешь?

Пора теперь онцель! — какое имя? . . .

Несчастливая! . . . ошь не себя назвашь! —

(Закрываетъ лице чернымъ покрываломъ и уходитъ.)

В. Щастливый.

П. И. М.

(При врученіи Спихотвореній Б. Д.)

Вручая вамъ спихотворенья
Пѣвца, любезнаго богамъ.
Я возсылаю къ небесамъ
Свои усердныя моленья,
Чтобъ жизни вашей всѣ мгновенья
Промчались въ радостныхъ живыхъ, —
Игривы, чужды усыпленья,
Безпечны, полны вдохновенья,
Какъ Д. * * * прекрасный спихъ!

М. Деларю.

По челоѣчеству они ему прощали,

И исправленья поджидали.

Не всякая бѣда вѣдь сходишь съ рукъ легко —

Помѣщицы пому примѣръ не далеко —

И сколько таковыхъ примѣровъ въ міръ!

Подъячій, бишой, спалъ умнѣй —

Ужь эно въ естесивѣ вещей.

На выборъ опдалъ сй —

Иль заплашишь ему двѣ тысячи рублей,

Или въ Сибирь идти, какъ дважды два чешыре.

« Молчи, иль будешь бишь оняшь » —

Болтунья сгоряча вельма опвѣчатъ.

Но, чтобъ не подалъ онъ прошенья,

Повхала въ Казань для объясенья,

Чтобъ Губернашору все дѣло разказашь.

У Губернашора пугнули пакъ спарушку —

На эпо еспь вѣдь маспера,

Что та, какъ ни дряхла и ни спара,

Топчасъ съ почповаго двора,

Едва ли захвапнвъ подушку,

Пустилась въ Петербургъ, во всю почповыхъ мочь

Не опдыхая день и почь.

На спарости спозналася съ напасью!

Къ ея несчасью, или счасью,

Ея племянница здѣсь въ Пиперьѣ жила ;
 Она шарушку приютила,
 Ей пму вещей наговорила,
 Чшо здѣсь не сдѣлають ей зла,
 Чшо милосердь Монархъ, Минисеры правосудны,
 Но чшо, какъ городъ многолюдный,
 То надо ей одѣтой лучше быть,
 И пошкрыпѣй жинь,
 А здѣсь прошекціи нешрудны.
 Старушка, не вснуная въ споръ.
 На упро жь, съ Гайдукомъ пошла въ госпшный дворъ.

Подпявшисъ съ Невскаго, едва она спушила

Вдоль лавокъ пѣсколько шаговъ,

Какъ вдругъ шолпа кущовъ,

Услужливыхъ, сполничныхъ продавцовъ,

Привѣпно кинулась и даму обспушила

И вся наперерывъ вопила:

« Что покупаете? .. фуражки .. колпаки ... »

« Сутаны ... шпажные клинки ... »

« Чулки ... »

« Полу-чулки и носки ... »

« Пожалуйте-сь ... батисты, коленкоры. »

« Ботинки, туфли ... бритвы, шпоры ... »

Взойдите, барыня, здѣсь лучшіе разборы

Набоекъ, выбоекъ... И шумъ
 Помѣщицу лопками шрутъ
 Пляшъ, шесть разнощиковъ, которые вѣнчались
 Между купцовъ. Гайдукъ,
 Впервые съ барыней прибывшій въ Пешербургъ,
 Невѣжда наглая, буяновъ древнихъ внукъ,
 Сметнувъ, что не къ добру сполнились
 Крикунъ на крикунъ вокругъ,
 Въ зашылокъ спукъ
 Нахала съ сайками, и сайки покатились:
 Спаруникъ дали шумъ просторъ,
*« Сударыня, хоть весь гостинный дворъ
 Извольте обойти — одинъ гласить ей вняшно —
 Ко лить жь изволите пожаловать обратно.
 Повѣрьте слову моему! »*
 И барыня вошла къ нему.

Купивъ что надобно ей было,
 И даже не было, да показалось мило,
 Помѣщица, съ большой опъ гвалту головой,
 Пошла домой,
 Сквозь ту же шолкопню, и говоръ безъ-умолку;
 И невзначай,
 Не зная Пиншерской прекраснѣйшій обычай,
 Не шорговать, не зная шолку,

Въ три-дорога за все дама,
И рухлядь вся была —
Гнила!

Когда судьбы начнушя ужь гошенья,
Страшнись, какъ на морѣ волненья.
Берегнись!

Къ несчастію случись,
Что вздумалось помѣщеніѣ пройшись,
Не по Фоншанкѣ ужь, какъ прежде,
Но по Садовой и Сѣнной:
Не зная дороги ни одной
Пошла въ надеждѣ —
Что будетъ по-прямѣй добранься ей домой.
Какая ужь большой
Прогулка!
Бредешь,

И вопъ судьба се ведешь
Близъ Чернышева переулка!
Вдругъ соння голосовъ въ ея всплапнеть слухъ;
Безъ шапокъ спю кунцовъ, покорныхъ слугъ,
Ей предлагають балахоны,
Кафтаны, конскія попоны,
Булавки лутшія — на гестъ —
Иголки, пошнцы . . . всего не перечеснь.

« Поснойте, бапюшки, да дайте мнѣ дорогу;

Я уморилася, ей Богу!»

Едва дороги пять шаговъ,

И снова соння голосовъ —

Сударыня! духи, помада . . щетки . . пряжки . . .

Илень и шерсть, и пухъ, наперстки и подтяжки . . .

И вновь шорговый людъ проходу не даёшь!

Гайдукъ же на грѣхи позазѣвался,

Съ мальчишками связался,

Кто надоѣсть, того пугнётъ:

Купецъ услужливый, какихъ немало встрѣпимъ,

Самъ-другъ съ работникомъ, воспользовавшись эпимъ,

Поймали барыню подъ-ручки, и поничасъ

Спянули въ лавку съ глазъ!

Гайдукъ неуганый, что барыня пропала,

Какъ опъ натуры ни быть крушь,

Презрѣвъ, что чунь его услужники не рвутъ,

Ленишь, и барыня вскричала;

Онъ въ лавку: бѣдная спояла и дрожала!

Скамью ей двос подюпъ,

А шреній передъ ней ворочасиъ хомушь.

Тупъ,

Подумавъ что ес, для смѣху, запрягутъ,

Онъ спрусилъ, руки врозь, напшскиваепъ шапку,
 Берепъ помѣщцу въ охабку,
 И не жалѣя силъ,
 Свншой, между воевъ, онъ рысью припусшилъ,
 И барыню, домой — въ горячкѣ — принащилъ.
 Кареша въ мнгъ была гошова;
 Помѣщца, спремглавъ, не говоря ни слова
 Племянницъ, и никому,
 Обратво понеслась къ жилищу свосму,
 И нуще прежняго почповыхъ погоняла;
 Бѣдняжка чушь не умирала,
 И все, въ горячкѣ, предспавляла —
 Чшо будшо гонилея госпниый дворъ за ней!
 Прїѣхавши въ Казань, двѣ тысячи рублей,
 Да возъ индѣекъ и гусей
 Къ Подьячему немедленно послала,
 Квинанцію доспала,
 И поздоровѣвши опянь,
 Вновь спала жинь да поживашъ,
 Закаясъ въ Пешербургъ пускашъся хлопощанъ;
 Но шумомъ въ головѣ по смерпъ она спрадала.

*

Молва разсказъ правдивый сей
 Еще хранипъ въ числѣ преданій;

Госпиный дворъ, до позднихъ дней
Въ дальнѣйшемъ округъ Казани
Сберегъ права свои надъ ней —
Какъ домовый пугаль дѣшей!

Н. Коншинъ.

ВСЕ ИЗЪ НИЧЕГО.

— «Пріятель вашъ женился, Monsieur Ладовъ?» сказала одна дама молодому Офицеру: «поздравляемъ его, par contumace.

— «Или par procuracy, въ лицѣ вашемъ,» прибавила другая дама; «попому чпо самъ онъ уже съ полгода къ намъ и глазъ не кажетъ.

— «Ахъ, если бъ вы знали, Mesdames, чего ему стоила эта женитьба Сколько хлопотъ, сколько досадъ!

— Расскажице намъ это, Monsieur Ладовъ; вы шакой масперъ рассказываете.

— «Тгор d'honneur!» проговорилъ Ладовъ вполголоса, съ поклономъ и довольною улыбкой. «Mais puisque vous le voulez absolument, извольше.

«Пріятелю моему, Тимскому, и неудачи и удачи — все было *изъ ничего*. . . .

— « Какъ эпо? » вскрикнули удивленныя дамы.

— « Souffrez que je continue. Два года онъ былъ постоянно влюбленъ въ Княжну Полину Приодину, два года ждалъ рѣшенія судьбы своей — все ничего, какъ ничего! Наконецъ рѣшился онъ писашь къ ней, подкупилъ горничную Княжны, послалъ черезъ нее письмо, ждалъ отвѣта, ждалъ день, два, три, недѣлю, двѣ недѣли... Ничего! — Вы знаете, Mesdames, Княгиню *Жакъ?* вы, думаю, видали се: ну, словомъ, жену Князя Якова Сворскаго. Къ ней-по обратился бѣдный нашъ Тимскій: онъ зналъ, что Княгиня дружна съ Княжною Полиной. « Участъ моя въ вашихъ рукахъ, Princesse, » сказалъ онъ ей: *mettez-moi aux pieds de Pauline; qu'elle dise une bonne fois: да или нѣтъ, et que çà finisse.* » Опять онъ ждетъ день, два, три: ничего! Опять прѣзжаетъ къ Княгинѣ *Жакъ*: Княгиня! чѣмъ вы меня порадуете? что скажете хорошаго? » — « Ничего! » — « Говорили ль вы съ Княжною По-

линой? » — « Говорила. » — « Что жъ она? » — « Ничего! »

« Это взорвало несчастнаго Тимскаго. Не помня себя, выскочилъ онъ изъ гостиной Княгини Жакъ, не помня себя, сбѣжалъ съ лѣстницы и бросился въ коляску. Досадуя на все и на всѣхъ, запрокинулъ онъ голову такъ, что шляпа чуть съ него не слетѣла, и громко проклиналъ и Княжну Полину, и Княгиню Жакъ, и свѣтъ, и людей, и себя самого, смотря прямо въ зеницъ, какъ будто бы призывалъ небо въ свидѣтели своихъ проклятій. Графиня Реверсинская, тетка Полины, встрѣпилась съ нимъ на улицѣ, высунулась изъ кареты, звала его по имени.... Ничего! онъ не видитъ и не слышитъ. Я замѣтилъ его издали, скачу за нимъ во весь опоръ, кричу, машу платкомъ.... Ничего! онъ какъ будто ослѣпъ и оглохъ. Приѣхавъ домой, написалъ онъ къ Полинѣ письмо.... *mais, une lettre fulminante!* Онъ писалъ ей, что пожертвовалъ для нея всею: спокойствіемъ

жизни, любовью прехъ или четырехъ милыхъ женщинъ, даже вечерами Графа Тромпепина, зная, что родные Полины въ разладъ съ эшимъ домомъ... Къ счастью, слуга Тимскаго, малой догадливый, видя, что баринъ его какъ будшо самъ не свой, все рвешъ и мечешъ, — не опдалъ эпого письма Полиной служанкѣ, съ которою у него была une *espèce de liaison d'antichambre*; а почешъ за лучшее разкуришь имъ трубку.

«Тимской нашъ, между тѣмъ, желая опмспитиъ Полину самымъ жестокииъ образомъ, вздумалъ уѣхашъ въ чужіе край, и для того продалъ свой экипажъ. Опъ уже дважды публиковалъ себя въ газетахъ опъѣзжающимъ за границу, ждалъ только претьяго раза и былъ, шакъ сказашъ, *на слазу*; какъ вдругъ въ одно утро, получашъ записочку опъ Книгини Жакъ, которая приглашала его поскорѣ пріѣхашъ. Считая неучпивостью, опказашъ опъ дамскаго приглашенія, и боясь навлечъ на себя пересуды въ шомъ домѣ, ко-

порый онъ прежде посѣщамъ шакъ усердно, Тимской. нисколько не медля къ ней опшравился. Входить въ госпиную — видить Княгиню Жакъ и съ нею одну только Княжну Полину. Уже онъ готовъ былъ бѣжать за дверь, какъ вдругъ силы его оставили, онъ задрожалъ, и, не владея собою, упалъ къ ногамъ Полины. «Vous me rebutez, Princesse,» проговорилъ онъ жалобнымъ, задыхающимся голосомъ: «скажете, что вы находите во мнѣ противнаго?» — «Ничего!» — «Что же было препятствіемъ, которое не допускало васъ осчастливить меня?» — «Ничего!» — «Можетъ быть я не имѣю счастья правнисья роднымъ вашимъ? можетъ быть, они говорили вамъ что нибудь противъ меня?» — «Ничего!» — «Такъ ничто не препятствуетъ моему благополучію?» — «Ничего!...» Последнее *ничего* пропаяно и съ легкимъ вздохомъ вырвалось изъ груди прелестной Полины.

«Словомъ: изъ ничего вышло все: Тимской женатъ; вчерась былъ я у него съ поздравле-

ніемъ. «Ты теперь вполне счастливъ,» сказала я ему:» милая жена, хорошій досташокъ, большія связи; короче, всѣ твои желанія исполнились. Скажи, что ты теперь чувствуешь?» — «Ничего!» ошвѣчалъ онъ разсѣянно, и началъ повѣрять счетъ, поданный ему дворцкимъ. »

О. Соловъ.

ПСКОВИТЯНИНЪ

(Изъ 2-й пѣсни поэмы: рожденіе Іоанна
Грознаго.)

— Соломонія не знаетъ
 И не предчувствовалъ бѣды;
 Съ жезломъ въ рукѣ, впечатлѣваетъ
 Въ пескахъ смиренные слѣды...
 Встрѣчаясь съ женщиною бѣдной,
 И опъ шрудовъ духовныхъ блѣдной,
 Кпо бѣ молвилъ: Царская жена!
 При ней Боярыня одна,
 И съ нею Инокъ-покровитель!
 Царица странствуешь въ обитель
 Святаго Сергія! — Она
 Надеждой свѣпную полна:
 Тамъ просіаешь милость Бога!
 Тамъ осчастливлена была
 Когда-шо дочь Палеолога:
 И па молишься въ Лавру шла —

Лежала на сердцѣ кручина:
 Не даровалъ Господь ей сына!
 Но близъ Обишели она
 Священнымъ спрахомъ смущена —
 И видишь сонъ, яснѣ ведра!
 Предъ нею Сергій, весь въ лучахъ,
 Съ младенцемъ милымъ на рукахъ...
 Сказавъ: «*Прими!*» въ ея онъ пѣдра
 Младенца ввергнуть — и исчезъ!
 И пѣдра долго препенали,
 Пріавъ священный даръ небесъ!
 Благоговѣнно люди ждали:
 Родился Царь, опочивши другъ —
 И Соломоніи супругъ!

Сіе видѣніе превожитъ
 Ее, безчадную жену;
 Она летѣетъ мысль одну:
Уже ли Вѣра не возможетъ?

Роспуитъ двѣ липы; въ ихъ тѣни
 Сидятъ, успалые, они.
 Чуть дышетъ воздухъ благовоной;
 Предъ ними роци полукругъ

Вдали обхвапываетъ лугъ,
Лежащій скашернью зелёной.
На немъ цвѣты, на немъ снада
И воды синія пруда.
Порой звучитъ рожокъ паспушій;
Въ селенѣ дальнемъ крикъ пѣшушій;
Вблизи лачуга: у воропъ
Сидитъ хозяинъ, и поспъ:

«Псковъ великій, Псковъ любимый,
Добрыхъ гражданъ вольный свѣтъ!
Псковъ великій, градъ родимый,
Ты упалъ, шебя ужь пѣтъ!

«И шебя постигла злая
Новагорода судьба:
Ольги родина святая,
Ты Московская раба!

«Красота, богатство, люди —
Три младница, безъ вины,
У швоей пинались груди
Вольнымъ духомъ спарины!

« Ты узрѣла надъ собою
Многокрылаго Орла...
Ты поникла головою,
Слезы горькія лила!

« Онъ желѣзными когтями
Лопу мапери перзалъ
И, непронухій слезами,
Трехъ младенцевъ заклевалъ!

« Мужъ законный, долговѣчный
Опъ тебя въ неволю взяпъ:
Ахъ, пвой колоколь сердечный,
Гдѣ шеперь въ него звоняпъ?

« Горемычная вдовица,
Нѣпъ тебѣ и намъ жипья!
Не померкла ли зѣница
Вѣчно-слезная пвоя?

« Мы далеко, мы понинѣ
Люшой плачемся судьбѣ!
Маперь, душно на чужбинѣ —
Сердце проситъ къ тебѣ!

« Но Орель шопъ многокрылый,
Нась однихъ ли онъ сразилъ?
Иль разперзанъ Дмишрій милый,
Онъ Шемякина убилъ!

« И за то лежишь десница
Бога сягоспно на немъ:
Се неплодна бысь Орлица —
Не бываешь ему онцемъ! »

Какія спрашныя угрозы!
Сказалъ ли истину пѣвецъ?
Сей пѣсни горесной конецъ
Испоргнулъ шрепешныя слёзы
У Соломонн; она
Тревожной мыслию полна,
Столь грусно на небо глядѣла,
Какъ бы разжалобить хотѣла
Неумолимаго Творца.
Она позваешь къ себѣ вельфа
Немилосердаго пѣвца.
Онъ на привѣспивенное слово
Ошвѣшилъ крашко и сурово.

«Садись, пѣвецъ! шоскуй со мной:
 И я несчастна! предъ собой
 Ты зришь неплодную Орлицу,
 Твою бездушную Царяцу;
 Ты удивляешься, что съ ней
 Не свѣпмый блескъ, не блескъ престольный;
 За по еспѣ слезы у очей,
 Охъ, много свѣпмыхъ слезъ у ней!
 Бесѣдуй съ нищей богомольной,
 И что съ побой, повѣдай ей!»
 — Я изъ *Посадничьихъ дѣтей*,
 Я Псковшянинъ добровольной!
 Судьба мнѣ тяжкій креспѣ дала:
 Я безъ опчизны сиропспивую!
 Но ты, ты не должна была
 Подслушашъ пѣснь заповѣдную...
 То пѣснь про родину мою —
 Я день и ночь се пою!
 Она душѣ моей опальной
 Напоминаешъ градъ мой дальшой,
 И дѣву съ милою красой,
 И Вѣче съ шумною полпой,
 И свѣпмый храмъ *Живонагальной!*
 Погибло много; Псковъ родшой

Уподобляется пустынь!
 Погибло все — но много памь
 Оспалось милаго понынь!
 И шакъ по очереди Вамъ
 Я все повѣдаю, Царица!
 Тяжка Василя десница!
 Въ слезахъ сложиль я пѣснь свою,
 И пѣснь пою и слезы лью!

Я въ пеленахъ спалъ сиропюю!
 Я помню: дѣдушка со мною
 Въ Москву повхаль . . . Опчій Псковъ
 Намъ вслѣдъ смопрѣль изъ-за лѣсовъ —
 Младенца слезы побѣжали . . .
 Далеко кони насъ помчали!
 Меня увидѣль Царскій внукъ .
 Димитрій милый. Мы спознались ;
 Онъ спалъ мой неразлучный другъ —
 Мы вмѣстѣ дышпвомъ наслаждались!
 Его на Царспво Дѣдъ вѣичаль ;
 Я видѣль попъ обрядъ священный! . . .
 Онъ на амвонѣ возсѣдалъ,
 Въ вѣнцѣ, и въ бармы облеченный!

Но не исполнился завѣщъ
 Обряда царственнаго! Дѣдъ
 Обидѣлъ внука — и Василій
 Пріялъ Державу опъ него;
 И какъ ужасно согрѣшили
 Противъ Димитрія — его
 Въ тюрьму - палату заключили!
 Чешыре года съ нимъ я былъ
 Темницы воздухъ! О, какъ милъ
 Былъ тихій мученикъ державный,
 Сей юноша, въ народѣ славный!
 Онъ въ цѣвщъ лѣтъ и полный силъ,
 Былъ предавъ гореспшному плѣну!
 Его спрадачьямъ и скорблямъ,
 Тюремнымъ пѣснямъ и слезамъ
 Единый Богъ лишь знаетъ цѣну!
 Я плакалъ съ нимъ: какъ было жаль
 Такого ангела! могила
 Его ждала... тоска — печаль
 Младое сердце разгромила!
 Онъ опходилъ, онъ поблѣдѣлъ —
 Я оспывалъ и каменѣлъ...
 Въ томъ мигъ мы были мертвы оба!...
 Онъ въ жизни бѣдная былъ шварь —
 Но въ смерти спалъ онъ пышный Царь!

Уже ль ему за всё печали,
 За сколько слезъ и сколько бѣдъ,
 Ахъ, за неволю юныхъ лѣтъ —
 Могилы Царской мздовоздали ?

Я возвратился въ градъ родной.
 Тамъ, подъ управою народной
 Моихъ согражданъ духъ свободной
 Мнѣ вѣялъ радостью святой!
 Подъ сѣнью опческаго крова
 Я ожилъ гордой жизнью Пскова;
 Мнѣ посчастливилось узнатьъ
 Любви воспоргъ и благодапъ —
 Нашалъ я милая! . . .

Но горе
 Для насъ гоповилося! . . Вскорѣ
 Къ намъ перенала злая вѣсть,
 Чшо волю, колоколь и чеспъ
 У насъ опнимупъ! Не далече
 Былъ Царскій Дворъ. И вопгъ посоль
 Прѣхалъ къ намъ: его глаголь,
 Какъ прубный звукъ, на древнемъ Вѣчь
 О предсшавленьи возвѣспилъ!
 Ахъ, на отвѣпъ не спало силъ —

И онъ до упра былъ опложенъ!
 Сей день, Царица, ночь сія —
 Труднѣй боренья бышія
 Со смершью были! . . . Псковъ, прсвоженъ ,
 Степая, руки въздѣвалъ ;
 Опець семью благословлялъ
 При лунномъ свѣтѣ спрашной ночи —
 И всѣ мы выплакали очи ! . . .
 Кто не былъ между насъ тогда,
 Топъ не увидитъ никогда
 Такой бѣды, такого моря
 Народныхъ слезъ! . . .

И я рыдалъ,

Но смѣло къ братьямъ воззывалъ :
 Не переживи звѣиной славы
 И, общей смершью роковой
 За наши древніе успавы ,
 Увѣковѣчишь громкій бой ;
 Мы эншой прсбовали чашни ,
 Кипѣла грудь избыткомъ силъ . . .
 Но не хотѣли спарцы наши ,
 Чпобъ Псковъ великій измѣнилъ
 Обыпу креспному! . . .

Мы правы:

Мы не добыли грѣшной славы!
И плачь покорности творя,
Нашъ древній Псковъ Царю отдали, —
Но средь торжественной печали
Кляшвопреступнаго Царя
Суду небесному предали! . . .

Людей ссылаь онъ въ край чужой:
Споль грозно власть его воздвиглась!
И чинобъ избѣгнушь ссылки пой,
Съ своей унылою семьей
Моя Напалія посприглась! . . .

И я былъ сосланъ подъ Москву,
И я извѣдалъ горечь ссылки,
Бывъ въ чужъ преданъ сиротству!
Въ уныши гаснулъ духъ мой пылкй —
И спало око безъ огня!
Шемакинъ выпросилъ меня
У непреклоннаго Василья,
И взять къ себѣ! При немъ я жилъ
Среди довольства и обилья —
Онъ раны сердца залечилъ!

Онъ былъ послѣдній Князь удѣльный,
 Но вѣрный былъ Царю слуга!
 Ударъ готовился смертельный!
 Васплій, съ хипросью врага
 Его сманивъ въ свою столицу,
 Лишилъ наслѣдства, безъ труда,
 И вдругъ, безъ правды и суда,
 Повергнулъ въ мрачную темницу —
 И славный Князь, краса Князей
 Погибъ въ цѣпяхъ!...

Я безъ цѣпей

Еще дышу; но тяжче цѣпи,
 Лежишь на сердцѣ сиротство!
 Живу, не знаю для чего —
 И жизнь пуста — и пуще сени!
 И мнѣ наказано опятьъ
 Въ землѣ Московской горевать!

Ты видишь, добрая Царица,
 Чшо сдѣлалъ грозный нивой супругъ!
 Товарищъ нгръ, душа-дѣвица,
 Отчизна славная, и другъ —
 Все, чѣмъ прелесненъ міръ юдольный,
 И все, чѣмъ сладокъ воздухъ вольный,

Всѣмъ Богъ счастливица надѣлилъ...
 Все опьялъ Царь — и умертвилъ!... —

« Мой другъ! я чпо пивон спираданья,
 Но васъ не можешъ разсудить
 Супруга, жадная любишь!
 Всѣ эти темныя дѣянья,
 Для благъ людей (шакъ мншися намъ)
 Три грустныхъ жерпвы небесамъ!
 Но вошь чпо сирранно: при несчастья,
 Въ счастливый вѣкъ единовласья,
 Касались всѣ швоихъ друзей,
 Любви и родины швоей, —
 По вошь Бога исполняшой!
 Многоспрадальный мужъ! за чпо
 Въ себя ударилъ громъ прикрапшой!
 Но слушай: ежели за шо
 Нѣптъ благодати съ Царскимъ домомъ,
 И Царь Господень гнѣвъ навлекъ —
 Такъ шы, шройныхъ сраженный громомъ,
 Избранный небомъ человекъ,
 Великодушный, благородный,
 Который власнень: одръ неплодный

Своимъ прощеньемъ осѣняй!
 Народа плачущая мать —
 Царица молишь, предъ побойю
 Склонясь невпнишою главою:
 Сними заклятіе! спаси
 Меця опть вѣчнаго неплодья —
 И мнѣ блаженство чадородья
 Со мною въ Лаврѣ испроси!... »

— Чшо ты промолвила? я еле
 Такою рѣчь могу понять!
 Уже ль я власнень въ самомъ дѣлѣ,
 Проспивъ Василья, осѣняишь
 Мосей молишвой ваше ложе?...
 Проспишишь ли, пѣшь ли? вѣчный Боже!...
 Проспишишь!... Прощеньемъ воздаю
 За эшотъ Царскій громъ прикрашный,
 За все — за Псковъ мой невозвращный!
 Забуду все — и пѣснь мою!...
 Иду съ побойю, иду молишья
 О чадородіи пвоемъ!
 Прощаю все... съ монмъ Царемъ
 Иду предъ Богомъ примириться!

Баронъ Розенъ.

•••••

ПРИМИРЕНІЕ.

Ея супругъ былъ равнодушенъ къ ней,
 Но никогда не приносила жалобъ!
 И если бъ былъ онъ вдвое холоднѣй,
 Всегда равно, съ перитѣшемъ сердце ждало бъ
 Счастливаго прихода лучшихъ дней!

Въ чаду ушѣхъ, ошважный, пылкій, юный,
 Онъ жизнью богатою кнѣзь:
 Въ очахъ сверкаль огонь громовыхъ стрѣлъ,
 Въ порывахъ бурь гремѣли сердца струны!
 Его спросишь различесивуешь пыль
 Онъ ангельскихъ супруги вождельнѣй —
 Онъ чистые воспорги погубилъ
 Среди пировъ и шумныхъ наслажденій!

Но часъ его насталь: ему безъ ней
 Недоспашеть чего-то межъ друзей,

И бурное веселье надобло,
 И умъ осмыль и сердце объднѣло!
 И онь предснать, улымый, предъ нее,
 Явленнѣ ей раскаяннѣ свое,
 И блѣдный ликъ, и сердца уномленнѣ,
 И шайныхъ мукъ шлжелую грозу....
 Ея души свяное сожамннѣ
 Воплощено въ чнстѣйшую слезу,
 Быгущую изъ голубаго ока....
 Онь это зрѣль — и онь зашрнснать —
 Торжеснвенно къ ногамъ ея упаль
 И кляннвенно опресея онь порока!
 Облншая сянннсмъ лучей
 Веходящаго свѣншла лучшнхъ дней,
 Надъ ннмъ спонннъ она, какъ бѣлый Геннй,
 Среди огня любви и вдохновеннй!

Баронъ Розенъ.

КЪ ДРУГУ.

Мой другъ, прошла моя весна,
Ужь я опцвѣтшій жипель міра;
Уже она, какъ гробъ, нѣма
Тобой ласкаемая лира!

*

Изсякъ поэзіи елей,
Лампады чувствъ святая пища;
И гаснешъ жизнь въ груди моей
Какъ искра въ грудахъ пепелища.

*

Не оживу для пѣсень я —
Напрасны дружества усилья . . .
Не доиссупъ въ Олимпъ меня
Мои обломанныя крылья!

Д — въ.

Влжск.

ВЕСНА.

Распоргнувъ лдяныя оковы,
Встаешъ весна, краса полей, —
И побѣжалъ волной свинцовой
Недавно скованный ручей;
Спряхая иней съ вѣпвей,
Дубъ величавый молодежь;
Лучъ солнца радостнѣй горнищъ,
И къ наслажденью все манишь,
Все счастьемъ и нѣгой вѣешь!
Но кто увялъ больной душой,
Кому земля безъ впечатлѣній —
Для невозвратныхъ вдохновеній
Тотъ не пробудился весной;
Тотъ спанешъ, молча, непогоды
Осеняго прихода ждать,
Чтобъ было съ красной природы
Ему оправднѣй увядать!

Ж Е Л А Н И Е.

Туда мнѣ унылому
Давно уже хочешся,
Туда, гдѣ родное все,
Гдѣ было мнѣ весело!
Гдѣ солнце веселее
Свѣплѣ сіяло мнѣ,
Гдѣ рощи душистѣе!
Гдѣ все дышетъ радостью,
Любовью и нѣгою!...
О, если бы крылья мнѣ!...
Въ родимую сторону
Орломъ полетѣлъ бы я!...

ВЕСНА И ОСЕНЬ.

(М. Д. Деларю.)

Кно въ первый разъ душою разпустился
Подъ пламеннымъ дыханіемъ любви,
Чей взглядъ слезой воспора серебрился,
Какъ на росъ привѣшпый лучъ зари:

*

Топъ любви въ взоръ покоишь уносной
Надъ свѣжими карнизами Весны.
Зари возходъ, почной покой вселенной
Лелѣеть все плънишельные сны.

*

Но кно любилъ, спрадалъ и пѣлъ спрадашь,
Кно уномилъ гоненія судьбы,
На чьемъ чель души обуреванье
Глубокіе оспавило слѣды;

*

Чей страшный видъ, не пурпуромъ Авроры,
Но заревомъ спрасшей воспламенёнъ,
Чьи, какъ шуманъ, свѣрютъ дымны взоры,
Гдѣ голубой являлся небосклонъ:

*

Тому не миль Весны невинный Геній,
Топить любншь шумъ въ рѣдьющемъ лѣсу,
Иль мершвй сонъ багряножелшой сѣни
И Осени блѣдньющей красу.

Князь Мещерскій.

Царское Село.

Лицей.

1828.

П Ъ С Н Я.

(Кому-нибудь.)

Тоска любви волнуешь грудь,
И мраченъ сердца сонъ печальный,
И снится образъ идеальный,
Твой милый образъ *Кто-нибудь!*

*

И энопъ сонъ не дастъ уснуть,
Сонъ энопъ врагъ успокоенью,
И слѣдуетъ повсюду пѣнию —
Душою жданный *Кто-нибудь!*

*

Но крапнокъ жизни быстрый путь;
Проходяпъ дни, пройдупъ напастн;
Сожгутъ погнбелъннн спрспнн
И молодостъ, и кровъ, и грудь.

*

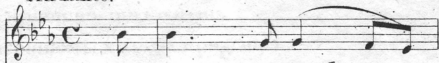
Тогда пришло ошдохнуть
На смернномъ холодѣ придешся,
И, радость! . . . Сердце не забьется
Тоской, шобою, *Кто-нибудь!*

Н. Коншинъ.

Andante.

Chant.

Тос-ка любовь бар-

Piano.

-ну...-етъ грузъ и мра-ченъ сердца сонъ не-

-галб-ный, И снит-ся образъ Изе-

-аль-ней, твоей милый о-бразъ кто ни-

pp

The first system of the musical score consists of three staves. The top staff is a vocal line in G major with a treble clef, starting with a fermata and a dynamic marking of *pp*. The lyrics are "-аль-ней, твоей милый о-бразъ кто ни-". The middle and bottom staves are piano accompaniment, with the middle staff in treble clef and the bottom staff in bass clef. The piano part features a rhythmic accompaniment of eighth notes in the right hand and chords in the left hand.

-будь! Твоей милый о-бразъ кто ни-

The second system of the musical score consists of three staves. The top staff is a vocal line in G major with a treble clef, starting with a fermata and a dynamic marking of *pp*. The lyrics are "-будь! Твоей милый о-бразъ кто ни-". The middle and bottom staves are piano accompaniment, with the middle staff in treble clef and the bottom staff in bass clef. The piano part continues with the same rhythmic accompaniment as the first system.

будь!

The third system of the musical score consists of three staves. The top staff is a vocal line in G major with a treble clef, starting with a fermata and a dynamic marking of *pp*. The lyrics are "будь!". The middle and bottom staves are piano accompaniment, with the middle staff in treble clef and the bottom staff in bass clef. The piano part concludes with a double bar line and a fermata.